

ИСТОРИЯ РУССКОЙ
И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

С.А. Голубев
В.Б. Миронов

БИТВЫ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Annotation

В книге доктора юридических наук, кандидата исторических наук Сергея Александровича Голубева «Битвы цивилизаций» показано, с одной стороны, непрерывное противоборство и столкновение, с другой стороны, экономическое, духовное и культурное сотрудничество стран и народов в эпоху Древнего мира. Автор размышляет о том, что лежало в основе мировых конфликтов, что приводило империи и государства к жестоким войнам, рассматривая политические, экономические и юридические аспекты взаимоотношений различных социальных слоев и правящих групп.

- [Владимир Миронов, Сергей Голубев](#)
 - [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)
 - [ЧАША МИНУВШЕГО](#)
 - [ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОГО МИРА](#)
 - [ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСОВ](#)
 - [ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ](#)
 - [ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ЦАРСТВО СКИФОВ](#)
 - [АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ МИРОВОЙ ИМПЕРИИ](#)
 - [ПОСЛЕДСТВИЯ ПОХОДОВ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО](#)
 - [ПОЯВЛЕНИЕ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ РИМСКОЙ ДЕРЖАВЫ. СХВАТКА РИМА И КАРФАГЕНА](#)
 - [АНТИЧНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И СОСТОЯНИЕ РИМСКОГО ОБЩЕСТВА](#)
 - [РИМСКОЕ ПРАВО КАК «ПРАВО» ПОБЕДИТЕЛЯ](#)
 - [ЦЕЗАРЬ И НАЧАЛО ЭПОХИ ИМПЕРИИ. «ЗОЛОТОЙ ВЕК» АВГУСТА](#)
 - [ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ЛИК РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. ВОССТАНИЯ РАБОВ](#)
 - [ЦЕЗАРИ И ФИЛОСОФЫ. СЕНЕКА И НЕРОН](#)

- УРОВЕНЬ ЖИЗНИ, УСЛОВИЯ БЫТА, ЭТИКА И МОРАЛЬ РИМСКОЙ ЗНАТИ
 - ЗНАЧЕНИЕ РИМА КАК ФАКТОРА ЦИВИЛИЗАЦИИ
-

Владимир Миронов, Сергей Голубев
Книга I. Битвы древних цивилизаций

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Прекрасный день его на Западе исчез, Полнеба
обхватив бессмертною зарею, А он из глубины
полуночных небес – Он сам глядит на нас
пророческой звездою...*

Ф.И. Тютчев

Книга предстает перед нашим читателем в пору «великого перелома», когда меняются ориентиры, веры, убеждения, экономические основы, устои. Меняются и люди. Страны хотят найти ответ на острейшие вызовы, народы хотят действовать и жить в духе новой реальности, новой эпохи, более гуманной современной философии. Но остаются старые предубеждения, бывшие стереотипы и привычки, обретенные за века, за тысячелетия конфликтов. Остаются имперские интересы, поскольку империи – не только и не столько территории, сколько дух и культура, равно как и жажда господства.

«Вот уже с лишком тринадцать лет, как русское правительство совершенно изменило свою систему, совершило акт такого высокого либерализма, что даже совестно применять к нему это опошленное слово... С тех пор правительство продолжало действовать все в том же духе. Одна либеральная реформа следовала за другой. На заграничные дела оно не оказывает уже никакого давления. Этого мало, оно употребляет свое влияние в пользу всего либерального. И правительство, и общественное мнение сочувствовали делу Северных

Штатов искреннее, чем большая часть Европы. И что же, переменялась ли хоть на волос Европа в отношении к России?.. Защитники национальностей умолкают, коль скоро дело идет о защите русской народности, донельзя угнетаемой в западных губерниях. Еще в моде у нас относить все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России. Наша пресса молчит или по крайней мере до недавнего времени молчала, а враги на нас клеветают. Европа не знает, потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знать хочет, то есть так, как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению. Нечего снимать бремя тому, кто имеет очи и не видит; нечего лечить от глухоты того, кто имеет уши и не слышит... Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое. не чуждое только, но и враждебное начало. Для этой несправедливости, для этой неприязненности Европы к России. мы не найдем причины в тех или других поступках России; вообще не найдем объяснения и ответа, основанного на фактах. Это-то бессознательное чувство, этот-то исторический инстинкт и заставляет Европу не любить Россию. Русский в глазах их может претендовать на достоинство человека только тогда, когда потерял уже свой национальный облик. Для беспристрастного наблюдателя это неопровержимый факт... Итак, принадлежит ли Россия к Европе?.. Пожалуй – принадлежит отчасти, и притом, насколько кому желательно. В сущности же... и Европы вовсе никакой нет, а есть западный полуостров Азии, вначале менее резко от нее отличающийся, чем другие азиатские полуострова, а к окончанию постепенно все более и более дробящийся и расчленяющийся», – так писал в XIX веке выдающийся русский ум Н.Я. Данилевский.

Н.Я. Данилевский – автор книги «Россия и Европа»

Многие продолжают жить привычными понятиями. Спор Востока и Запада в прошлом и настоящем принимал и принимает характер битвы цивилизаций. Все это имеет свою логику и историю. Европа, используя мощные ударные колонны армий македонцев, греков и римлян, атаковала Азию и Восток в надежде их пленить и подчинить. Затем и Восток выступил грозой, сокрушителем Европы. Тамерлан дошел до границ Европы, турки сокрушили Византию, установили свои законы, верования, культуру и покорили Константинополь, которым затем овладели крестоносцы. Потом арабы подчинили часть европейского мира, дав ему частицу своей души. Испанцы освоили большую часть Америки, англичане создали громадную империю, включив в пределы владений Индию, часть Африки, Америки, всю Австралию. Скифы, гунны, славяне, индусы, китайцы обустроили Евразию. Возникло множество народов, кровей, языков, религий, культур. Европа, осваивая мир, редко проникала в глубины Евразии. Как писал французский просветитель Шарль Монтескье, «Москва была в Европе столь же мало известна, как Крым». Terra incognita! Европейец долго не мог понять, кто такой русский – европейец или азиат,

дителя Востока; до сих пор мы для европейца – некая *secreta dominationis* (лат. – тайна деспотии).

К кому же мы ближе – к народам Центральной Азии, Индии и Китая или к народам Европы? Похоже, что мы – и не европейцы, и не азиаты, а вернее было бы сказать, то и другое. Своеобразная скифско-иранско-индийская или прото-славянская амальгама, где ключевую роль играет не столько антропология, сколько история и культура. Это совсем не то, что мы видим в ходе смешанных браков, когда мать и отец дают ребенку типологические, языковые, культурные, религиозные особенности. Тут мы видим нечто особое, то, что греки называли божественной сущностью. Удивительное явление, когда сотни обычных народов и национальностей составляют совершенно уникальную цивилизацию. Живя по канонам скорее идеального (пока еще не совершенного) мира, уверовавши в некую сказку или утопию, способные увлечься ею сами и увлечь других, готовые идти во имя этой святой идеи на огромные жертвы, представители этой цивилизации готовы яростно сражаться и погибнуть во имя других. Во имя высшей миссии.

Не так ли и Христос стал мессией новой жизни потому, что был гоем, галилеянином? На суде он сказал фразу, которая дает понимание, ключ к победе христианства в огромной части мира, триумф в объединении граждан мира. «Ты говоришь, что я Царь... если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18: 36, 37). Христос тем и велик, что стал «Царем духовного мира». Полагаем, в том и миссия России, чтобы в условиях глобального мира совершить духовный подвиг – воссоединить гении и таланты Запада и Востока.

К сожалению, Европу долгое время преследует патологический страх, который выразил Астольф де Кюстин, французский литератор, посетивший Россию в 1839 году и увидевший в ней не только «необъяснимую загадку», но и угрозу. Он выразил надежду: «мощная в своих собственных пределах, наводящая страх» Россия когда-то «сломает себе шею», если решится «сбросить маску и объявить войну Европе». Многие на Западе все еще надеются, что «удел общества русского – распространить свои завоевания на Восток, а затем распасться самому». И казалось, что вожделенный час был уже близок.

Однако многие и сейчас в Европе и США опасаются, что Россия может «покарать дурную европейскую цивилизацию посредством нового нашествия».

Нужно ли приезжать в Россию, чтобы лишний раз облить ее грязью?! Однако то, что простительно несчастному маркизу де Кюстину, отец которого был казнен во время Французской революции, мать не отличалась соблюдением норм морали, вряд ли следует прощать иным «посланцам Европы» с теми же взглядами на Россию. Пусть себе надеются, что удастся силой «перекроить европейскую репутацию России», сделать-таки из России Европу, а из русских медведей – «настоящих европейцев». Но для этого надо прежде всего понять, а что же такое Россия – Запад или Восток? И что такое Запад? В чем смысл существования этих цивилизаций? Чтобы прийти к верному суждению, не стоит строить замки и прожекты на зыбком основании. Государственный деятель, писатель Г. Болингброк заметил в письмах, что такие научные системы, такие категории – «не что иное, как заколдованные замки: они кажутся чем-то реальным, а в действительности – лишь видимость, и, подобно этим замкам, они исчезают без следа, как только снято заклятие. Чтобы разрушить чары, нужно вернуться к началу». Такого рода заклятие – представление о враждебности двух цивилизаций: Европы и России.

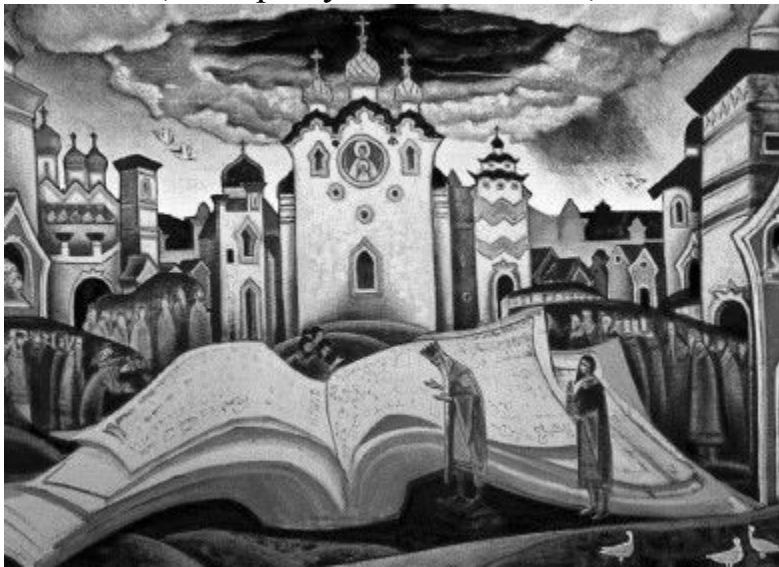
Страх Европы

Столкновения были, но Европе следует поблагодарить Россию за то, что та порой идет наперекор воззрениям и устремлениям западной цивилизации! Иначе страшно сказать, чем бы закончились для Европы походы Наполеона и Гитлера, двух «сыновей глобализации». В 1914 г. известный мыслитель Г. Вернадский, сын В.И. Вернадского, в статье «Против солнца» («Русская мысль») писал, что продвижение русской цивилизации шло с Запада на Восток, то есть «против солнца», в то время как миграционные потоки других цивилизаций шли с Востока на Запад. Это стало общим правилом, начиная с переселения народов и заканчивая покорением индейских племен американцами, также двигавшимися с Востока на Дикий Запад. Не исключено, что мы и в самом деле были призваны совершить нечто, что не поддается сугубо рациональным объяснениям чересчур прагматичного западного мира.

Придется обратиться к полученному опыту, к опыту других людей. Лишь тогда только сможем получить некие вразумительные ответы на непростые вопросы времени. Постараемся использовать совет французского философа М. Монтеня, писавшего: «...если можно быть ученым чужою ученостью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью» и «...ничей опыт не будет полезнее моего,

ибо у меня он предстает в чистом виде, не испорченном и не ущемленном никакими ухищрениями, никакой предвзятостью». При этом необязательно, как говаривал древнегреческий философ Платон, переболеть всеми болезнями, чтобы лечить людей. Вовсе нет нужды быть глупцом, чтобы лечить от глупости, быть нищим, чтобы избавить от нищеты, быть холодным и бесстрастным, чтобы научить страсти. Скорее всего, совсем наоборот: глупец породит глупцов, нищий наплодит нищих, холодный и бесстрастный не согреет ни страны, ни женщины... «Плохо, когда и желания твои слабы и хилы» (Монтень). Таковы же будут и плоды.

В конечном счете, попытаемся глазами современника взглянуть на мир, на то, каков он есть, без прикрас и иллюзий, но с верой и надеждой. Пусть мир предстанет самим собой, словно сойдя со страниц «Голубиной книги». Сумев понять прошлое, разберемся в настоящем и предвосхитим будущее. И о трудах наших, возможно, скажут: «Это не книга, которая учит. Это книга, что заставляет расти».

Н. Рерих. Голубиная книга

И слышу я знакомое сказанье,
Как правда кривду вызвала на бой,
Как одолела кривда, и крестьяне
С тех пор живут, обижены судьбой.
Лишь далеко на океане-море
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.

Та книга выпала из некой
грозной тучи,
Все буквы в ней цветами проросли,
И в ней написана рукой судеб
могучей
Вся правда сокровенная земли.
Но семь на ней повешено печатей,
И семь зверей ту книгу стерегут,
И велено до той поры молчать ей,
Пока печати в бездну не спадут...

Но, чтоб проникнуть в тайны грядущей эволюции, разгадать знаки ее и снять печати, надо уяснить собственный путь в истории. Ныне первые места в табели о рангах занимают иные страны (США, Китай, Индия, Япония, Канада и др.). Что делать в этих условиях нам? Куда идти? С кем себя идентифицировать? С Западом или с Востоком? Иные полагают, зеркало России – Европа. Мол, через нее самоидентифицируется наша страна. «Принимая во внимание два этих замечания, можно описать позицию России как страны, «танцующей» вокруг Европы...

Судьба России тесно связана с Европой». Говорят об общей судьбе для России и для Европы. Предметом таковой считают культурную миссию (затем уж экономическое, политическое, научно-техническое, военно-космическое и прочие сотрудничества, для которых немало серьезных предпосылок). Однако что лежит в основе «танцев» меж странами и континентами? Кого выбирают себе в партнеры народы, их правители, отдельные люди, если иметь в виду желания и устремления? С кем Россия должна «танцевать» – с Европой или Азией? Кто из них нам ближе, роднее – по духу, нравам, миропониманию, вере, культуре, истории? Чему нас учит исторический опыт? Россия всегда представлялась Европе чем-то далеким, диким и опасным? Заглянув в прошлое, мы увидим, что европейцы гораздо охотнее соединялись в союзы против нас, нежели были нашими союзниками. Восток же при всех противостояниях, сложностях, конфликтах и даже войнах чаще взирал на Россию как на союзника, видя в ней стратегический оплот и опору. Многие и ныне

считают, что в единстве России, Азии, Востока – единственная гарантия благополучия и мира. В Евразии – центры древнейших культур, сходятся важнейшие духовные, экономические и энергетические пути, тут же, согласно легенде, повстречались Будда и Христос. Революция в России освободила Азию и Восток. Махатмы сказали тогда о революционной России: «Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков, разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войска рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили от предателей денежных. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли. всю мощь Космоса. Мы. посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая единение Азии». Сегодня, когда границы меж восточной и западной цивилизациями, казалось, сблизились, вновь необходимо определить место России в этом новом, меняющемся мире. Вначале мы слепо повторяли вместе с Киплингом: «Запад есть Запад, Восток – Восток». И все же не могли прийти к решению, куда отнести себя. Или в итоге мы приходим к выводу: «И нет Востока, и Запада нет.» Понятно, что разницу во взглядах, жизненных ориентирах, ценностях, верах людей Запада и Востока недооценивать никак нельзя. Их нельзя игнорировать, прячась за обезличенным образом «человека мира». Человечество можно условно поделить на две части – в зависимости от особенностей восприятия.

Восток– китайский пейзаж

Запад – статуя Свободы

Разный взгляд на мир выявлен у западной и восточной цивилизаций, самыми яркими представителями которых, по мнению ряда ученых, являются американцы и китайцы. Исследования доказали, что жители Востока затрачивают больше времени на полное осмысление происходящего, чем жители Запада, которые даже не обращают внимания на более абстрактные вещи. Различия, возможно, не сказываются на умственных способностях народов Запада и Востока, но в целом влияют на способы восприятия мира, на их мировоззрение. Ничуть не меньше разница в мировосприятиях и умонастроениях русского и американца. Запад и США ориентированы на современность, Восток соотносит все с прошлым. «Я любил древних и приложил все усилия, чтобы овладеть их знаниями», – говорил Конфуций. Это влияет на процесс развития, и Восток, опираясь на прошлое, имеет более прочную основу для роста. В условиях стремительного роста мощи великого Китая, обладающего наибольшими золотыми запасами, наибольшим населением и вместе с Индией, Россией, исламским миром и Латинской Америкой заметно превосходящего человеческие, материальные ресурсы Европы и США, может сложиться и уже складывается совершенно новая расстановка мировых сил. К 2050–2100 гг. Китай, по китайскому «Канону перемен», достигнет пика своего могущества, и тогда Восток, Россия плюс исламский мир и Запад («золотой миллиард») «подойдут к ситуации определенного баланса», нового соотношения сил.

Собор Василия Блаженного

Какое место в этом содружестве народов занимает Россия? Сто лет тому назад, задаваясь вопросом о смысле существования России, русский философ Вл. Соловьев написал: «Вот уже сорок или пятьдесят лет, как русский патриотизм упорно повторяет, варьируя ее на все лады, неизменную фразу: Россия велика, и на нее возложена величественная миссия в этом мире». В чем, собственно, состоит эта миссия и что Россия должна совершить – что мы сами должны сделать, чтобы выполнить сказанную миссию, – это представляется доселе крайне смутным. Ни старые славянофилы, ни их современные последователи. ничего не сказали точного по этому поводу. Они толковали о свете, идущем с Востока, но решительно незаметно, чтобы этот свет озарил их разум и чтобы они видели ясно. Да будет же нам позволено, отдавая справедливость патриотическим чувствам этих почтенных людей, поставить прямо вопрос, который они стараются обойти, великий вопрос национальной совести: «В чем заключается смысл существования России в этом мире?» Полагаем, что, возможно, новое поколение россиян (скорее, чем какое-либо иное) сумеет дать ответы на поставленный русским философом вопрос. Но тогда не состоит ли духовная миссия России в создании нового мира, альтернативного старому, что идет не вслед за солнцем капитала, а навстречу «новому Солнцу»? Сто лет тому назад великий ученый В.К1. Вернадский высказал мысль о том, что коренные изменения «в миропонимании нового времени» приведут к феноменальным сдвигам в жизни человечества. Поворот научного мышления стремителен, и он был подобен древнему кризису духовной жизни, что имел место ранее, в VI в. до н. э. и в ближайших столетиях. Тогда была создана великая эллинская наука, возникли чудеса техники, знакомые нам формы приняла и философская мысль. Зная о существовании тысяч поколений, мы можем утверждать, что прогресс и рост человеческого разума шел «по тем же самым законам, по каким идет и ныне», и что «настоящее есть закономерное проявление прошлого, как бы далеко оно от нас ни отстояло». Однако если новые успехи в экономике, фундаментальной науке, технике сегодня стали еще более масштабны и стремительны, если в немногие десятилетия страны и народы достигают прогресса, для которого им ранее надобны были столетия и тысячелетия, и достигают его не войнами и разбоем, а работой своего ума и гения, то совершенно очевидно, что духовная, творческая

энергия человека становится категорией куда более важной и значимой, чем капитал. Исходя из задач времени, социально-политические, экономические факторы должны работать на решение коренной задачи цивилизации – рождение талантливых людей, улучшение качества поколений. В этой генетической эволюции велика роль России!

Портрет академика В.И. Вернадского

Однако нельзя исключать и того, что на это потребуется жизнь нескольких поколений. Ресурсный потенциал России (и это не только природные богатства, но прежде всего умы и таланты великих народов, включая и народы бывшего СССР) должен стать основой величия возрожденной России. Страна остается Россией интернациональной, ведущие этносы которой (прежде всего русские, переживающие ныне нелегкие времена) будут играть более заметную роль. Но при этом следует отметить – в России все переплетено так, что «невозможно выделить исконно русскую территорию». И. Савицкий говорил: сплошные автономные республики убивают смысл, саму суть единой России. «Нации смешались: мордва, башкиры,

чуваши, буряты, тувинцы. Мне кажется, было бы неплохо, если бы все народы, и в первую очередь – русские, наконец поняли, что на Земле нельзя строить национальные государства. Кажется, еще граф Петр Валуев говорил Александру II: «Ваше Величество! Нужно понимать, что вы – не царь московский, а император всероссийский». Вот если бы вместо «всероссийский» сказать «евразийский», то евразийское учение смогло бы, как мне представляется, обрести какой-то смысл». Россия современная взяла курс на обустройство русско-евразийской державы и стала делать это более целенаправленно, решительно, умело, создавая костяк цивилизации будущего, что станет «осью современного мира». Как скажет в своем устремленном в будущее стихотворении русский поэт В. Брюсов:

Мир раскололся на две половины:
Они и мы! Мы – юны, скудны, – но
В века скользим с могуществом
лавины,
И шар земной сплотить нам
суждено!
Союз Республик! В новой
магистрали
Сольют свой путь все племена Европ,
Америк, Азий, Африк и Австралий...

Представляется, что новая Россия способна соединить «все племена Европ, Америк, Азий, Африк и Австралий»... Надежду на это дает нам и содержание послания В. Путина Федеральному собранию в 2007 г. Станет ли это послание своего рода «Голубиной книгой» XXI столетия? Не знаем, сокрыта ли тут «вся правда сокровенная земли», но обращает на себя внимание то, что идеи индустриализации и электрификации всей страны даны в духе великих декретов и это не утопии кремлевского мечтателя. Выделены финансовые ресурсы в отраслевые проекты: электроэнергетике предназначено 12 трлн руб., что позволит увеличить ее мощности на две трети; атомной промышленности выделены средства, позволяющие создать мощную корпорацию (союз гражданского и военного «атома»); транспортной

системе– 100 млрд руб. на реконструкцию федеральной трассы «Дон», расширение сети мостов и дорожной системы; создается инфраструктура аэропортов в шести городах; вводятся в строй нити нового канала Волго-Дон, что даст выход прикаспийским странам к Черному и к Средиземному морям. В будущем можно думать о торговом морском, железнодорожном и других путях из Китая, Кореи, Японии через Россию – в Европу.

В.В. Путин – лидер России

Диверсификация экономики, можно надеяться, найдет отражение в росте всей обрабатывающей промышленности страны, в обеспечении инновационных методов работы и в развитии фундаментальных наук. Впервые веско заговорил президент о культуре и национальной самоидентификации и о поддержке народных традиций. В.В. Путин сказал: «Сейчас Россия не только полностью преодолела длительный спад производства, но и вошла в десятку крупнейших экономик мира. За период с 2000 года более чем в два раза увеличились реальные доходы населения. И хотя разрыв между доходами граждан еще недопустимо большой, но все-таки, все-таки в результате принятых в последние годы мер почти вдвое сократились масштабы бедности в России. При этом мы понимаем, что находимся, конечно, только в начале трудного пути к подлинному возрождению страны». Реализация этих целей и задач, обозначенных в плане строительства Великой Евразии, как мы надеемся, будет осуществлена в ближайшие полвека вождями России.

ЧАША МИНУВШЕГО

Человечеству, чтобы уцелеть в борьбе с хищниками, не погибнуть от превратностей сурового климата (дождей, снега, стужи, насекомых), сохранять запасы пищи, нужны были орудия труда и защиты, жилища и хранилища. С этой целью разные народы использовали разного рода жилища – от пещер до домов. Известны неолитические поселения в Германии, Швейцарии, Италии, в Азии, Африке, Индокитае, многие из которых представляли собой свайные постройки. Порой это были большие дома, в длину до ста метров и более, и в этих домах ютилось все население деревни. «Большие дома» обнаружены при раскопках в Европе и Америке. Порой эти дома являли собой террасы и многоэтажные конструкции, которые были достаточно велики, чтобы «служить пристанищем для двух-трех поколений и двух и более общественных классов». Иные племена жили в пещерах, о чем свидетельствуют пещерные города в горной части Крыма или в Египте и Сирии. Благодаря более совершенным орудиям стало возможным использовать при строительстве жилищ камень. Тогда и стали появляться циклопические постройки, подобные египетским пирамидам, храмам Индии, Китая, Америки. Но, чтобы согреть эти жилища, вдохнуть в них, в полном смысле слова, жизнь, понадобился огонь. Немецкий профессор этнографии Ю. Липс пишет в своей книге:

Пещерная жизнь

«От ветрового заслона и до многоэтажных, высеченных в скалах жилищ, от хижины, построенной на дереве, и до крепости – такова эволюция сооруженных рукой человека построек, история его изобретательности, могущества и разума. И все же пригодность для жилья даже самого современного дома зависит от той стихийной силы, познанием которой боги наградили людей еще в глубокой древности, – от огня». Огонь – поистине «таинственный брат солнца». Значение его столь велико, что нет ни одного народа, который бы в своих сказаниях не попытался объяснить в мифах его происхождение. В греческих мифах героем, который дал человеку огонь, стал Прометей. Имя «Прометей» (Промыслитель) могло возникнуть в греческом языке из-за неправильного прочтения санскритского слова *pramantha*, т. е. палочка для добывания огня, которую мифический герой якобы изобрел. Так реальное изобретение, сделанное людьми, обрело своего персонифицированного героя в облике Прометея.

Значение огня было столь велико, что Прометею припишут и другие заслуги (изобретение искусств и ремесел, а также обучение им людей). У древнегреческого драматурга Эсхила Прометей утверждает, что это он сделал неразумных людей разумными, обучив их искусству

мысли: «Я научил их первой из наук – науке чисел и грамоте; я дал им и творческую память, мать Муз». Уже тогда в сознании человечества появляются образы, так или иначе объясняющие создание человека (из материи, глины, камня, крови, железа, воды и т. д.).

Ну, вот мы и на месте, у конца земли,
В безлюдном скифском, дальнем
и глухом краю.
Пора, Гефест, исполнить, что
наказано
Тебе отцом, и святотатца этого
К скалистым здешним кручам
крепко-накрепко
Железными цепями приковать навек.
Твою ведь гордость, силу всех
ремесел – огонь
Похитил он для смертных.
За вину свою
Пускай теперь с богами рассчитается,
Чтоб наконец признал главенство
Зевсово
И чтоб зарекся дерзостно людей
любить.

Эсхил. Прометей прикованный

Г. Фюгер. Прометей

Человек стремился также найти свою половину, дабы жить не только в безопасности и здравии, но и в духовной, и в физической гармонии. Об этом свидетельствует история Пигмалиона и Галатеи. Пигмалион влюбился в Афродиту, однако, понимая, что та никогда не разделит с ним ложа, создал из слоновой кости прекрасную статую, которую и уложил в постель, но статуя была холодна, как мрамор. Афродита сжалась над ним, вняла его просьбе и оживила статую под именем Галатеи, которая затем родила ему детей – Пафоса и Метарму. Пройдут годы – и люди создадут машины-роботы наподобие треножников Гефеста, будут пытаться создать из плоти и крови живых людей, по сути, новую живую природу.

Большое значение придавалось мудрости, которую считали неким умственным огнем, что согревает, освещает дорогу человечеству, передается устно или письменно. Мудрость знания и важнейшие сведения из рода в род наследуются поколениями. Аристотель сказал, что «мудрость – самая точная из наук». Леонардо да Винчи дополнил его: «Мудрость есть дочь опыта». У разных народов в качестве таких

мудрецов выступали вожди, жрецы, старейшины рода-племени, опытные учителя, отцы и матери. Их удел – вселенская наука и подлинная мудрость, им ведомы тайны земли, загадки неба. Они в состоянии предугадать будущее. Воспаря выше небесных светил, они не стремятся к вершинам власти. Из их уст не услышишь ни льстивых речей, ни славословия в адрес царей и тиранов (иные из которых не образованны), ни дешевой демагогии в адрес толпы.

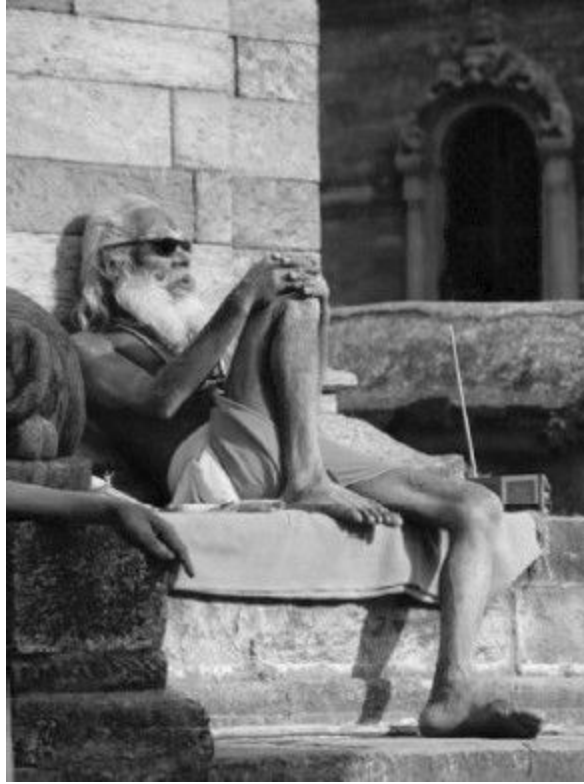

Микеланджело. Да будет свет!
Пигмалион и Галатей

Над ними потешается сброд, ибо они подобно греческому мыслителю Фалесу, созерцавшему небесные светила, по рассеянности могут упасть в колодезь — в колодезь забвения. Но именно в их лице народ имеет генетическую основу рода, племени и этноса. Это важнейший пассионарный вид *homo sapiens*, от которого зависит во многом весь процесс этногенеза.

Мудрость – не только свойство ума, наличие знаний или уровень культуры, но и понимание состояния мира. Русский философ А. Лосев считал «мудростью» (*sophia*) некую космическую упорядоченность, далеко выходящую за пределы человеческих способностей. Античные мыслители понимали ее прежде всего абсолютно объективно. Мудрыми считались действительность и сам космос, представлявшийся античным людям в виде безусловной упорядоченности и потому, безусловно, мудрой. «Эта мудрость не была просто умом. Ум, как его понимали древние, есть теоретическое мышление, оперирующее точными логическими категориями. Мудрость же вовсе не есть только теория. Это такая теория, которая ориентирована на именно практически. Она умеет разбираться в том, что не есть мудрость, и потому способна приводить все неупорядоченное в окончательный порядок» («История античной эстетики»). Однако в дальнейшем убедимся, что народами, к сожалению, движет не столько мудрость, сколько экономические, военные или культурные интересы. У них своя логика.

Любая система, чтобы быть в уравновешенном состоянии, нуждается в трех классах людей. Философ Платон формулирует это в виде учения о трех сословиях некоего идеального государства. «Первое сословие – это философы, единственное занятие которых состоит в созерцании вечных идей и в передаче их людям для внедрения в жизнь (R.P. V 473d—480a). Второе сословие – это воины, или стражи, которые охраняют государство от внутренних и внешних врагов, могущих помешать этому внедрению вечных идей в жизнь (II 372a—374d). Третье сословие состоит из рабочих и крестьян, единственной задачей которых является доставление жизненных ресурсов для всего общества (II 369a—372a)».

Принято считать, что античное государство особенно знаменито и благодатно тем, что в нем утвердились законы демократии. Это действительно так. Однако для многих будет большим сюрпризом узнать то, какое устройство государства греки, причем умнейшие, конкретно считали «демократией». Если перелистаете «Государство» Платона, то прочтете: «Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах

и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию. Да, именно так устанавливается демократия, происходит ли это силой оружия или же потому, что ее противники, уstraшившись, постепенно отступают... Прежде всего это будут люди свободные: в государстве появятся полная свобода и откровенность и возможность делать, что хочешь. А где это разрешается, там, очевидно, каждый строит себе жизнь по своему вкусу. Я думаю, что при таком государственном строе люди будут очень различны. Казалось бы, это самый лучший государственный строй. Словно ткань, испещренная всеми цветами, так и этот строй, испещренный разнообразными нравами, может показаться всего прекраснее. Вероятно, многие подобно детям и женщинам, любующимся всем пестрым, решат, что он лучше всех.» Демократии нет без знаний. Хранителями знаний вначале выступают замкнутые группы людей, властная, интеллектуальная элита. На Британских островах – друиды, в Индии – брамины, в Египте – маги и жрецы. Важную роль играла и письменность. Считают, что письменность в Грецию некогда привез греческий мореплаватель, фиванский царь Кадм. У скандинавов таким существом высшего порядка стал Один – бог магического знания, ведавший сакральными письменами (рунами). У древних инков – Манко Капак, учивший племена земледелию и ремеслам. Мексиканцы превозносили Кецалькоатля, творца мира, создателя человека, знатока металлургии, сельского хозяйства. У народов Южной и Передней Азии – Оаннес, давший людям письменность и поведавший о тайнах искусств. У евреев – Соломон, царь иудейский, о котором сказано: «И принял Соломон царство Давида, отца своего, и взшел на вершину мудрости и разумения. Премудрость Соломонова подобна была премудрости Адама, первого из человеков». Сотворение Адама, личности мифической, считалось первым актом на пути появления разумного человечества.

У египтян творцом знаний выступают бог Тот, отец оккультных наук, автор 14 трактатов, объединенных в сборник «Пемандра, или Пастырь мужей», а также Озирис, обучавший людей ирригации, строительству, музыке, врачеванию. Еще в незапамятные времена в Египте (стране Мизраим) у жрецов города Мемфиса существовала

некая книга из 78 страниц (золотых пластин), автором которой считался Гермес, или Тот, «владыка слов».

Дж. Тьеполло. Гермес

Каждая золотая пластинка, являя собой страницу божественной книги, содержала ряд чисел и букв. В «золотой книге» и была якобы сокрыта значительная часть мудрости Древнего Египта. Поэт Валерий Брюсов в стихотворении «Египет» так писал о божестве древних египтян:

Тот, владыка написанных слов,
Тот, царящий над мудростью книг!
Научи меня тайне письмен,
Подскажи мне слова мудрецов.

Какого роду-племени первые мудрецы, кто стоит первым в когорте мудрости? Очевидно, что выделять какую-то расу или народ нет никаких оснований, независимо от того, идет ли речь о ранних периодах развития или о поздних временах. По словам этнолога Л.Г. Моргана, развитие человечества шло повсюду одинаковыми путями, поскольку потребности человека при аналогичных условиях существования были одинаковы и в итоге народы должны были миновать ступени варварства. Это же можно сказать и о проявлениях умственной деятельности людей в силу однородности, видовой тождественности мозга всех человеческих рас. Однако, какие бы источники мысли и знаний, какие бы произведения людской памяти или воображения – от китайской «Книги Перемен» до Авесты, от египетских и греческих мифов до русских былин – мы с вами ни взяли, везде видим схватки, столкновения, конфликты, войны, сражения, битвы, стычки племен, народов, коалиций, стран, кланов, родов, групп, ряда лиц, в основе которых лежат в том числе и экономические интересы.

Мудрец Лао-Цзы на лошади

Знаки вечной мудрости

Археологические находки, относящиеся к эпохе шумеров, говорят о том, что уже за три тысячи лет до нашей эры в Египте, Шумере, на Крите возникли зачатки серьезных знаний, искусств, юриспруденции и литературы. Когда древние обитатели Крита создавали прообраз типографского шрифта, они думали и о том, как передать потомкам память о себе. В итоге появился знаменитый Фестский диск, послание, содержащее упоминание о потомках легендарной царицы Европы. Древнегреческий географ Страбон сообщал о неких мудрых и искусных «тельхинах» (якобы воспитавших Зевса), переселившихся в незапамятные времена с Крита на Кипр. Они обучали людей мастерству добычи, обработки металлов, многому другому. Кодекс Хаммурапи содержал основные положения древнейшего шумерского права. Базальтовый столб представлял собой первый свод законов древнейшего мира, «первый кодекс, в котором не бог, а государство вершит правосудие» (З. Косидовский). Астрологические книги, лунные календари, надписи, математические расчеты, выходящие за границы триллионов (в Европе число «миллион» широко используется лишь с XIX в.), – все свидетельствует в пользу раннего зарождения мудрости. Если же говорить об относительных пропорциях и общем объеме человеческого прогресса, выясняется, что в ходе цивилизации те или иные народы и нации, страны и эпохи вносили большой вклад в

сокровищницу знаний, открытий, изобретений, творчества, культуры и прогресса.

Лестригоны нападают на Одиссея

«Две человеческие семьи, арийская и семитическая, благодаря смешению различных этнических стволов, превосходству средств существования или преимуществам положения, а возможно, благодаря всему этому вместе вышли первыми из состояния варварства. Они были действительными основателями цивилизации». По мере роста накоплений, прогресса наук и изобретений свой путь развития прошла и идея собственности. «Идея собственности прошла подобный же путь роста и развития. Совершенно не известная в период дикости, жажда обладания собственностью, состоящей из накопленных средств существования, овладевала теперь умами цивилизованных рас». При этом без культуры и памятников литературы (Гомера и т. д.) не было бы ни истории, ни цивилизации. Отправимся же подобно Одиссею по волнам истории мировых взаимоотношений. В какой мере прогресс народа зависит от его способности к творческой, созидательной, культурной деятельности, а в какой степени от строя, учреждений, системы власти и управления, от национальных, экономических условий и психологических особенностей личностей народа – это труднейший вопрос. Попытаемся дать на него ответ *opera et studio* (лат. – путем труда и изучения). В недифференцированной массе народов во избежание недоразумений не станем выделять избранных.

У всех народов были и есть взлеты и падения, триумфы и горькие поражения, а посему и не станем отдавать предпочтение «ни иудею, ни эллину».

Статуя Будды

Источниками этой самой мудрости могли быть и другие цивилизации. От Египта до Китая постепенно создается традиция пиетета к знанию, мысли, литературному слову. В столице Египта Мемфисе существовал культ бога Птаха, сотворившего мир «мыслью и словом». В Индии Брахма создает богов силой мысли. Связь божественной мудрости и человеческих знаний и опыта все заметнее. Индус, ступающий на путь святости, обязан был присягнуть на верность Будде, говоря: «Он есть Возвышенный, Святой, Просветленный, Обладающий знанием и нравственностью, Совершенный, Вещий, Высочайший, Учитель богов и людей и т. д.». Платон в «Федре» устами Сократа прямо говорит о том, что звание мудреца «слишком громко и пристало только богу», человек же должен довольствоваться любовью к знаниям и мудрости. Однако уровень культуры первобытных людей не поднимался выше примитивнейших орудий и пещерного прозябания. Откуда же тогда в древневавилонском эпосе есть удивительно точное описание путешествия человека на небо (после первого часа полета Земля стала похожей на холм, а море — на озеро, после второго часа — планета

превратилась в мельничный жернов, а море – в миску, а затем Земля превратилась в «лунный диск» и исчезла)? Откуда в Армении, в Варденисских горах сорок веков назад взялись наскальные рисунки, изображающие части, напоминающие лунную поверхность? Таких фактов слишком много, чтобы считать их чистой случайностью. Все говорит о существовании працивилизации, некоего праразума, что взялся за дело просвещения. Существует масса версий того, откуда пришла к людям мудрость, – от предположений о внеземных цивилизациях у Эриха фон Дэнникена до индийских эпосов, говорящих о неизвестных летательных аппаратах, от древнекитайских летописей с пришельцами из созвездий Большой Медведицы и Льва до известной читателю платоновской Атлантиды. Ссылаясь на египетских жрецов, Платон поведал о существовании в Атлантике острова, исчезнувшего вследствие землетрясения. Остров и море именовались Атлантическими, получив имя Атланта – первого царя страны. Цари оной были справедливы и отличались умом. Строй можно назвать наследственной народной монархией, когда один род царей из поколения в поколение сохранял власть. Атлантида имела огромные богатства, но шли они не столько на личное обогащение, сколько на обустройство страны. Народ ее процветал, ибо правители строго повиновались законам, относились друг к другу и к своему народу со вниманием, ставя на первое место не богатство, а ум и добродетели. Особо подчеркнем, что в идеальной Атлантиде, как говорит Платон, ее цари и правители, «пользуясь дарами земли. устроили святилища, дворцы, гавани и верфи и привели в порядок всю страну.». Говоря нашим языком, прибавочную стоимость, сверхприбыли, получаемые от недр, они направляли не на личные роскошные особняки, а на социально значимые объекты и стройки! Хотя и атлантической элите не была чужда роскошь.

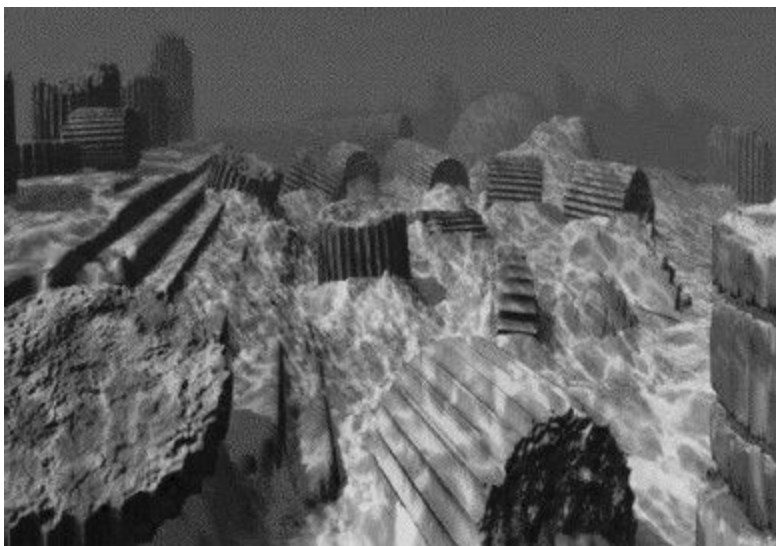
Погибающая Атлантида

Платон

Так, храмы Клейто и Посейдона, места, где проходили особо пышные церемонии «поколений десяти царей», были обнесены

золотой стеной. Храм Посейдона был выложен серебром и золотом, а потолок изготовлен из слоновой кости и весь испещрен золотом, серебром, алюминием. Тут же располагались золотые изображения царских жен и их потомков. Впрочем, Платон отмечает, что в облике постройки «было нечто варварское». Аналогичной точки зрения придерживался и поэт Брюсов. И тем не менее культура атлантов (красной расы) заложила первооснову духовного богатства человечества: «Скульпторы ваяли статуи, живописцы писали картины, поэты слагали песни, в тиши библиотек мудрецы склоняли головы над фолиантами, содержащими все науки мира. Паруса всех народов стремились по грандиозному каналу к центру Вселенной, к средоточию знаний, художеств и богатств, к чудесному Городу Вод. Атлантида силой своего умственного превосходства, своим величием, своей древностью, своим непререкаемым авторитетом царила над всеми народами и царствами земли, как над своими вассалами и учениками». По словам Брюсова, рассказ Платона особенно интересен тем, что в нем «нет ни одной сказочной черты». Нам же анализ В. Брюсова интересен своими конструктивистскими устремлениями и предвидениями. В Атлантиде он увидел высококультурное государство, прошедшее «рубеж своего высшего развития и уже клонящееся к упадку». Поэт пишет: «Может быть, сооружения XXI века превзойдут постройку атлантов и нашим потомкам столица Атлантиды перестанет казаться чудом». Выходцев с затонувшей Атлантиды считали предшественниками майя, отмечая их достижения в области математики, астрономии, письменности и архитектуры. И индейские старцы, ссылаясь на слова предков, утверждали, что их страна была заселена народом, пришедшим с востока, спасенным от уничтожения богами, открывшими двенадцать дорог через море. Кроме свидетельств Платона и эзотерических преданий, мы не имеем никаких доказательств существования и гибели Атлантиды, хотя «нет ни одного образованного европейца», который бы не знал наизусть и не повторял рассказов о ее гибели (М. Волошин). Но немало и тех, кто причиной гибели Атлантиды считал некую мировую войну древности.

Остатки былого величия на дне морском

Много теорий предлагается для разгадки истории рождения и гибели Атлантиды и иных древнейших цивилизаций. Верить всему на слово мы не обязаны. Аристотель говорил, имея в виду Платона, что «тот, кто Атлантиду выдумал, тот и отправил ее на морское дно». Нас больше интересуют проблемы современного мироустройства, чтобы оно не исчезло «в один день и одну бедственную ночь». Для этого нужно понять, почему случались крупнейшие битвы цивилизаций, что вовлекало народ в войны. Если вся история — «летопись бессмысленных войн, составляющих смысл истории», то не пора ли разобраться и понять, где рождаются войны, кто несет ответственность за гибель людей? Неужели великие вселенские решения, что становятся «законом жизни народов на целые века», нельзя принимать за столом переговоров, а не на поле битвы?! Если это так, будущее не сулит нам ничего хорошего, ибо война может похоронить цивилизацию надежнее, чем Атлантиду.

Сколько помнил себя человек, он воевал. Мифы полны упоминаний о кровопролитных битвах. Миф о единоборстве Гора и Сета отражает многолетнюю борьбу за господство в Египте. Вспомним гомеровские строки из «Илиады», когда цари, Зевса питомцы, бросились строить толпы, готовя их к битве, призывая на помощь богиню победы Палладу, что «возбуждала мужей», понуждая каждого «без усталости вновь воевать и сражаться». Поэтизация, прославление

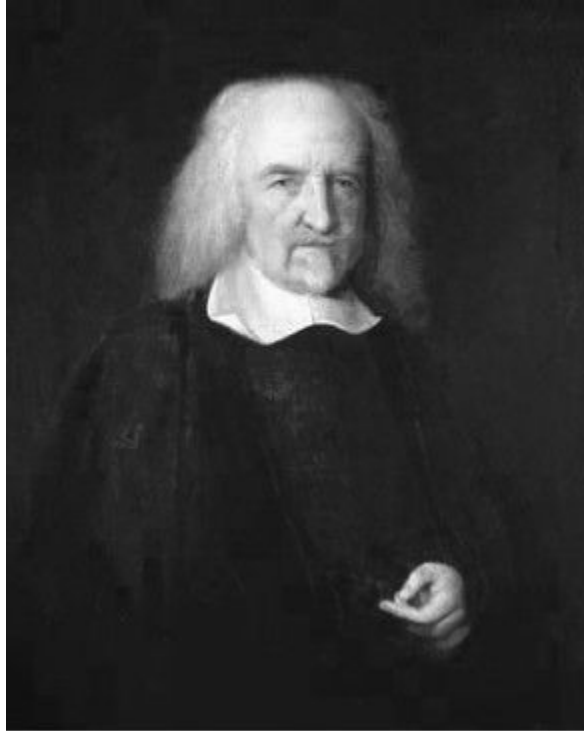
войн присущи не только древности, но и новому, и новейшему времени. Мы в том убедимся не раз. Тогда где же хваленая мудрость мира? Борьба, битва прочно вошли в практику ойкумены. Не случайно Сенека говорил с жестом legionera: «Vivere militare est!» («Жить – значит сражаться!») У евреев считалось необходимым в поколении воспитать то, что называли *Neftali*, позволяющее заявлять с гордостью: «Я сражался в моих сражениях» (Ортега-и-Гасет).

Гераклит (554–483 гг. до н. э.)

Еще древнегреческий философ Гераклит Эфесский сформулировал идею неизбежности войны как средства решения мировых конфликтов и противоречий. Ему принадлежат слова: «Война есть отец всего и мать всего; одним она определила быть богами, другим – людьми; одних она сделала рабами, других – свободными... Следует знать, что война всеобща (!), и правда – борьба, и что все происходит через борьбу и по необходимости». Он же соединил в неразрывную цепь всеуничтожающий огонь и золото. «Все обменивается на огонь и огонь – на все подобно тому, как золото (обменивается) на товары, а товары – на золото». Если продолжить его мысль, то деньги – это товар, товар – золото, а война – это тот инструмент, с помощью которого победитель и получает «все золото мира».

Войны всегда привлекали внимание античных историков. Лукиан (II в.), Герцен называл его «Вольтером эпохи», в произведении «Как следует писать историю» говорил: «Ничто так не побуждает к написанию истории, как войны». Говоря о войне римлян с «варварами» (о Парфянской войне Рима и поражениях в Армении), он восклицает: «с тех пор, как начались теперешние события. нет человека, который не писал бы истории; больше того, все у нас стали Фукидидами, Геродотами и Ксенофонтами, так что, по-видимому, верно было сказано, что «война – мать всего», если одним махом произвела столько историков». Интерес к войнам и причинам зарождения конфликтов перейдет в новую и новейшую эпоху. Видный английский материалист Т. Гоббс в «Левиафане» так объяснил причины постоянных конфликтов и войн, что раздирают человечество. Человечество, если иметь в виду страны, народы, группы людей и отдельные личности, в ходе обустройства жизни и своего развития обрело определенные знания, умения, навыки, некоторую собственность и средства к существованию. Однако людям присуща некая неудовлетворенность своим положением. Так, если взять способности людей, то даже при очевидных различиях все же многие считают себя скорее равными, чем неравными. При этом никто не жалуется на недостаток ума, все горюют по поводу нехватки богатств и собственности. Понятно, что тем самым создается идеальная почва для конфликта интересов, особенно с учетом того, что большая часть людей выражают недовольство своим уровнем жизни, и тому есть причины, причем порой обоснованные и весомые. При таком состоянии дел одних толкает к войне и конфликту неудовлетворенность положением, других преследует страх того, что имеющееся у них могут отнять другие (т. е. «придут другие люди и соединенными силами отнимут его владение и лишат его не только плодов его труда, но также жизни и свободы»). Собственники и страны, особенно богатые (в том числе природными ресурсами), те, кому есть, что терять, ощущают наличие такой опасности и в цивилизованном обществе.

Томас Гоббс (1588–1679)

Гоббс называл три главные причины войны, лежащие в самой природе человека: соперничество, недоверие, любовь к славе. Странно, что он не назвал главной причины – жажды обогащения. Мыслитель утверждает, что, «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в таком состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех». И тут Гоббс не точен, ибо видим, что войны ведутся с еще большей яростью и напряжением тогда, когда народ имеет «общую власть», держащую его в страхе. Выясняется, что виной войн являются чаще всего правящие классы («короли и лица, облеченные верховной властью»). Их преследует постоянное чувство зависти к соседям и их владениям, им хочется приобрести еще больше. Точное разграничение между моим и твоим при этом или отсутствует, или не принимается в расчет. Вся практика завоеваний и войн свидетельствует о том, что воюющие стороны как раз и стремятся к тому, чтобы в случае своей победы чужое стало их собственным. Гоббс заявляет: «Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и

неправильного, справедливого и несправедливого здесь не имеют места. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости». Причины войн различны – от желания обогатиться до поддержки своих гегемонистских устремлений, своей промышленности и торговли. Народы в ряде случаев ничем не отличаются от диких зверей. Они с пугающим постоянством, словно звери, выходящие на охоту, находят любой предлог для войны, пусть даже самый ничтожный, осуществляя свои грабительские и антигуманные планы. Это и вынуждает страны, а также их правителей не ограничиваться исключительно оборонительной политикой, но и принимать предупредительные меры против возможного агрессора и противника.

Вызов

Неужели захват и война есть то естество, которое присуще нам с самого рождения?! Правда, Гоббс полагает, что в этом вся суть современного человека. Страны не были бы способны долго сохранять свое существование, «если бы не увеличивали свою власть путем

завоеваний». Фраза эта означает: любое сильное государство может при желании и готовности, повинувшись исключительно решению его правителей и правящих кругов, начать войну, предпринять откровенную агрессию против любого, кого оно само выберет жертвой. Как это ни удивительно, но 350 лет спустя после написания этих строк мы вновь осознаем их актуальность. Понятно, что при таких мировых законах, а точнее, при полном беззаконии страх перед войной (впоследствии Гоббс говорил, что «страх и я сам – это близнецы-братья») преследует многих. Но, оставаясь в неведении относительно истоков и причин войн, мы многим рискуем... Потому, как нам представляется, вскрыть их – значит вскрыть гнойник, заражающий человечество уже тысячи лет. Тем более, что коренные причины, лежащие в основе большей части войн, что случались на планете бесчисленное количество раз, унося миллионы жизней, не изменились в главных своих компонентах. Цели новых агрессоров все те же – экономика, ресурсы, господство, деньги и угнетение слабейших.

Силы войны

Причины военных конфликтов и битв пытался объяснить и немецкий военный теоретик Карл фон Клаузевиц. Говоря о войне, он писал: «Война есть столкновение значительных интересов, которое разрешается кровопролитием, – и только этим она отличается от других общественных конфликтов. Скорее, чем с каким-либо из

искусств, войну можно сравнить с торговлей, которая также является конфликтом человеческих интересов и деятельности; гораздо ближе к войне политика, которую, со своей стороны, можно рассматривать как своего рода торговлю в более крупном масштабе. Политика, кроме того, является тем лоном, в котором развивается война; в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ в их зародышах». В истории связаны друг с другом война и мир, политика и экономика, богатство и бедность, техника и наука, деньги, золото и оружие, бесправие и право, вера и идолопоклонство. Чтобы понять взаимосвязь между этими явлениями, понять, как они действуют и взаимодействуют, нам пришлось бы погрузиться в самые различные отрасли знаний – историю, экономику, философию, социологию, культурологию, юриспруденцию, статистику, военное дело, антропологию, политологию и т. п. Но в этом случае пришлось бы собрать немислимое количество фактов, соединить и сопоставить их, затем проанализировать и сделать выводы. Задача, в полном смысле слова, не подъемная для исследователя. Не случайно английский историк Г. Бокль в классическом труде «История цивилизации» выразил сожаление по поводу того, что хотя политическая экономия и возведена до степени науки и пролила свет «на причины неравномерного распределения богатства, которое служит самым обильным источником общественного неустройства», хотя история также дает самые разнообразные сведения по вопросам науки, религии, искусства, военному делу, юриспруденции, законодательству, полезным изобретениям, хотя статистика тщательно разработана и предоставляет весьма обширные сведения о материальных интересах людей, об их нравственных особенностях и т. д. и т. п., тем не менее печальной особенностью истории человека является то, что, хотя все отдельные части и рассмотрены со значительным умением, едва ли кто из ученых сумел бы все это «слить в одно целое», привести в некую гармонию, в «существующую между ними связь». А вместе с тем нигде так остро не ощущается необходимость обобщений, как в истории цивилизации.

Сюда нужно бы добавить понимание законов политэкономии в том смысле, как о них писал классик политэкономии

Адам Смит (1723–1790)

А. Смит, давая определение этому понятию: «Наука о производстве и распределении богатств в той мере, в какой они зависят от законов человеческой природы. Или же так: наука, имеющая отношение к моральным или психологическим законам производства или распределения богатств». Пока нет науки распределения богатств.

С давних времен накопление богатств было связано с покорением и притеснением, истреблением, вытеснением, эксплуатацией и разбоем. Какую бы из наций мы с вами ни взяли, все они, без исключения, когда-либо становились на путь экспансии, вторжений, захватов и агрессий... Египет совершал захват земель, углубляясь в Азию, в свою очередь, так называемые народы моря покоряли Грецию и Египет. Греки в разные времена осуществляли вторжение всюду, куда доходили их корабли. Ассирия покорила евреев. Евреи изгнали филистимлян. Персы захватили Малую Азию, хотели поработить Грецию. Александр проделал то же самое с Грецией, двинулся в Персию и Индию. Римляне захватили Италию, Карфаген, всю Европу. Постоянные войны велись и в Юго-Восточной Азии. Однако, помимо задач завоеваний, перед государством стоит задача управления. Первым дошедшим до нас памятником экономической мысли является

«Поучение гераклеопольского царя своему сыну». Документ Древнего Египта особое внимание уделяет вопросам эффективности функционирования аппарата управления. Несмотря на общий характер требований, царь ставит конкретную задачу: советует подбирать людей в государственный аппарат «по их делам». Для первых государств Месопотамии характерно быстрое развитие частнособственнических начал и денежных отношений. При отсутствии свободы личности это вело к разорению массы мелких и средних производителей, вело к развитию долгового рабства и системы кабальной зависимости. Государство пыталось остановить размывание слоя самостоятельных производителей. Так, основная тема законов кодекса Хаммурапи – создание условий, при которых «сильный не притеснял бы слабого». Эти законы – первая попытка управлять экономической жизнью страны с помощью правовых норм. В Древней Индии крупнейшим памятником общественной мысли является «Артхашастра» – трактат об искусстве политики управления государством. Трактат показывает, какую роль играло государство в хозяйственной жизни страны, контролируя все области хозяйства, осуществляя финансовую политику. В Древнем Китае этим темам посвящены труды известнейших мыслителей.

Конфуций

Основной вклад внесло конфуцианство, защищавшее позиции родовой знати. Важные элементы в идеологию и экономическую жизнь внесли последователи Конфуция: китайский философ Мэн-цзы, выступавший за четкое деление общества на «управляемых и управляющих», и его коллега Сюньцзы, глашатай идеи разделения труда. По его мнению, экономический курс государства должен строиться на трех главных принципах: экономия в расходах, обеспечение достатка народу, необходимость сохранения излишков (стратегический запас). В VI–III вв. до н. э. у конфуцианства появился серьезный оппонент – легисты, которые отражали новые тенденции в развитии Древнего Китая (усиление роли государства, формирование государственно-бюрократической системы управления). Их главный идеолог – Шан Ян. В концепции государственного строительства он отводил огромную роль сельскому хозяйству, так как считал, что страна добивается процветания с помощью двух наиглавнейших средств: земледелия и войны. Он также выступает против превращения свободных крестьян в рабов, для чего предлагает запретить выход из общины бедным крестьянам, введя систему круговой поруки.

Торговец в Китае

Немаловажное место в древнекитайской идеологии занимает и даосизм (его основоположник – Лао-Цзы). В трактате «Гуань-цзы» глубоко разработаны принципы управления хозяйством. Тут особое внимание обращено на защиту народного хозяйства от стихии рынка. Характерно то, что уже древние понимали, что опора только на рынок приносит беспорядок в сельское хозяйство, и выступали за создание государством постоянных зернохранилищ, усиление роли и веса земледельца, увеличение гибкости податной системы, выдвигали принцип сохранения «уравновешенного хозяйства». Трактат сыграл важную роль в становлении экономической мысли Китая, в частности, выдвинув важную идею возможности количественного анализа экономических явлений.

Трактат «Гуань-цзы», названный по имени главного министра царства Ци, Гуань Чжуна (умер в 645 г. до н. э.), прославившегося социально-политическими и экономическими реформами, был создан в III в. до н. э. Он объединял произведения разных авторов и был впервые напечатан в XIII веке. Гуань Чжун стоял за абсолютизацию царской власти, но при этом распространял власть и на экономику в виде государственного контроля над ценами и монополии на соль и железо. Видимо, первый в Китае он выдвинул идею управления страной на основе законов, и этой идее должен следовать всякий царь и правитель: «Закон – отец и мать народа».

Помнится, что Гомер упомянул о таинственной золотой цепи Зевса. Многие отождествляли эту «золотую цепь» Гомера с великой связью, соединяющей небо и землю. Вся античная история может быть представлена как связь поколений и культур, как «золотая цепь» человечества. Историки правы, говоря о том, что такой «золотой цепью» европейской культуры, связавшей воедино времена и народы, связавшей прочно, было прежде всего античное культурное наследие, без которого не мог обойтись ни один последующий век. Античность и Средневековье, Античность и Ренессанс, Античность и барокко, Античность и классицизм, Античность и национальные культуры, Античность и современность – все это существенные стороны исторической жизни как Европы, так и Азии. В античности лежат многие истоки вдохновения народов. Нередко понятие наследия сводится к останкам, к тому, что наполняет собой музеи и библиотеки,

к тому, что постоянно в той или иной степени используется последующими культурами и цивилизациями. В самом таком представлении есть что-то анатомическое, расчленяющее ткань истории, в то время как связь между эпохами, поколениями, людьми — это проявление жизни, бытия человечества как единого живого целого, в котором неразрывно связаны прошлое, настоящее, будущее.

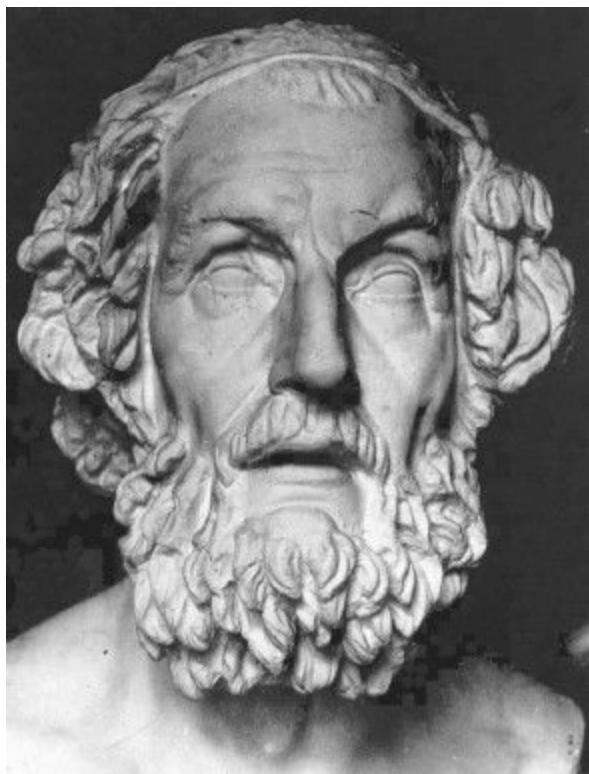

Китайский император Цянь-лун

Афины

Но культура, оказывается, также немыслима без войн. История пронизана борьбой за территории, города, собственность, богатства культуры. Если в гомеровской «Одиссее» речь идет о путешествиях ряда героев, живописуются сцены мирного строительства жизни, то «Илиада» – это нечто иное, это самый настоящий гимн войне. Интересно то, как древние воспринимали войны. Надо сказать, что для них не было никаким секретом то обстоятельство, что главным побудительным мотивом войн выступает экономический или геополитический интерес. Но открыто признаваться перед всем миром в том, что ведение войны, ее цель – захват и лидерство, а начавшие войну предводители и цари – по сути дела, разбойники, грабители, захватчики и убийцы, и тогда было не принято. Эти понятия мыслились в Афинах классического периода как «гражданская доблесть», присущая свободному человеку. Так, пиратское ремесло пользовалось среди афинян некоторой привилегией, а занятие разбоем у Гомера не умаляет величия славных героев. Одиссей грабит всех подряд и, даже вырвавшись из грота Циклопа, не забывает прихватить «козлов тонконогих и жирных баранов» (Одиссея, IX, 464). Ничуть не лучше ведет себя и Менелай, который, по словам Нестора, будучи отнесен к берегам Египта, действовал там в обычной манере, возвратился домой, «богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться» (Одиссея, III, 312). Да и сам Нестор оказался не без греха. Растроганный встречей с Телемахом, он почти трогательно вспоминает о тех временах, когда в кораблях, предводимых «бодрым Пелидом, мы за добычей по темно-туманному морю гонялись» (Одиссея, III, 105–106, с. 217–218).

Гомер. Античный бюст

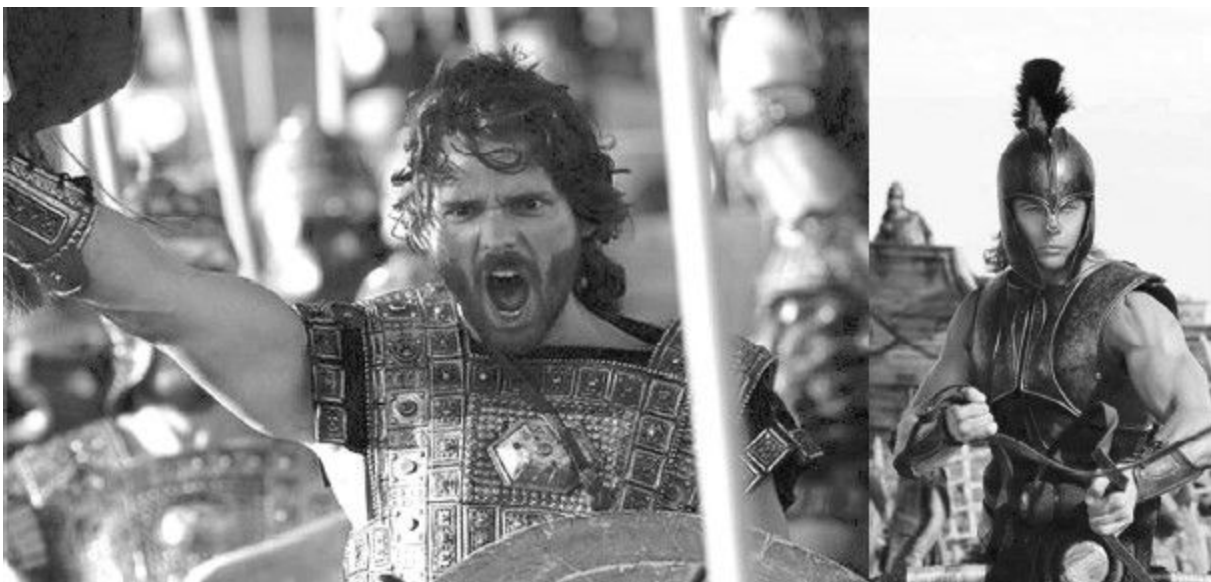
Аргонавты

Правда, мифы и поэмы стараются все-таки завуалировать действия конфликтующих сторон. Для этого изобретаются различные предлоги и причины. Творцы мифов существуют всегда. Ведь нужно объяснить народу, во имя чего его вовлекают в бойню. Тогда не было институтов демократии, не было людей, которые с легкостью превратят черное в белое путем словесных ухищрений, манипуляций, газетной лжи, облаченной в форму поэзии, литературы, художественных образов и т. д. Правда, и тогда война считалась проклятием, болезнью и своего рода безумием. Гомер осуждает войну в «Илиаде» (русский драматург Н. Гнедич называл ее энциклопедией древности), в его поэмах повествуется о нравах и обычаях обитателей разных частей Земли (ойкумены). Нестор критикует войну, восклицая: «Ни очага, ни закона, ни фратрии тот не имеет, кто междоусобную любит войну, столь ужасную людям!» Хотя одновременно в этих же поэмах был очерчен идеал античного мужчины, который должен быть крепким и сильным, первенствовать среди воинов, не давать в обиду родину и близких. Грек «отличнейшим между всеми Аргоса воями (воинами) будет и громкую славу стяжает». Так война неизбежно вмешивается в мирную жизнь людей, властно диктуя им свою волю. Описанная Гомером Троянская война не была исключением. Во II тысячелетии судьба Трои неразрывно связана с судьбой остальной Малой Азии. Появляется все больше косвенных подтверждений того, что гомеровская Троя имела явно восточный облик. А это означает, что и Троянская война была не чем иным, как «битвой цивилизаций». Отправной точкой путешествия в Малую Азию можно взять именно легендарную Трою. За 100 лет раскопок здесь обнаружено десять культурных слоев – от Трои I до Трои X. Самое древнее поселение основано в 3600 г. до н. э. На звание гомеровской претендуют Троя VI, разрушенная землетрясением, и Троя VII, сожженная примерно в 1250 г. до н. э. Сохранились восточные стены с воротами в шестом городе: длина стен около 300 м, толщина 4 м и высота 5 м. От тех далеких времен почти ничего не осталось.

Троя

Пытаясь найти какие-либо рациональные причины войн, А.Ф. Лосев (русский философ и филолог) писал, что необходимо учитывать общеэпическую идеологию, всегда возводящую всякое мелкое событие, не говоря уже о крупных, к общим закономерностям природы и истории, в силу чего и война превращается в некую общекосмическую необходимость. В частности, Троянская война трактовалась в древности как результат решения Зевса сократить население Земли, поскольку разросшееся человечество тяготило и подавляло Землю. И дело здесь вовсе не в мифологии как таковой. Ведь мифология является не чем иным, как отражением наиболее общих закономерностей самой же человеческой жизни.

Воины в битве за Трою

На штурм Трои

Участвуя в Троянской войне, «и греки, и троянцы, помимо защиты своей родины, создавали еще общеисторическую необходимость этой войны. Те и другие были против этой войны... Все дело в том и

заключается, что здесь гомеровские герои переживают страшную антиномию: они до глубины души не хотят воевать, но они считают, что война в данном случае исторически необходима». В чем же конкретно выражена эта «необходимость»? Зачем к городу в Малой Азии, Трое, в XIII в. до н. э. приплыли с оружием обитатели всего Пелопоннеса и греческих островов, какова была цель этих «аргонавтов войны»? Ведь на столь длительное и опасное предприятие, коим и является война, идут только во имя четких, ясных и понятных целей. Во имя чего Агамемнон и Менелай (более похожие на авантюристов, разбойников и пиратов, мотающихся по Греции, Азии и Египту) привели под стены Трои столь огромное и разношерстное войско?! Не ради надуманно вымышленного предложения похищения Парисом супруги царя Менелая – прекрасной Елены. Это был, скорее, повод к войне (*casus belli*), в который даже в те времена никто и не верил. В этом городе, как и в других захваченных и покоренных землях, внимание привлекали богатства: золото, драгоценности, серебро, пурпур, лазурь, что, по словам поэта, «пламенеют, доступные толпам лишь в снах». «Кто не рискует, тот – ничто», – говорили греки. Автор «Жизни Греции во времена Троянской войны» П. Фор полагает, что Троянская война вызвана желанием трех-четырех ахейских монархов выпутаться из экономических неурядиц. «Завладев сокровищами Трои, они хотели вернуть процветание собственным дворцам». В войнах более всего виноваты вожди, класс собственников, составляющий правящую касту, или «элиту». Молодое поколение они готовили к тем же «подвигам». Читаем у автора: «Воспитанные на постоянных конфликтах с соседями и стычках между молодежью, обученные нападениям в чащах лесов особыми наставниками – легендарными кентаврами, силенами и циклопами, – получая советы от старых щитоносцев вроде Нестора и Феникса, юные господа обзаводились все более многочисленной армией по мере возмужания и роста их жадности. Став главарями вооруженных банд, они совершали набеги, чтобы увеличить поголовье скота, расширить личные земельные владения, поживиться и разбогатеть. Разумеется, трофеи приходилось делить, но по закону сильнейшего. Вождь оставлял себе львиную долю добычи. В этом – его привилегия, его честь, *geras*. Если речь шла о земле, вождю предоставляли право выбирать наиболее понравившиеся ему уголья, и он получал их в пожизненное владение, *temenos*. Точно так же он

забирал свою долю из числа плененных женщин, угнанных стад и награбленной медной посуды. Остальное делили по жребию. Рассчитывая завоевать расположение воинов и понимая, что щедрость — наилучшая политика, вождь из своей доли наделял особо отличившихся. Войны начинались из экономических, а не из сентиментальных соображений». Называли, правда, иные возможные причины начала Троянской войны (от угрозы голода до землетрясений), но они менее реальны, нежели извечное желание людей иметь как можно больше богатств.

Кассандра

И все-таки есть основания утверждать, что Троянская война (1219–1199 гг. до н. э.) наряду с самыми традиционно корыстными целями (захват богатств и пленников) ставила перед собой серьезные

военно-стратегические задачи. Троя была ключевым форпостом на побережье Малой Азии, через нее пролегали пути в необъятные земли Большой Азии. Но чтобы получить доступ на необъятный и исключительно важный в торговом отношении континент, надо было овладеть Троей. Напомним, что после десяти лет тяжелейшей войны стены Трои стояли неприступно. И тогда греки пошли на хитрость, более похожую на примитивный обман. Сначала они с помощью Одиссея выкрали из города дарованный Зевсом Палладий (общегосударственный амулет), при нахождении которого в городе взять Трою было невозможно. Затем дали троянцам понять, что заканчивают войну и уходят домой, оставив в дар богине Афине Троянского коня. Сами же тайно разместили в упомянутом коне вооруженных воинов. Троянцы, не послушавшись советов мудрой Кассандры и Лаокоона, советующих сжечь опасный дар данайцев, сами втащили к себе в город коня. Празднуя окончание страшной войны, долго пировали воины и жители Трои. Ночью же, когда все они уснули, греки выбрались наружу и уничтожили троянцев. Так, Нептолем убил царя Приама прямо у алтаря Зевса. Массовая резня сопровождала сей победу демократического Запада. Перебив большую часть жителей, победители поделили между собой добычу, взяв себе в качестве рабынь самых красивых и знатных женщин Трои. Агамемнон взял Кассандру, Нептолем – Андромаху, Одиссей – Гекубу (Гекубу). Затем победители предали огню весь город. Историк А. Абрашкин пишет: «Троянская война была частью глобального геополитического конфликта между арийско-праславянским Севером и египто-семитским Югом. Индоевропейские этносы (греки, хетты и ряд малоазийских и балканских народов) оказались как бы между двух огней и выбирали ту линию поведения, которая гарантировала им выгоду. В результате и греки, и хетты в какой-то момент, а именно – во время Троянской войны (!), выступили против политики Севера. Подчеркнем, не в поддержку Юга, а исключительно против Трои и ее северных союзников. Разумеется, при этом они извлекли для себя какую-то временную выгоду, разграбив богатейшую страну, вернее, уже «осколок» некогда могущественной Средиземноморской Руси. Но в ответ и греки, и хетты получили такой страшный удар со стороны северян, что подобно Трое уже не смогли восстановить ни былого

величия, ни бывшего могущества. И в Греции, и в Малой Азии вслед за этим наступили «темные века»...»

Лаокоон

Троянский конь

Сегодня можно видеть, как история уже на новом витке разыгрывает действия на подмостках Азии, Ближнего Востока, Кавказа, Европы. Концентрируемые тут военные силы известной мировой империи являются явной угрозой, троянским конем для России. Цели современных «агагемнонов» – захват плацдармов на юге и севере – на подступах к северному полюсу.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОГО МИРА

Классическим примером развития цивилизации западного типа стала Греция. Греция (Эллада) – общее название территории древнегреческих государств на юге Балканского полуострова, островах Эгейского моря, побережье Фракии, по западной береговой полосе материка Азии. Этнический состав Греции в III тысячелетии до н. э. пестр: пеласги, лелеги и другие, которых оттеснили и ассимилировали протогреческие племена – ахейцы, эолийцы, ионийцы. Первые государства ахейцев (Кнос, Фест, Микены, Тиринф, Пилос и др.) образовались в начале II тысячелетия, в эпоху бронзы. Вторжение дорийцев, племени из области Дория (ок. 1200 г. до н. э.), повлекло за собой распад государств и оживление родовых отношений. В VIII–VI вв. до н. э. в Греции сформировались полисы. В зависимости от результатов борьбы родовой знати, земледельцев и ремесленников государственная власть в полисах была либо демократическая (в Афинах), либо олигархическая (как в Спарте или на острове Крит). В экономически развитых полисах (Коринф, Афины и др.) было широко распространено рабство, а в Спарте, Аргосе сохранялись пережитки родового строя. V–IV вв. до н. э. – это период высшего расцвета полисов. В эпоху греко-персидских войн (500–449 гг. до н. э.) создан Делосский союз во главе с Афинами. Время наивысшего могущества Афин – это время демократизации политического строя и расцвета их культуры, годы правления Перикла (443–429 гг. до н. э.). Борьба между Афинами и Спартой за гегемонию, противоречия между Афинами и Коринфом привели к Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н. э.). Эта война греков завершилась поражением «демократических» Афин.

Эллада

Какие же черты являются характерными для греческой цивилизации? Понимая невозможность выявить универсальный ее облик, можно тем не менее говорить о храбрости и мужестве, тяге к свободе и подвигам, демократической организации, готовности к переселениям и походам. Вот как формулирует сам Перикл идеалы афинского гражданина и его государства: «Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям; мы сами, скорее, служим образцом для некоторых, чем подражаем другим. Называется этот строй демократическим, потому что зиждется не на меньшинстве, а на большинстве. По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех». При этом положение бедняка не препятствовало его политической деятельности и жизнь в государстве строилась на законах свободы. В частной жизни они были свободны от принуждения, в общественной – не нарушали законов из-за страха перед ними и при этом повиновались не только писаным, но и неписаным законам. Отношения с другими народами у греков были, скорее, конфликтными. Греки действовали в бою отважно и не позволяли врагу глумиться ни над памятью предков, ни над живыми героями.

Афинские боевые суда

Рисуемая Периклом картина – фрагментарна, риторична, неполна, но она отражает черты афинского общества. В действительности греки, как и персы, римляне или македонцы, жили войнами и захватами. Противоречия внутри афинского общества проявились в острейшем соперничестве Афин и Спарты. Спорам сопутствовали военные конфликты, вершиной которых стала Пелопоннесская война (431–404 гг. до н. э.) – первая гражданская война западных демократий. В условиях этой войны враги Перикла, движимые партийными интересами и завистью, обвинили его в растрате государственных средств и устранили от руководства военными действиями, что, бесспорно, ослабило Афины. В довершение ко всем бедствиям войны разразилась чума и в самих Афинах, где за стенами укрылось почти все население Аттики. Художественная галерея-портик с картиной живописца Полигнота «Разорение Трои» превратилась в прибежище беженцев, тут же умиравших от чумы. Перикл, ранее отрешенный от власти недругами, снова был призван народом; он отправился в поход на кораблях вокруг Пелопоннеса с целью разорения Спарты с моря, в то время как Спарта занималась тем же самым с суши, вторгшись глубоко в земли Аттики. На афинских кораблях началась эпидемия; Перикл по возвращении вскоре скончался (429 год до н. э.). Когда он умирал, его друзья, собравшиеся вокруг, хвалили правителя за многие достижения, однако об одном, наиважнейшем, как считал сам Перикл, не упомянули («О самом главном, замечательном. не говорите ни слова»). Интересно, что из

всей своей богатой событиями и деяниями жизни Перикл выделил как наибольшее достижение то, что «ни один афинский гражданин не надел черного плаща», т. е. не был казнен по его приказу. Столь высоко ценил он жизнь гражданина. Однако этого не скажешь об античном обществе в целом, где войны носили перманентный характер и уносили жизни многих и многих.

Греческий гоплит

Однако, недостаточно осыпать проклятиями войны и междоусобицы. Важно выяснить, кто несет наибольшую ответственность за содеянные преступления. Опыт веков свидетельствует: главные виновники войн, как правило, – царь, группа властителей-олигархов, а также воины-милитаристы, возбуждаемые алчностью, гордыней, ложными представлениями о «славе и величии» государства и человека. Страдают же многие невинные люди: «Сходят владыки с ума, а спины трещат у ахейцев». Иногда причиной конфликтов могут выступать и возвышенные, благородные чувства (вера, любовь, национальное достоинство). Римский поэт Гораций в одном из поэтических посланий пишет:

Повесть о том, как в войне
многолетней столкнулись под

Троей Греки и варваров рать
из-за страсти Париса, содержит
Много неистовых дел
безрассудных царей и народов.
Вот Антенор пресечь причину
войны предлагает;
Что же Парис? Говорит,
что никто его не заставит
Мирно царить и счастливо жить...

Было бы неверно оправдывать и нравы корыстолюбивых толп, массовые проявления жестокого национализма. Междоусобная распря в этом случае – благодатная почва для культивирования отрицательных качеств, которые в мирное время как бы дремлют в людях. О том, как трагичны порой оказываются события различных времен, свидетельствует пример ромеев, или понтийцев. Греки Понта 30 веков назад основали первые города вокруг Понта Эвксинского (ранее это море звалось «Понтос Аксенос», или «негостеприимное море»). Понтийский эллинизм внесет немалый вклад в развитие прогресса и культуры от эпохи мифологических времен, золотого руна, похода аргонавтов, Прометея и Колхиды, амазонок и многого другого до исторических времен Митридатского царства, философа Диогена, основоположника эпохи Возрождения – Виссариона, географа Страбона, византийской династии Комнинов.

Позже исторический Понт стал одной из семи частей Византийской империи, а после распада империи Понт сохранился как независимое самодержавное государство со столицей в Трапезунде (Трапезундская империя, династия Комнинов, 1204–1461 гг.). Понт – единственное целостное греческое государство в истории греков (557 лет). Археологическое, культурное, этническое наследие его заметно и сегодня во всем Причерноморье, и особенно на южном, северном и восточном побережьях Черного моря. Понт дал христианству большую часть известнейших святых и мучеников. Страна с древнейшими памятниками и монастырями имела и развитую систему образования. Трапезундская империя, последнее греческое византийское государство, была захвачена оттоманами-турками в 1461 г.

В XX веке, после многовекового угнетения, турки стали проводить политику геноцида в отношении греков. В 1916–1923 гг. были уничтожены и погибли половина зарегистрированного греческого населения – сотни тысяч человек. Чтобы понять это массовое проявление жестокости, следует учесть, что с 1914-го по 1918 год шла Первая мировая война, в которой Турция и Греция были противниками, но это, конечно же, не может служить оправданием геноцида. Долгое время происшедшие события замалчивались, и лишь в 1994 г., после длительной борьбы с различными силами, греческий парламент официально учредил день 19 мая в качестве Дня памяти геноцида понтийского эллинизма на исторической земле Понта. Прошедшие события до сих пор не способствуют установлению нормальных отношений между государствами, а гонения на понтийскую культуру (понтийский язык – единственный, пока еще живой древнегреческий язык), на ее носителей в той или иной степени продолжаются и по сей день. Сюда же можно отнести и проблему разделения Кипра. Это ли не отголоски битв цивилизаций – Запада и Востока – в современном мире, и остановить эти битвы не может даже то обстоятельство, что обе упомянутые страны являются членами одного военно-политического блока.

Говорят о мире, но всегда помышляют о превосходстве. Так, историк римского императора Марка Аврелия Проба (232–282 гг.) утверждал: «Никто не будет больше изготавливать оружие... Не будет ни войн, ни пленных, настанет всеобщее царство мира» (Вописк). Но о чем же на самом деле помышляет сей достойный муж? О каком «мире» идет речь? Конечно же, о знаменитом *Pax Romana*! Римлянин так и расшифровывает свою формулу: «Царство римских законов и наших властей». Все должно трепетать при одном только упоминании о великом и могучем Риме. Следует признать живучей эту модель решения мировых вопросов, которая и по сей день просматривается во многих международных договорах и соглашениях. Рим оживает в действиях ряда стран, а современность обнаруживает притязания на римский стиль (Ницше). Это же можно сказать и в отношении всех, без исключения, греческих государств. Андокид говорил: «Я мог бы поэтому, афиняне, так сформулировать свою точку зрения на рассматриваемый вопрос: мир несет демократии спасение и силу, война же приводит к ее ниспровержению» («О мире с

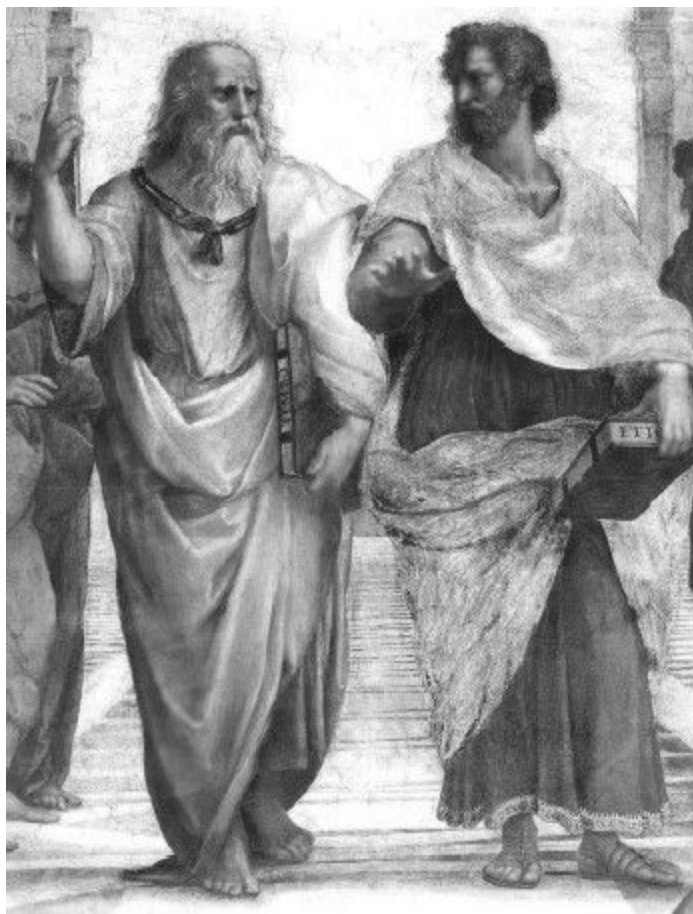
лакедемонянами»). Прекрасная мысль, которая стала бы еще прекраснее, если бы греки на деле ей следовали.

По Аристотелю, борьба составляет побудительную силу, она причина и виновник всяких изменений. Если воспринимать движение как борьбу противоположностей, то война и мир составляют дуалистичную пару. Схватка между Афинами и Спартой во многом определялась наличием финансовых ресурсов у сражающихся сторон и их союзников. Спартанцы в ходе войн рассчитывали опустошить аттическую землю, оторвать от Афин союзников. Перикл же советует афинянам не рваться к новым завоеваниям, удерживая в руках то, что у них уже есть: «Снаряжать флот как основу афинской военной мощи и крепко держать в руках союзников, потому что доходы и дань от союзников – денежная опора города.» С другой стороны, видим, что и Спарта, несмотря на наличие отважных и умелых гоплитов (спартанская фаланга считалась лучшей в мире), сталкивается с нехваткой людского потенциала, оружия или денежных ресурсов. Ей не хватает умелых гребцов, кораблей, но более всего не хватает денег и военных запасов. Отсюда идея сделать своего рода «заем» в сокровищницах Олимпии и Дельфов.

Дельфы

Она обсуждалась, но была отвергнута из-за опасения вызвать возмущение разграблением общегреческих святилищ и храмов. Помощь же от городов и отдельных лиц (хиосцев) была так мала, что серьезной поддержки в снаряжении армии оказать не могла. Персы тоже не проявили желания снабжать спартанцев в 425–424 гг. до н. э. кораблями и деньгами. Они ясно давали понять, что спартамцам придется сделать персам существенные уступки в дипломатическом плане. Война – это дополнительные налоги, ухудшение состояния финансов и падение уровня жизни. Известно, скажем, что даже относительно локальные операции, такие, как попытки остановить смуту на Хиосе зимой 425–424 гг. до н. э. и в Колофоне в 427 г. до н. э., стоили Афинам более 2000 талантов, а осада Потидеи, осада Митилены потребовали введения специального налога. Историки говорят об ужесточении сбора дани (в 429 г. и еще больше в 425 г. до н. э.), а также о снижении процента по ссудам афинской казны государству в 427–426 гг. до н. э. с 7 % годовых до 1,5 %. Об этом свидетельствуют и грозные директивы, в которых говорится о том, что «взносами должны быть в должной пропорции обложены все города». Специально собранные отряды отправлялись собирать дань даже с тех городов, которые ранее не относились к афинской державе. Все делалось для того, чтобы собрать нужные средства, коих было бы достаточно, чтобы выдержать войну с противником, обладающим равными по количеству и качеству средствами и оружием, т. е. чтобы средств у государства хватило «не только для внутренних потребностей, но и на случай опасности извне» (Аристотель). Финансы – одно из условий победы.

Платон и Аристотель

Аристотель, пожалуй, самый известный, помимо Платона, философ Запада, тесно увязывает финансы и войну, рассматривая и то, и другое в качестве главных инструментов реализации важнейших задач страны и народа. Причем финансы он ставит на первое место среди приоритетов государственной деятельности. Читаем в «Риторике»: «То, о чем люди совещаются и по поводу чего высказывают свое мнение ораторы, сводится, можно сказать, к пяти главным пунктам; они следующие: финансы, война и мир, защита страны, ввоз и вывоз продуктов и законодательство. Тому, кто захотел бы давать советы относительно финансов, следует знать все статьи государственных расходов – каковы они и сколько их, чтобы, если какая-нибудь из них забыта, присоединить ее (к доходам), и если какая-нибудь другая меньше, чем могла бы быть, увеличить ее; кроме того, необходимо знать также и все расходы, чтобы в случае, если

какая-нибудь статья расхода окажется бесполезной, уничтожить ее, а если какая-нибудь другая окажется более значительной, чем следует, уменьшить ее, так как люди становятся богаче не только путем прибавления к тому, что у них есть, но и путем сокращения расходов. Все эти сведения нужно черпать не из одного только опыта, касающегося местных дел: для того чтобы подавать советы относительно этого, необходимо знать и те изобретения, которые сделаны в этом отношении другими. Что касается войны и мира, то здесь необходимо знать силу государства – насколько она велика в настоящее время и насколько велика была прежде, в чем она теперь заключается и в каком отношении может быть увеличена. Кроме того, необходимо знать, какие войны вело государство и как – и все это не только относительно своего собственного государства, но и относительно государств соседних. Следует также знать, с кем из соседей можно с вероятием ожидать войны, чтобы с более сильным сохранить мир, а что касается более слабых, то чтобы всегда начало войны зависело от нас самих. Необходимо также знать военные силы противников, сходны они с нашими или не сходны, потому что и этим путем возможно как получить выгоду, так и понести ущерб. И для этого необходимо рассмотреть исход войн не только наших, но и чужих, ибо от одинаковых причин получаются одинаковые следствия. Если для сохранения безопасности государства необходимо быть знакомым со всеми этими вопросами, то не менее важно также знать толк в законодательстве, потому что благополучие государства зависит от законов». Характеристика, данная Аристотелем, стала одной из первых попыток связать воедино вопросы финансирования и государственного строительства. «Начало – половина целого» («Principium dimidium totius»).

Греческие воины

С древнейших времен жизнь народов связана с войнами и деньгами. От примитивнейших обществ минувших тысячелетий, приносящих кровавые жертвы богам, до цивилизованных стран современности с их институтами, науками, индустриально-промышленными комплексами совершенствование и производство средств вооружений и финансово-денежные потоки, а с ними прибыли связаны наитеснейшим образом. Слово «платить» (pay) происходит от латинского слова «усмирять» (pacify). Деньги – кровь, дающая энергию армиям воюющих стран. Один из писателей XVIII столетия сказал, что тот из властителей, кто найдет необходимую сумму денег, в конечном счете, «и станет победителем». Деньги питали собой все войны и революции, а изобретение денег в известном смысле дало толчок началу американской революции. Но еще в большей степени финансы на определенном этапе деятельности человечества важны для мирной жизни и торгового обмена. По монетам можно проследить и поступательное движение эллинизма и романизма (монеты колоний).

Скажем, Аттика нуждалась в привозном хлебе. Но ввозу должен сопутствовать вывоз товаров, чтобы иметь деньги для покупок.

Древние монеты

Маленьким государствам было трудно освоить широкое производство. Отсюда необходимость их участия в рынке и неизбежность конкуренции, что толкала их на путь колонизации. Колонизация, в свою очередь, вела к острым спорам не только между союзниками, людьми одного языка и нравов, но и с другими народами, культурами, ареалами. Понятно, что захваты вызывали ответные действия. Те, кого агрессор по той или иной причине сгонял с хороших и плодородных земель, становились для него смертельными врагами, как это случилось с филистимлянами, древними евреями, египтянами.

Впрочем, богатство и война находятся и в некотором противоречии. Чтобы получить материальный продукт, являющийся источником богатств, нужно создавать и созидать, а не разрушать. Война же разрушает и убивает, хотя она же приносит и чудовищные прибыли. А потому те, кто любит деньги и богатство, ради их приумножения готовы пойти на любые преступления. И тут перед разумными людьми встает дилемма – как использовать деньги не во вред, а во благо всего общества? Ликург, властитель Спарты, также озаботился этой дилеммой... По свидетельству Эратосфена, в 855 г. до

н. э., прежде чем приступить к реформам, он направился к пифии-пророчице, прося ее дать ему «лучшие» государственные законы. Пифия ответила, что ни одно государство в мире не будет иметь лучших законов, чем Спарта, ибо ее царь является «питомцем богов» и, скорее даже, «богом, нежели человеком». Первое и главное, что сделал Ликург, это учредил институт старейшин (герусии). Проблема была в том, что во всех государствах древнего да и современного мира власть попадала то в руки отдельных царей, тиранов, диктаторов, то в руки богачей и элит, то в руки воинов, то в руки народа. Самые опытные и умные как бы оказывались не у дел. Новый орган должен был, с одной стороны, сдерживать и контролировать царскую власть, с другой – давать ей мудрые советы, основанные на знаниях и опыте. В герусии были избраны умудренные жизненным опытом люди старше 60 лет. Правда, сами выборы были несовершенны: обычно отбирали старейшин по тому, сколь громко звучали голоса народа, которыми тот приветствовал то или иное имя.

Выборы в Спарте

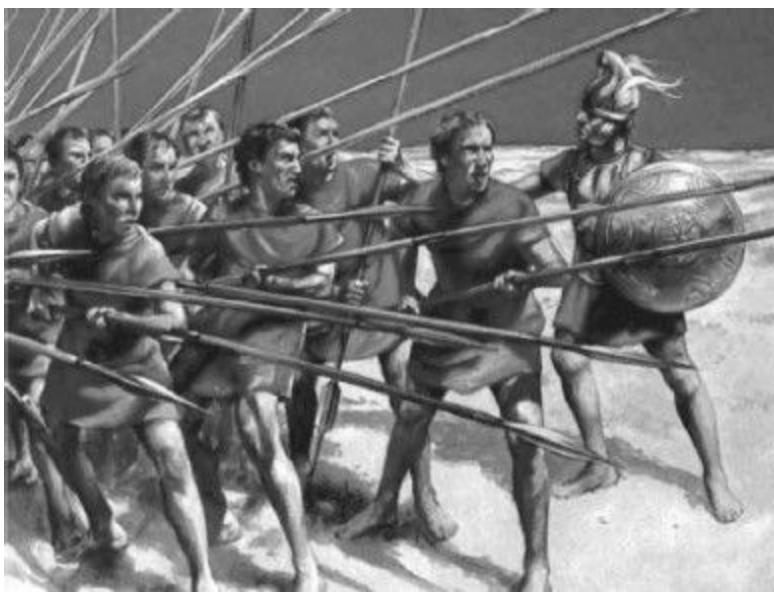
Вторым важнейшим преобразованием Ликурга стал передел земли, главной ценности государства. До него неравенство состояний было огромным. Земля, недра, богатства Спарты сосредоточились в руках кучки богачей. В результате появилась масса нищих и бедных.

Угроза восстания против власти все возрастала. Желая уничтожить источник зависти и многих преступлений – богатство и роскошь, Ликург надумал излечить государство от двух самых опасных его болезней – богатства и бедности. Тогда он убедил граждан отказаться от частного владения землей, передать ее (и все, что в ней) в распоряжение государства, а затем провести новый ее раздел, раздел более справедливый, чтобы каждый мог жить в равных условиях и никто не был бы выше другого. Он разделил всю Лаконику на 39 тыс. земельных участков. 30 тыс. из них отдал перизкам (порабощенным лаконцам, которые хотя и считались свободными, но участия в работе Народного собрания, в управлении Спартой не принимали), а 9 тыс., относящихся к самому городу Спарта, разделил между спартанцами. В итоге исчезли нищета и крайнее богатство, и у всех граждан появился умеренно приличный достаток. Глядя на все это, Ликург имел право с радостью заметить: «Вся страна – это наследство народа, поделенное между братьями!» Законы, якобы введенные Ликургом, на самом деле были установлены в Спарте частично в VIII, но главным образом, во второй половине VII в. до н. э. Несмотря на почти заведомую недостоверность биографии Ликурга, она содержит ценный материал о быте и законах спартанцев в эпоху наивысшего могущества и расцвета государства лакедемонян.

Воины

В руках самых богатых людей были сосредоточены огромные денежные средства, и те пускали их в оборот, налагая долговые обязательства на заемщиков, зачастую неподъемные. Чтобы окончательно уничтожить неравенство, Ликург решил поделить поровну и движимое имущество. И тогда Ликург пошел на хитрый, мудрый шаг. Он изъял из обращения все золото и серебряные монеты и приказал употреблять железные. В итоге все денежные средства богачи должны были хранить дома, а так как новые деньги при малой стоимости оказались тяжелы и массивны, хранить и возить их было неудобно. Пришлось строить специальные кладовые. Так Ликург вынудил богачей изъять деньги, этот «чертов дар», из обращения. «Благодаря такой монете в Лаконике исчезло много преступлений: кто решился бы воровать, брать взятку, отнимать деньги другого или грабить, раз нельзя было скрыть свою добычу, которая к тому же не представляла ничего завидного и, даже разбитая в куски, не годилась ни на что?» – пишет историк. Можно сказать, что Ликург был первый, кто сделал шаг по направлению к идее необходимости введения банковских карт.

Воины-спартанцы

Одним словом, политика спартанского государства была направлена при Ликурге на то, чтобы уменьшить разрыв между богатством и бедностью. Плутарх пишет: «С целью еще более стеснить роскошь и окончательно уничтожить чувство корысти Ликург установил третье, во всех отношениях прекрасное учреждение, совместные трапезы, сисситии, – для того чтобы граждане сходились обедать за общий стол и ели мясные или мучные кушанья, предписанные законом. Они не имели права обедать дома, развалившись на дорогих ложах за дорогими столами, они не должны были заставлять своих отличных поваров откармливать себя в темноте, как прожорливых животных, вредя этим и душе, и телу, предаваясь всякого рода порочным наклонностям и излишествами, долгому сну, беря теплые ванны, ничего решительно не делая, словом, ежедневно нуждаясь в уходе, как больные. Одно это было важно, но еще важнее было то, что богатство, выражаясь словами Теофраста, не было ни на что годно. Им нельзя было пользоваться. Оно не могло доставлять чувства радости, словом, нельзя было ни показать множества своей драгоценной посуды, ни похвастаться ею. Вот почему в целом мире в одной Спарте находила себе подтверждение пословица, что «бог богатства слеп и лежит без жизни и движения»».

Ликург полагал, что кончина должна быть достойным завершением его жизни и даже смерть общественного деятеля должна быть полезна государству. В возрасте 85 лет он, простившись с друзьями и сыном, отказался принимать пищу и умер от голода. Но он боялся, что его останки перенесут в Спарту и граждане смогут перестать следовать его заветам и посчитать себя свободными от данной клятвы. Перед смертью он приказал друзьям сжечь свое тело и бросить пепел в море. Пока Спарта придерживалась законов Ликурга, она была самым сильным государством в Греции. И только в конце V в. до н. э., когда в Спарту вместе с золотом и серебром проникли имущественное неравенство, расслоение, корысть, законам Ликурга был нанесен смертельный удар. Однако здесь мы должны разочаровать читателя, которому захочется поверить в то, что в античности наверняка жили какие-то совершенно иные люди, люди из «иного сплава», или по крайней мере в тот период не выступали в открыто безобразной форме проявления нового времени (интриги, алчность, воровство, подкуп, коррупция). Увы, и в то время извечные

человеческие слабости давали о себе знать, будучи распространены довольно широко. Их жертвой стали и спартанцы. Аристотель говорит о коррупции как о явлении, характерном для Спарты. Прокламируемый аскетизм спартанцев, если судить по высказываниям Ксенофонта и Аристотеля, в классической Спарте был лишь лозунгом. Говоря об особенностях национального характера спартанцев, греки отмечали их безудержную страсть к деньгам (т. е. *filarguriva filocrhmativa*). Получается: декларировали одно, а делали? Правда, по мнению философов и историков, все эти черты, а именно – страсть к богатству и роскоши проявились у спартанцев только в конце Пелопоннесской войны, когда немалые деньги полились в Спарту и стали оседать в карманах правящей верхушки. Впрочем, имеются данные, что и ранее (еще до Лисандра) страсть к деньгам и наживе, а также связанная с этим коррупция были известны. Взяточничество в среде спартанского высшего руководства является важной темой в трудах Геродота. Согласно его утверждению, в 524 г. до н. э. все спартанское командование, возглавившее военную экспедицию на Самос, было подкуплено самосским тираном Поликратом, а потому и поход оказался безрезультатным. Весьма своеобразны, мы бы даже сказали, современные слова и речи тех лет. Когда к архонтам Спарты пришли самосцы с просьбой о помощи (против их изгнавшего царя Поликрата), то пришли они с пустыми руками. Выслушав их, архонты заявили просителям не без лукавства и даже намека: мы забыли, о чем шла речь вначале, и не понимаем конца. Самосцы быстро сообразили, в чем тут дело, и пришли вторично. Речей они на сей раз не произносили, а принесли с собой большую сумку, вручив архонтам: «Сума просит хлеба».

Символический жест Афины

И это был далеко не единственный случай. Похоже, что во взятках было замешано и руководство спартанским флотом во время греко-персидских войн. Спартанский наварх Эврибиад, по слухам, получил в 481–480 гг. до н. э. от Фемистокла взятку в 5 талантов, за что изменил план своей экспедиции в пользу Афин. Геродот упоминает и спартанских царей, с чьими именами были связаны дела о коррупции (в частности, попытки подкупить царя Клеомена). Кроме Клеомена, называют еще одно имя – царя Леотихида, бесспорно уличенного в получении взятки от фессалийских Алевадов. Количество такого рода фактов, отмечает историк, говорит о том, что коррумпированность царей Спарты вовсе не была редким явлением и не считалась чем-то из

ряда вон выходящим. Фукидид к списку Геродота добавляет еще два имени спартанских царей, подозреваемых в коррупции (Плистоанакта и Агиса II). Важно подчеркнуть, что цари, подозреваемые в коррупции, действовали не в одиночку, а вместе со своими советниками – эфорами, которые были к ним приставлены народом для осуществления надзора за их поведением во время военных кампаний. Как видим, даже война не являлась большим препятствием для стремления нажить деньги на всем, что только представляется возможным. Персидская дипломатия не раз использовала в своих целях продажность спартанского высшего руководства. Еще до Каллиева мира, в 459 г. до н. э., персы считали возможным посылать деньги в Спарту для принятия нужных им решений. Один из персидских царей говорил, что осел с грузом золота быстрее выиграет сражение, чем это сделает самая сильная и опытная армия.

Речь Ликурга

Многие состояния в Спарте, по-видимому, накапливались от взяток, полученных спартанскими генералами в последнее десятилетие Пелопоннесской войны. Можно себе представить, с каким размахом стали красть при Лисандре, если Гилипп, прославленный военачальник, герой сицилийской кампании и личный друг Лисандра, попытался украсть у государства сумму в 300 талантов. Правда,

исследователь Л. Печатнова пишет, что после того, как лихорадка обогащения охватила всю Спарту, все эшелоны власти, был принят закон, который позволял ввоз и хранение иностранной валюты только для государственных целей и под государственным контролем. Лицам же частным за хранение золотой и серебряной монеты дома грозила смертная казнь. По этому закону в 403 г. до н. э. Форак, гармост Самоса и друг Лисандра, был отрешен от должности и приговорен к смертной казни. Напуганные сановники и коррупционеры Спарты попытались обойти закон. Учитывая, что закон запрещал хранить золото и серебро у себя дома, лакедемоняне «отдавали его на хранение своим соседям аркадянам», видимо, через подставных лиц... В качестве зарубежных банков использовались храмовые центры в Пелопоннесе и вне его. В роли хранителей сбережений, денег выступали даже и храмы Востока. Жажду заполучить богатства все откровеннее связывали с войной. Спартанский царь Архидам у Фукидида произносит монолог, говоря, что Аттика «стоит обедни», превосходя все остальные области населением, богатыми запасами. Историк Р. Виппер пишет, что Архидам «развивает дальше мысль, совсем необычную в устах спартанца: война – это финансы». О том же, но еще обстоятельнее говорит Перикл в своей речи, указывая, что войну успешнее выдерживает тот, у кого есть существенные денежные запасы и средства, а также централизация и аппарат, позволяющий в чрезвычайных условиях кризиса быстро и полномочно распоряжаться финансами. Слабая федерация не может выстоять в серьезной схватке. При этом Перикл обращает внимание на необходимость и важность высокого культурно-технического уровня для одержания победы в битве. Но тогда почему же Афины, имевшие все это в своем владении, потерпели поражение? И тут прямо надо бы сказать об участии в противостоянии третьего лица, каковым явились персы с их золотом. Они раздробили союз греков, пойдя на прямой подкуп вчерашних союзников и братьев афинян – спартанцев. Р. Виппер пишет: «В спор греков вступил новый фактор, финансовая сила персов, при посредстве которой самая консервативная община Греции, Спарта, быстро превратилась в плутократию и стала располагать не меньшими ресурсами, чем афинская держава».

Лисандр – полководец Спарты

После разгрома Афин переход руководящей роли к Спарте, как главе Пелопоннесского союза, был закономерен. Военно-политический вес государства во многом определялся относительной сплоченностью коллектива спартиатов. Однако в IV веке до н. э. положение в Спарте существенно изменилось. Государственная форма собственности на землю стала разлагаться, усиливается социальное расслоение «общины равных». В последние годы войны благодаря щедрым персидским субсидиям Спарта обзавелась собственным флотом. Спартанская знать, помимо персидских денег, получала и богатую военную добычу. При таких условиях древние спартанские законы, предписывающие всем спартиатам иметь одинаковые участки земли, пользоваться только железными деньгами (железными, потому что их было невыгодно хранить вследствие их низкой цены на общем рынке,

что должно было отвратить народ от желания иметь богатство), запрет на ввоз в Спарту золота и серебра – все это стало постоянно нарушаться. Вскоре эти законы были отменены и официально. Реформой Эпитадея около 400 г. до н. э. спартиатам было разрешено дарить земельные участки или передавать их по завещанию. Реформа фактически санкционировала и ускорила процесс концентрации земли. Задолжавшие спартиаты стали продавать свои участки земли под видом дарения или передачи по завещанию. Так появилось большое число неимущих. В Спарте те, кто не имел тяжелого вооружения и не являлся участником совместных трапез – фидитий, автоматически лишался политических прав, и поэтому число граждан стало сокращаться.

Намсарай – бог богатства

Имущественное расслоение вело к обострению социальной борьбы. В 399 г. до н. э. спартанец Кинадон, опираясь на разорившихся, не довольных новыми порядками граждан, попытался свергнуть власть олигархов. Попытка окончилась неудачей. Острый разлад начался и в правящей среде, в которой четко обозначились две враждующие группировки. Одна из них, консервативная, во главе ее стоял царь Агесилай, стремилась сохранить стародавние порядки и, в частности, выступила против активной внешней политики, считая ее губительной для Спарты. Вторая, возглавленная Лисандром, напротив,

была за решительное изменение прежних порядков, не отвечавших интересам крупных земледельцев. Она ставила целью укрепление спартанской гегемонии над всем эллинским миром. Такова была ситуация после окончания войны между двумя союзами греческих полисов, во главе которых стояли Спарта и Афины. Обе стороны были уверены в победе. Никто не мог и предположить, что победа одной из сторон и особо неприкрытая алчность и раскол в обществе приведут в конце концов к общему поражению всех греков, а затем фактически к закату культуры, к кризису греческого полиса, наступившего вследствие междоусобиц.

Былое величие Спарты

Взятки стали брать все поголовно, не только отдельные чиновники, но и целые коллегии и корпорации работников. Наиболее сильно это коснулось коллегии эфоров, судей Спарты. В «Риторике» Аристотель привел пример того, как 4 эфора из 5 взяли деньги за предательство интересов Спарты. Пример тотальной коррупции спартанских властей находим и в книге древнегреческого писателя Павсания. В 346 г. до н. э. спартанцы в качестве союзников фокейцев приняли участие в захвате Дельф. Павсаний пишет: «когда главари фокейцев разграбили святилище в Дельфах, то и спартанские цари, каждый персонально, и многие влиятельные лица в Спарте, вся коллегия эфоров в полном составе, равно и герусия приняли участие в разделе сокровищ бога». Спартанцы не только брали, но и охотно давали взятки. Павсаний пишет, что спартанцы были единственными,

кто решился подкупить пифию. Известна массовая кампания Лисандра по подкупу наиболее влиятельных святилищ как в Греции, так и вне ее. Миф о неподкупности спартанцев – это поистине миф нашего времени.

Однако самый главный вывод из всего этого таков. Приток в Спарту огромных несправедливых богатств, полученных ее знатью в результате коррупции, не оздоровил социально-экономической ситуации, а, скорее, ухудшил и усугубил. Движения денежных масс практически не было. Новые богачи стремились спрятать деньги подальше от глаз народа и от «контролирующих органов». Капитал лежал мертвым грузом и не вкладывался в развитие экономики страны. Большая часть богатств осела в карманах спартанской элиты, которая все дальше отдалялась от народа. Все выгодные места и должности были узурпированы узкой группой людей, став наследственными. Спарта быстро пошла в направлении господства клановой олигархии. Возник ужасающий разрыв между жизнью политэкономической верхушки и народа Спарты. Социально-экономическая пропасть расширялась, и, с одной стороны, это вело к желанию заполучить богатство любым способом, а с другой – к невиданному снижению моральных критериев и ценностей у элиты.

Поэтому спартанцы стали терпеть поражения даже в решающих боях, как это случилось в битве при Левктрах, когда их разбил фиванский полководец Эпаминонд. О патриотизме Эпаминонда лучше всего говорит его позиция в период оккупации Фив Спартой. Он уговаривал юношей в палестре вызывать на бой спартанцев и учил их не бояться на поле битвы тех, кого можно одолеть в рукопашной борьбе. В ходе борьбы Пелопида за свержение олигархии Эпаминонд оставался дома, не желая ни защищать дурных правителей, ни обагрять руки кровью сограждан. Но как только фиванцы столкнулись со спартанским гарнизоном, Эпаминонд, не медля, встал в ряды сражающихся, защищая свое Отечество от вторжения чужаков.

Смерть Эпаминонда

Воспитание подрастающего поколения считалось в Спарте делом государственной важности и прямой задачей государства. Но и тут видим, что далеко не все достойно подражания в нравах спартанцев. Плутарх дает описание этой своеобразной спартанской «евгеники». Забота об улучшении «человеческой породы» выражалась якобы у них в уничтожении слабых и безобразных детей, которых сбрасывали в пропасть. Косвенным результатом уничтожения нежизнеспособных детей являлось и сокращение количества нежелательных едоков, хотя это, скорее всего, легенда. Подобный «искусственный отбор» был нацелен на нематериальные достижения: на укрепление тела и духа, а не на поддержание экономики. С семи лет мальчиков собирали в лагеря и делили на отряды, называвшиеся «агелами» (буквально – «стая»). Как сообщает Плутарх, спартанских детей, собранных в военные лагеря, или в «стаи», держали впроголодь, чтобы заставить собственными силами бороться с лишениями, быть смелыми и хитрыми. Детей приучали добывать себе пищу самим. «Старшим детям было приказано собирать дрова, маленьким – овощи. Все, что те приносили, было ворованным. Одни отправлялись для этого в сады, другие прокрадывались в сисситии (места общественной трапезы),

стараясь выказать всю свою хитрость и осторожность. Попавшегося на этом били плетью как плохого и неловкого вора. Если представлялся случай, они крали и приготовленную еду, причем учились нападать на спавших и на плохих сторожей». «Дети старались, – пишет Плутарх, – как можно тщательнее скрыть свое воровство». Юные спартанцы учились только писать и читать. «Все же остальные виды образования были изгнаны из страны; не только сами науки, но и люди, ими занимающиеся. Воспитание было направлено к тому, чтобы юноши умели подчиняться и мужественно переносить страдания, а в битвах умирать или добиваться победы». В Древней Спарте не было ни наук, ни литературы. Из искусств ценились разве что музыка, марши и пение, особое внимание уделялось прохождению полного курса обучения в военно-спортивных лагерях, являвшегося условием становления гражданина. Практика детских батальонов как способа создания идеальных солдат была эффективной. Армия Спарты считалась среди греков самой боеспособной, но перенимать их опыт не спешили. Плутарх говорил, что военные походы для спартанцев были возможностью отдохнуть от их жизни: «На всей земле для одних лишь спартанцев война оказывалась отдыхом от подготовки к ней». Философ Ясперс о нравах лакедемонян писал: «Спартанцы жили дома сурово и скудно, но, вырываясь на свободу, предавались оргиям».

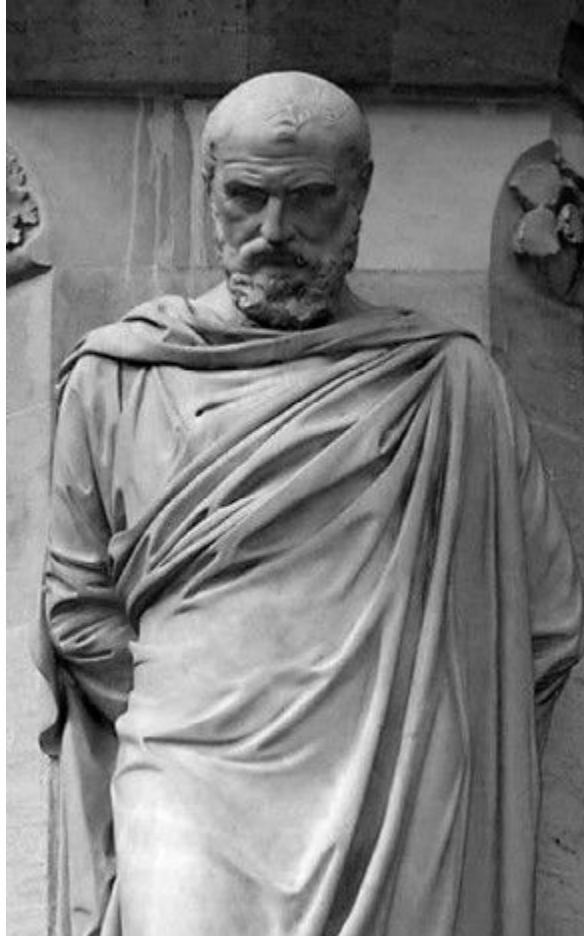
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСОВ

Для античного общества характерно развитие рыночной экономики и частной собственности. Отсюда интерес философов к проблемам микроэкономики, но не теоретическим, а прикладным. Одним из таких философов был Ксенофонт, написавший работы «Экономика», «Закон домашнего хозяйства», а также Платон («Государство», «Законы») и Аристотель («Никомахова этика»). В этих трудах в самых общих чертах рассмотрены экономические проблемы. Ксенофонт в разделении труда видел два ключевых момента, а именно: зависимость разделения труда от размеров спроса и зависимость качества продукта от степени разделения труда. Платон также считал, что разделение труда лежит в основе человеческих отношений. У каждого множество потребностей, но одна способность. Следовательно, человек должен жить в обществе для удовлетворения своих потребностей, и в обществе должно быть разделение труда. Аристотель подчеркивал естественность разделения труда. Оба философа поднимали и важные теоретические проблемы. К примеру, они обращали внимание на необходимость существования равенства пропорций, баланса среди людей, занимающихся обменом и производством. Обмен необходим и справедлив, но в самом товаре равенство еще не заложено. Кроме того, все и не могут быть торговцами. Равенство, точнее, равноценный обмен обеспечивался

деньгами, искусственным инструментом, созданным людьми. Все трое сходились во мнении, что деньги – результат созидательных действий людей. Они выделяли три важнейшие функции денег: средство обращения, средство измерения товаров и средство накопления богатств. Метод, коим пользовались философы, сочетал в себе нормативный (подразумевал естественный порядок явлений, т. е. такой общественный порядок, который, по мнению автора, заложен в естестве человека) и позитивный (включал в себя элементы анализа и первые попытки систематизации) подходы.

Отметим и учение Аристотеля о хрематистике... Этот трактат важен тем, что он является первой попыткой систематизации экономических явлений. Аристотель делил все явления на две части. Их критерием являлись цели деятельности: 1. Если целью являлось удовлетворение потребностей, то он относил данное явление к экономике, т. к. данная цель является конечной, разумной и, следовательно, естественной. К таким явлениям относил земледелие, ремесло и непрофессиональную торговлю. 2. Если целью являлась голая нажива, Аристотель относил данное явление к разряду «хрематистики», т. к. данная цель является бесконечной и, следовательно, неестественной... К данному разряду Аристотель относил профессиональную торговлю и ростовщичество. Несмотря на выделение в экономике неестественных устремлений, т. е. паразитической наживы, он высоко ценил экономические отношения как таковые (меновая торговля, появление денег, профессиональная торговля и т. д.).

Аристотель

Особый интерес представляют отношения собственности в греческих полисах. Платон был решительным сторонником внесения надлежащего порядка в систему деловых взаимоотношений меж людьми. Для этого он формулирует основное правило: «Основное правило здесь простое: пусть никто по мере возможности не касается моего имущества и не нарушает моей собственности, даже самым незначительным образом, раз нет на то всякий раз моего особого разрешения. И я буду точно так же относиться к чужой собственности, пока я в здравом уме». Но что делать в том случае, если государству приходится сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством? «Богатство развратило душу людей роскошью, бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства». Платон полагал, что «следует допускать увеличение собственности до известного предела, а именно: никому из граждан не должно быть дозволено

приобретать собственность, превосходящую более чем в пять раз наименьшую существующую собственность». Об этом же говорит Аристотель, хотя пессимистично взирает на возможность установления подобных порядков даже при демократии, не говоря уже об олигархическом строе. По его мнению, «плохо будет, что многие из богачей превратятся в бедняков», и, кроме того, «маловероятно, чтобы такие люди не стремились к изменению порядков». А чтобы не было дурных соблазнов, Аристотель советует стремиться к воздержанности. Как же греки следовали тем максима́м, которые провозглашали их мудрецы? Заметим, что в эпоху расцвета демократии, в V и IV вв. до н. э., в Афинах большая часть жителей владела умеренным состоянием. Таланта было достаточно, чтоб не слыть нуждающимся. Упоминание о состоянии от двух до пяти талантов встречается часто. Так, наследство знаменитого оратора Эсхина равнялось пяти талантам. Состояние в 10–15 талантов считалось уже достаточно крупным, если принять во внимание низкие цены на продовольственные продукты и высокие заемные проценты. Скажем, отец Демосфена оставил после себя 15 талантов. Многие известные афиняне были еще богаче (Онетор имел состояние в 30 талантов, Конон – в 40, Стефанос и Пасион – по 50, а Никий – 100 талантов, столько же имел Алкивиад). Но даже среди них выделялся Каллий. Он имел денег столько, что сын, получив наследство, хотел было выстроить на Акрополе специальный дом, чтобы держать там все это богатство. Впрочем, сын к 385 г. до н. э. успел промотать оставленные деньги. Молва приписывала Эпикрату состояние в 600 талантов. Такие большие средства вызывали понятную зависть у остальных граждан.

Тупая алчность верхом на Мудрости

Но, чтобы не было зависти, которая и ведет к гражданским войнам, нужно ввести нормальные дифференцированные налоги. У кого денег больше, тот должен и платить больший процент, к чему, в основном, и пришел цивилизованный мир. Именно развитие государственности в античном обществе и привело к появлению налоговой системы. При этом в Древней Греции низшие слои получали диеты – денежное содержание, позволяющее бедным гражданам выполнять их обязанности по отношению к полису. Знать же несла общественные повинности – литургии, предназначенные для финансирования праздничных шествий, театральных постановок, строительства, культовых обрядов и т. д. Одной из разновидностей литургий была эйсфора – налог для военных нужд, который мог быть возвращен при удачных военных действиях. Примером таких сборов

является триерархия, цель которой – снабжение греческого судна триеры. Свободные граждане прямых налогов не платили. В V в. до н. э. росли поступления от взимания таможенных пошлин, рыночных налогов, налогов на иноземцев, вынужденных уплачивать подушную подать. Взимание налогов осуществлялось откупщиками, или мытарями, обязавшимися платить твердую сумму общине. Подобная организация налогообложения существовала и в ранней римской истории – в Риме. В нынешних условиях такого рода «мытарем» выступает государство.

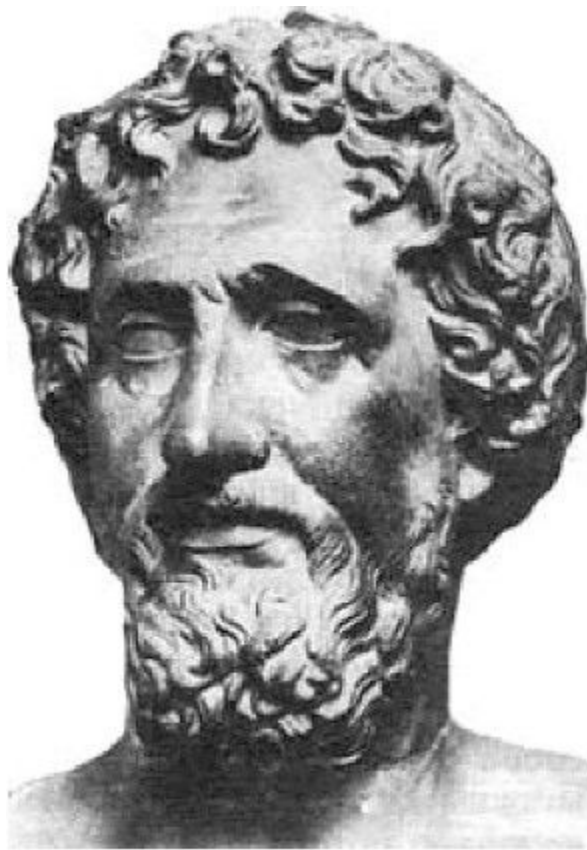
Древний Коринф. Храм Аполлона

В деятельности любого государства, любой личности неизбежно сразу же, как след на лакмусовой бумажке, проявляется коммерческий интерес... Однако и тогда (в VI–V вв. до н. э.) милитаристские интересы зачастую выходили на первый план. Скажем, Спарта победила в ходе двадцатилетней войны (ок. 740–720 гг.) народы Мессении, расширила основы могущества, увеличив территорию и поработив население. Главной целью такого рода побед было порабощение населения, а затем и продажа его за море или же размещение на своих землях в качестве рабов. Развивалась и торговля, где доминирующее положение занял Коринф, расположенный чрезвычайно благоприятно для торговых операций. Коринф обладал монополией на обмен, включая и экспорт серебра в слитках. Жители

Коринфа торговали доспехами, мечами, производили керамику, строили корабли, вели самую обширную торговлю с Западом. Итак, войны – с одной стороны, с другой – выгодная торговля и кредиты, результатом которых стал переход в руки кредиторов земель, собственности, людей, привели к появлению класса богачей. Эти перемены явились следствием появления мобильного капитала, военной и коммерческой экспансии, межгосударственной и внутривосточной борьбы. У части правящего класса появилась возможность с помощью ростовщичества обогатиться за счет других людей. В V в. до н. э. в афинское сельское хозяйство все шире проникают товарно-денежные отношения. При Перикле весь урожай ежегодно продавался, а затем все предметы общей необходимости покупались на рынке. Была также широко развита торговля с другими государствами – Египтом, государствами Африки, странами Востока. Из Афин вывозились ремесленные изделия, особенно керамика, а также вино и оливковое масло.

Мытарь и фарисей

Солон

Рост торговли сопровождался ростом денежного обращения и различных кредитных, ростовщических и валютных операций. Каждый полис стремился отчеканить свою собственную монету. При разнообразии существовавших в Греции монетных систем необходимо было организовать обмен одних денег на другие. Это функция принадлежала особым менялам – трапезитам («трапеза» по-гречески – стол). Постепенно трапезиты превращаются из менял в торговых посредников, начинают принимать деньги на хранение и выдавать ссуды под проценты, ведут личные счета своих клиентов. Крупными денежными операциями занимались и известные храмы в Афинах, Дельфах и др. Должниками храмов, в основном, были не частные лица, а государства. Процентные ставки составляли около 12–18 % в год. Однако в связи с опасностями тогдашнего мореплавания процент

по «морским ссудам» был значительно выше – вплоть до 100 %. Наряду с поземельным кредитом имел место кредит коммерческий, в форме морского займа. Эта форма в историческом развитии обычно предшествует сухопутному, а последний заимствует формы у первого. Правящий класс Эллады проводил безжалостную политику не только в отношении чужеземцев, но и в отношении собственных граждан. Скоро в Афинах «весь простой народ был в долгу у богатых. Одни обрабатывали землю, платя богатым шестую часть урожая, их называли гектеморами и фетами; другие же брали у богатых в долг деньги под залог тела, и заимодавцы имели право обратить их в рабство; при этом одни оставались рабами на родине, других продавали на чужбине». Афинский государственный деятель Солон так описывал сложившееся положение: «Вскоре все государство оказалось в постыдном рабстве, которое пробудило недовольство и гражданскую войну, и в ней погибли многие доблестные мужи, таковы были бедствия нашей родины... Многие бедняки, скованные позорными кандалами, проданы в чужие земли».

Агора. Акрополь в Афинах

Реформы Солона заметно улучшили положение народа, прежде всего бедных слоев, освободив и саму землю, и тех, кто был к ней прикреплен. Он вернул личную свободу проданным в рабство на родине и за границей, аннулировал бывшие контракты, низводившие людей до положения рабов, отменил текущие долги. Сам он так оценивал направление своих реформ: «Я издавал законы в духе равенства худородных и высокородных, руководствуясь единой справедливостью для всех». Солон издал закон об амнистии, восстановив в правах всех, кто был их лишен, кроме тех, кто ранее изгнан за «кровопролитие, убийство или попытку установить тиранию», способствовал и развитию торговли. После Солона и, по-видимому, в течение продолжительного периода к этим мерам как знаку обременения долгами не прибегали...

Причина столкновений, захватов, убийств, пленений, разрушений, казней и лишений всюду одна – алчность. Древнегреческий философ Демокрит как-то заметил: «Кто слишком падок на деньги, тот никогда не может быть справедливым». Это можно отнести и к Афинам, и к России. Когда к посланцам эллинских городов, собравшимся на Сицилии, обратился с речью Гермократ, сын Гермона из Сиракуз, он выразил квинтэссенцию милитаристских вожделений большинства так называемых демократических полисов античного мира, заявив: «К чему мне расписывать тяготы войны и держать длинные речи перед людьми, которым все это известно. Ведь никого не вовлекло в войну непонимание ее бедствий и никого страх перед ними не удержал от нее, если война сулит ему большие выгоды.

Жестокие сцены сражений

Иные, впрочем, иногда переоценивают выгоды ее по сравнению с опасностями, а другие готовы рисковать и вести войну, лишь бы сейчас им не пришлось уступить в какой-нибудь мелочи. Но если те и другие склонны поступать столь опрометчиво, тогда призывы к миру окажутся весьма кстати. Вот и для нас лучше всего будет прислушаться к такому совету. Если в свое время все мы начали войну только ради частных интересов каждого города, то ныне постараемся уладить наши разногласия путем совместного обсуждения; и если в конце концов каждая сторона не добьется справедливых уступок, то будем воевать снова».

Историк Фукидид знал войну изнутри, ибо и сам был военачальником. Он как стратег принимал участие в боевых действиях, в его описаниях показывается, как Эллада была вовлечена в междоусобную распрю и войну. Общество разделилось на партии. Воцарилась самая худшая из клик... Обычные значения слов стали пониматься в извращенном смысле. Стали торжествовать недовольные всем, подозрительные, строившие козни, преуспевшие в злодеяниях. В мирное время те и другие не имели бы ни повода, ни возможностей для подобных подстрекательств и призывов. Ныне для них наступили благодатные времена. Кто искал мятежа и кровавой распри, получал в этих условиях прекрасные возможности не только повредить своим

противникам, но и извлечь колоссальную выгоду. Создавались особые группы и банды, действия которых осуществлялись вопреки законам.

Схватка

В Афинах, Спарте да и в других греческих полисах официальная политика была уделом выдающихся родов и гетерий. Гетерии являли собой не столько партии, сколько неформальные объединения или же клубы, создаваемые по принципу личной дружбы, родовых, семейных, религиозных, а также экономических интересов. Эти объединения уже в V в. до н. э. начинают объединяться, влияние их растет, они все более напоминают партии, имеют политическую ориентацию, поддерживая определенных людей. Они оказывают друг другу помощь во время выдвижения на посты, на выборах и в судах. При этом действуют как

личным влиянием или авторитетом, так и связями, деньгами, лестью, угрозами. Порой не останавливаются даже перед убийством (убийство вождя демократической группировки Афин Эфиальта в 461 г. до н. э.) или организацией смуты (смута Килона, главы заговорщиков в Афинах).

Фукидид (ок. 460–400 гг. до н. э.) и Перикл

Действуют они и через собственные, послушные «избиркомы». Так, в 1927 г. на северном склоне афинского Акрополя нашли остраконы с именем афинского политического деятеля Фемистокла (своего рода «избирательные бюллетени»). На 190 остраконах, написанных рукою не более 14 человек, было выведено имя Фукидида, которого, как мы знаем, Афины вынудили к изгнанию. Очевидно, партия этих остраконов и была заранее приготовлена для голосования в толпе, для подтасовки результатов выборов. Борьба между партиями протекала крайне остро. В ходе борьбы Перикла с Фукидидом афинские граждане разделились на «народ» и «немногих». За первым стоял, в основном, «народ», за вторым — «олигархи». Родственник и преемник греческого политика Крития, Фукидид сплотил в один кулак

«прекрасных и хороших», создав нечто похожее на партию. Они представляли собой богатый слой Афин, преследуя свою выгоду. Аристократы были убеждены, что все важные дела страны должны решать богатые люди («благородные»), не допуская плебс («народ») к участию в Народном собрании. Они считали, что те, кто имеет больший имущественный достаток, «чаще всего и бывают и более образованными, и более благородного происхождения». Кредо этой группы людей было выражено ясно и понятно: «Самые богатые – это и самые образованные, самые умные, самые благородные».

Успех или неуспех политической карьеры определялся наличием ряда факторов. Закономерности в характерах и поведении людей, приходящих в Афинах к власти, все же прослеживались. Для будущего правителя карьера начиналась практически с момента рождения. Так, чем более знатен был род, в котором человек родился, тем больше появлялось у него шансов в будущем. Вторым важным моментом при достижении карьеры крупного политика или видного общественного деятеля было наличие хорошего образования. Роль при этом играли не только получение суммы знаний, но также и обутических интересов богачей, основной чение прикладным дисциплинам (ораторское искусство, искусство жестикулировать, красиво и правильно двигаться, знание художественных предметов, поэзии, музыки и пр.).

Театр

Физическое развитие, внешние данные были не лишними не только как важное дополнение к моральным качествам человека, но и как необходимость проявления мужества во время военных действий. Греки ценили и такие качества человека, как честность, смелость, беспристрастность, спокойствие, уравновешенность и, конечно, наличие богатства. Плутарх неоднократно повторял фразу о том, что в то время существовал обычай назначать на должность знатных и богатых юношей.

С помощью Фукидида олигархи, надев маски друзей народа, сумели какое-то время противостоять народу. В государстве важно не только то, кому принадлежит власть, но и то, как эта власть используется и во имя чего. И тут-то выяснилось, что все действия Фукидида направлены в первую очередь на удовлетворение эгоистических интересов богатей, основной побудительный мотив которых – корысть и борьба против существующего порядка.

Маска

Доверие к сообщникам «держалось не столько уважением к божескому закону, сколько соучастием в общих противозакониях». И хотя ставшие во главе государства люди говорили благовидные речи «о преимуществах всенародного гражданского равноправия и о здоровом правлении лучших людей», на деле все они, без исключения, «всячески боролись лишь за преобладание, отваживались на ужаснейшие злодеяния, выходили в своей мстительности за все пределы, руководствуясь не справедливостью и государственной пользой, а соображаясь лишь с угодою своей стороне; а приобретя власть путем несправедливого голосования или насилием, они рвались утолить чувство минутного торжества». Вследствие подобной политики, напоминавшей, скорее, схватки вооруженных бандитов, тяжкие беды обрушились на Элладу...

Хотя Фукидиду удалось одержать ряд локальных побед, а олигархам – занять ряд важных постов с помощью интриг и сговоров, итог был предсказуем. Было ясно: не будучи в состоянии предложить ничего, равноценного социальной программе Перикла, богачи не смогут быть во власти. Фукидида изгнали (ок. 443 г. до н. э.), олигархов подвергли гонениям и преследованиям со стороны «партии народа».

Непроста жизнь тех, кто богат и алчен. Иные подобно государственному деятелю Никию боялись и сограждан, живя в вечном страхе перед сикофантами (доносчиками). Он пытался откупиться от них деньгами, давая щедро в долг друзьям и врагам. Из осторожности он избегал близкого общения с гражданами, никогда не вступал в беседу, ни с кем вместе не обедал. С утра до вечера он был занят общественными делами, а в свободное время запирался дома, даже друзей и близких у себя не принимал. Постоянный страх сделал осторожного и нерешительного Никия еще боязливее и осмотнительнее. Он не желал и страшился каких бы то ни было перемен, считая, что нужно жить по «отеческим обычаям», то есть так, как жили отцы. Как человек знатный и состоятельный, Никий был противником афинской бедноты и ее вождей, которых он ненавидел и боялся. После смерти Перикла он выдвинулся в число главных политиков Афин и завоевал немалое число сторонников, выступая за мир, против войны. Аристофан писал: «Теперь настало время, братья эллины, оставив распри, позабыв усобицы, на волю вывести Мир любимый». Благодаря усилиям Никия и его сторонников вскоре удалось заключить на 50 лет мир со Спартой, известный под названием Никиева мира, что было успехом.

Парфенон

В древности имущество богачей нередко подвергалось конфискации. Так, во второй половине IV в. до н. э. было конфисковано имущество Дифила, оцененное в 160 талантов. Демосфен потребовал конфискации имущества некоего Мидия по причине его презрительного обращения с народом. «Так как это богатство дает ему возможность причинять нам обиды, то было бы неблагоприятно оставлять его ему; отнять у него это богатство — значит отнять у него орудие преступления».

Впрочем, богатых не становилось меньше. Иные из них, вроде вольноотпущенника Пасиона, внушали доверие людям, занимающимся торговлей и «бизнесом». Этот Пасион имел репутацию трудолюбивого и, что немаловажно и для богача, в общем-то, честного человека. Бывший его господин, Архестрат, оставил капиталы в банке. В дальнейшем торговый дом Пасиона вышел на первое место в Афинах. Демосфен-отец и другие доверяли ему свои капиталы или

занимали у него деньги. Он не раз ссужал деньги государству, за что получил звание гражданина. Он стоял во главе торгового дома, а когда умер после долгой и тяжелой болезни, то оставил банк не сыну, а некоему рабу Формиону. Его сын Аполлидор, получив хорошее образование, предпочел посещать школы риторов, водил компанию с богатыми и знатными людьми и вообще мечтал стать видным политиком. Греки не стыдились бедности, но, можно сказать, в целом жили довольно сносно. Они следовали совету Перикла: «Не уметь переносить бедность постыдно. Не уметь избавиться от нее трудом еще постыднее». Правда, с особо пристальным вниманием следили они за тем, чтобы богатство не стало причиной угнетения народа, а также источником превосходства. Предлагая «экспроприировать экспроприатора», Демосфен советовал сделать так, чтоб его имущество равнялось бы имуществу «большинства из нас, которых он оскорбляет теперь и с которыми обращается, как с нищими...».

Сибариты

Иные города вошли в историю... Таков греческий город-колония Сибарис, основанный в последней трети VIII века до н. э. в Южной Италии (Великой Греции). Житель Сибариса звался сибаритом. По

свидетельству античных авторов, город находился между устьями двух рек: Кратиса и Сибариса. Основали его выходцы из Ахайи, принесшие с собою с северного Пелопоннеса обычаи и нравы тех мест. По Геродоту (484–425 гг. до н. э.), который сам жил в Сибарисе и умер гражданином этого города, переименованного к тому времени в Фурии, расцвет Сибариса пришелся на вторую половину VI века до н. э., а гибель в результате поражения в войне с соседним Кротоном принято датировать 510 г. до н. э. Учитывая, что причиной богатства Сибариса было то, что под его властью находились 25 городов, можно понять и причину гибели. Древнегреческий историк Страбон (64/63 гг. до н. э. – 23/24 гг. н. э.), живший спустя 500 лет после описываемых событий, писал о гибели города: «Однако вследствие роскоши и заносчивости сибариты лишились в борьбе с кротонцами за 70 дней всего своего благополучия». Кротонцы навели русло реки на город и затопили его. В 443 г. до н. э. после нескольких попыток возродить город при главенстве Афин была создана греческая колония Сибарис, вскоре переименованная в Фурии, ставшая в 194 г. до н. э. римской колонией Копия (Изобилие). Слово «сибарит» вошло в русский язык в значении «роскошный, чувственный или изнеженный человек, который живет для сладкой еды, житейских услад и утех» (В. Даль). «Сибаритствует» Аркадий в «Отцах и детях» Тургенева; с «сибаритским» наслаждением пьют «жирный кофий» в гоголевском «Риме». Вере Павловне из романа Чернышевского «Что делать?» нравилась «вольная, просторная, деятельная жизнь, и не без некоторого сибаритства». Итак, «сибарит» – синоним «небокопителя» (Гоголь) и «пенкоснимателя» (Щедрин).

Речь Перикла

Экономический интерес многих деяний выходит на первое место при ближайшем рассмотрении. Например, грандиозная экспедиция афинян в Сицилию (415–413 гг. до н. э.), которую описал Фукидид, предпринята с целью заполучить сицилийское зерно, не допустив его ввоза в Спарту. Афины лелеяли мечту и о захвате всей Сицилии, так как в случае успеха это позволило бы обложить данью сей богатый остров и, возможно, сделать из него союзника-марионетку. Гермократ, являвшийся тогда вождем Сиракуз, выразил мнение соотечественников, сказав то, что и нам хотелось бы услышать от вождей в схожей ситуации: «Когда угрожают гражданам Сицилии, живущим вдалеке от нас, можем ли мы воображать, что опасность минует кого-либо из нас?» В конечном счете, сиракузяне, защищая себя на своей земле, сражаясь за отчий дом, сумели нанести сокрушительное поражение афинянам на реке Асинар. В этой битве в 413 г. до н. э. погибли немало афинян и их союзников, но цели им достичь не удалось.

Обоих афинских военачальников, Никия и Демосфена, захватили в плен и, несмотря на возражения руководителей победившей стороны, Гиллипа и Гермрократа, казнили, а 7 тысяч пленников отправили в каменоломни Сиракуз. О детстве и юности Никия ничего не известно. Мы знаем только, что он происходил из богатого и знатного рода и был крупным рабовладельцем. На государственных

серебряных рудниках работали 1000 рабов Никия, которых он сдавал в аренду, получая за каждого раба по 1 оболу (монета) в день. Капитал его, как говорили, составлял огромную для того времени сумму – 100 талантов. Все это имущество было им утрачено в ходе войны. Даже богатство не может отвести руку смерти.

Фукидид о том сражении сказал: «Это было величайшее сражение среди эллинов за всю войну и, по моему мнению, величайшее сражение, известное нам в эллинской истории». В ходе сражения афиняне и их союзники потеряли треть армии и почти весь флот. И такого рода междоусобных битв было немало. Павсаний, один из крупнейших писателей II в., писал о жестоком характере Пелопоннесских войн, о войне фокийцев с фессалийцами. Когда фессалийцы уничтожили отборный отряд Гелона в 300 человек, фокейцы пришли в ужас и приняли решение поставить на карту в этой решающей битве все самое ценное, что у них было. Победа или смерть – таков был их лозунг. Читаем у Павсания: «...они собрали в одно место всех своих жен и детей и из своего достояния все то, что можно было унести: одежды, золото, серебро, а также изображения богов, сделали огромный костер и оставили при всем этом тридцать человек мужчин, дав им приказ, в случае если фокейцам будет суждено понести в битве поражение, чтобы они сначала перерезали жен и детей, чтобы возложили их и все богатство как жертву на костер, подожгли его, а затем и сами нашли себе смерть, или убивая друг друга, или бросившись на фессалийскую конницу. Поэтому все безжалостные решения у эллинов называются фокейским отчаянием».

Таким образом, экономика, политика, война оказались, словно пристяжные тройки, в одной связке. Говорят: «Философия Сократа принесла больше пользы человечеству, чем Греции, но это к вящей ее славе». Это же можно сказать и в отношении ее истории.

ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

«Война есть убийство, война есть грабеж, которым вместо эшафота строят триумфальные арки» (Жирарден). Война прожорлива, как молох, и требует все новых и новых жертв. И здесь нельзя не сказать о роли человеческого фактора. Главным делом жизни для многих в Древней Греции стала война... Если взять «Греческую историю» Ксенофонта, являющуюся продолжением труда Фукидида, тут мы видим описание бесчисленных военных стычек и сражений, как и в иных трудах. В мирные времена большее число людей занято мирным трудом, но, когда война вторгается в жизнь народа, она естественным образом занимает умы и сердца. В Древней Греции, как

позднее в Македонии и Риме, складывается профессия наемника. Общество начинает жить по законам военной корпоративной этики, и воинский дух пронизывает все поры общества. И так как Пелопоннесская война длилась 27 лет, а перед ней имела место еще более ожесточенная Персидская война, греки и персы заложили основы наемничества. Этот институт был известен в Элладе и ранее, но к концу V в. до н. э. он приобрел характер профессионального. Раньше право ношения оружия считалось привилегией, его имели свободные члены общины. Свободный человек должен был прежде всего стать воином. Копье, меч, щит, латы, а не счеты или весы – вот что было отличительным символом элиты. Служить в армии было делом чести, доблести, геройства. Когда же наемничество превратилось в массовое явление, определенная часть общества, разбогатеv, сочла для себя уже излишним и чуть ли не постыдным служить в армии. Тогда граждан-гоплитов заменили наемники, служившие за деньги в рядах армии. Психология общества менялась.

Леонардо да Винчи. Античный воин

Слово «воин» потеряло прежнее значение и благородный смысл. Цель наемника – не защита своего отечества. Тем более что греки сделали это понятие условным, непрерывно воюя друг с другом из-за корыстных интересов и целей. Многие греки из военных, оставшиеся не у дел после 404 г. до н. э., хотели войны, желали применить свои профессиональные навыки и, разумеется, получить за это причитающиеся деньги. Война становилась бизнесом, тяжелым, кровавым, но все же бизнесом. О том, что представляли собой войны эллинов, пишет древнегреческий историк Ксенофонт, бывший и сам сторонником проспартанских, антидемократических взглядов. Заметим, что те же взгляды и склонности были и у других греческих полисов. Говоря о войне Спарты с Афинами, историк указал на интерес третьего соперника в борьбе за гегемонию в Греции – Фив. «Уже в самом начале войны афинян и лакедемонян фиванцы всячески содействовали благосостоянию своего города: как только афиняне стали угрожать Беотии, они собрали и переселили в Фивы жителей Эрифр, Скаф, Скола, Авлиды, Схэна и многих других такого же рода местностей, не имевших стен; вследствие этого Фивы увеличились в два раза. Еще больше, однако, увеличилось благосостояние города, когда фиванцы вместе с лакедемонянами засели в Декелее, укрепленной ими для борьбы с афинянами: они (скупали за бесценок) рабов и всякую другую военную добычу; будучи соседями, они перевезли к себе всю движимость из этой страны, начав со строительных материалов – дерева и кирпича».

Геродот Галикарнасский

Иной характер имели греко-персидские войны. Если Пелопоннесские войны были фактически войнами гражданскими, т. е. войнами между соотечественниками, людьми одной крови и языка, то война с персами для греков была войной освободительной, войной за независимость. Живший в V в. до н. э. «отец истории» Геродот Галикарнасский был мальчиком, когда Персидская держава начала войну против греческих городов. Неудивительно, что, родившись в малоазиатском городе, он хорошо знал то, о чем писал. Центральным пунктом его «Истории» стали войны и порождающие их причины, история взаимоотношений Азии и Эллады, начиная с мифических времен до греко-персидских войн. Во введении он пишет: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом». Характерно, что и тут при объяснении причин вражды между персами и греками, или Востоком и Западом, называются причины,

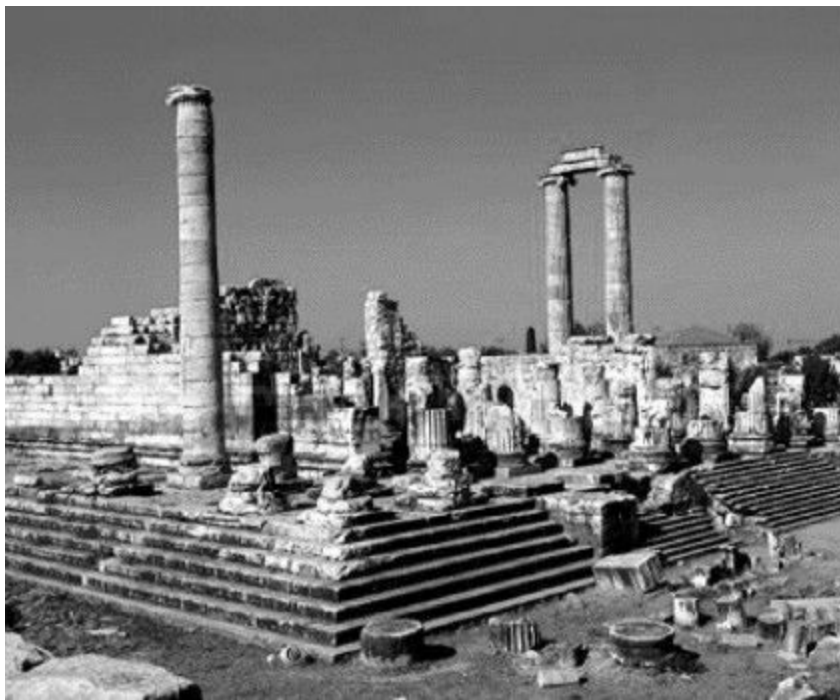
связанные прежде всего с торговлей, торговыми интересами, а в более широком смысле – и с геополитическими интересами, при которых вторжение в Азию любой неазиатской державы рассматривается как агрессия: «Ведь персы считают Азию и живущие там варварские племена своими, Европа же и Эллада для них – чужая страна». Но и греки проводили интенсивную колонизацию Азии и Причерноморья. И когда ионийские греки восстали против персов, а Эретрия и Афины пришли им на помощь, прислав 25 кораблей, царь персов Дарий счел это открытым вызовом своему господству в этом регионе.

Армия персов

В грандиозной битве цивилизаций интересы сторон – Греции и Персии – поддерживали как западные, так и восточные народы. И все же даже в этой борьбе двух цивилизаций у каждого полиса был собственный интерес. Например, Геродот, восхваляя Афины, Перикла, называя их спасителями Эллады, руководствуется своими собственными интересами, поскольку сам подолгу жил в Афинах и даже входил в кружок выдающихся деятелей культуры и науки, который группировался вокруг Перикла.

С другой стороны, известно, что некоторые греческие государства выступили на стороне персов. Понимание их мотивов объясняется тем, что у многих из них были более тесные экономические и деловые связи с Азией, чем с Европой. Хотя в культурно-языковом отношении они были ближе к Греции, их экономические интересы все же лежали в Азии. Кроме того, города Малой Азии, передовые в торгово-промышленном отношении, были зачастую более заинтересованы в огромном рынке Персидской империи, чем в крошечных рынках греческих полисов, к тому же еще и враждовавших и конкурирующих друг с другом. Рынок и тогда играл более значимую роль в системе международных отношений, нежели это нам представляется ныне. Традиционные установки аристократии греков вызывали протест и противодействие со стороны новых общественных групп (ремесленников, торговцев, моряков и т. д.). Имея возможность сопоставить культуры

Малая Азия

и ценности обоих миров, греки Малой Азии, к их удивлению, увидели, что во многом законы и порядки персов, лидян, вавилонян и др. более отвечают их потребностям и взглядам. Примером

великолепных архитектурных достижений стал храм Артемиды Эфесской, о красоте которого ходили легенды. Поэт писал:

Видел я стены твои, Вавилон,
на которых просторно
И колесницам; видал Зевса
в Олимпии я,
Чудо висячих садов Вавилона,
колосс Гелиоса
И пирамиды – дела многих
и тяжких трудов;
Знаю Мавзола гробницу огромную.
Но лишь увидел
Я Артемиды чертог, кровлю
вознесший до туч,
Все остальное померкло пред ним;
вне пределов
Олимпа Солнце не видит нигде равной
ему красоты.

С. Лурье пишет: «Обычаи восточных народов, стоявших в это время еще на значительно более высоком культурном уровне, чем греки, при более близком ознакомлении с ними оказались совсем не похожими на греческие: то, что у греков было величайшим грехом, предписывалось законом у этих народов и наоборот. Но что еще важнее: выступивший на сцену торгово-ремесленный класс был заинтересован в том, чтобы подорвать авторитет аристократии, выступавшей хранительницей и религиозных установлений, и «отцовских» законов. Для потребностей общества было необходимо не только освоить те начатки науки, на которых основывалась восточная техника, но и попытаться развивать их дальше, не считаясь с традицией, религиозными предубеждениями. Возникает молодая ионийская наука (прежде всего в Милете), насквозь рационалистическая, пытающаяся из немногих начал вывести все разнообразие явлений природы».

Храм Артемиды Эфесской

Дальнейшее развитие техники связано с классовым расслоением общества, с ростом потребностей. Для удовлетворения нужд человека античного мира необходимы были не только торговля и рынок, но все-таки прежде всего производство, строительные материалы, сами архитекторы, строители, изобретатели, инженеры, рабы. Хотя, разумеется, постоянные войны порождали и индустрию войны, куда входили производство различных видов оружия, строительство крепостей, фортификационных сооружений, кораблей, навигационных приборов, приспособлений для боя, средств передвижения и т. д., и т. п. Это стимулировало развитие ремесленного производства и наук. Рабы несколько сдерживали это развитие, но прогресс античной техники (в Месопотамии, Египте, в городах-государствах Древней Греции, Китае, Персии, Египте, Италии) становился все заметнее, оказывая воздействие на все стороны жизни древнего общества, влияя в том числе, разумеется, на ход истории.

Персидский царь Ксеркс

Историк Геродот заслуживает доверия, стараясь донести события в той форме и так, как они были известны, честно описывая сомнения и страхи, охватившие большую часть греков. «О походе царя (Ксеркса) говорили, будто он направлен только против Афин, на самом же деле персы шли против всей Эллады. Эллины давно знали об этом по слухам, но не могли объединиться для совместных действий. Некоторые из них уже дали персидскому царю (в знак покорности) землю и воду и поэтому полагали, что варвары не причинят им вреда. Те же, которые этого не сделали, жили в великом страхе так как во всей Элладе не доставало боевого флота, чтобы дать отпор врагу. Большинство эллинских городов вообще не желало воевать, но открыто сочувствовали персам».

Персидские воины

Реакция ожидаема и понятна, когда речь шла о такой схватке.

Бог мудрости и справедливой войны на монетах

Власть персов не сулила грекам ничего хорошего, и Геродот это знал, ибо и Галикарнас входил в состав Персидской державы. Приход же на землю Эллады огромной армии персов (ее число определяют в 5 млн, хотя современные историки уменьшают цифру в 50 раз) был подобен нашествию саранчи... Представление о тех экономических

затратах и потерях, что приходилось терпеть грекам во время пребывания, постоая персов, дает Геродот: «Эллинские же города, которые принимали у себя персидское войско и должны были угощать Ксеркса, впали в великую нужду, так что граждане их даже лишились своих жилищ и имущества. Так, фаосцам (им пришлось принимать и угощать войско Ксеркса за их города на материке), например, угощение стоило 400 талантов серебром... Столь же велики примерно были и расходы прочих городов, как показали отчеты начальников (ведавших продовольствием войска). Угощение происходило так: о прибытии войска сообщалось задолго, и каждый делал все, что мог. Лишь только объявляли приказ (заготавливать продовольствие), хлебные запасы распределялись между всеми гражданами, которые мололи пшеничное и ячменное зерно в течение многих месяцев. Затем откармливали наиболее ценное поголовье скота, какое только могли найти, разводили птицу в клетках и прудах, живущую на суше и водоплавающую, на продовольствие войску. Приготавливали также золотые и серебряные кубки, сосуды для смешения вина и всю прочую столовую утварь. Эти вещи были предназначены, конечно, только для самого царя и его сотрапезников; остальному же войску полагалось лишь пропитание. Куда бы войско ни приходило, всюду разбивался шатер, в котором располагался Ксеркс, а все войско отдыхало под открытым небом. Когда наступала обеденная пора, у хозяев, принимавших войско, было много хлопот. Персы же, насытившись, оставались там на ночлег. А на следующий день они снимали шатер, брали с собой всю (золотую и серебряную) утварь и уходили дальше, ничего не оставляя». Кроме того, когда персы покоряли ионийские города, они выбирали в них «наиболее красивых мальчиков, вырезали у них половые органы и обращали в евнухов, а самых милостивых девушек уводили в плен к царю. Так они поступали и предавали огню города вместе со святилищами богов». Эти и иные поступки завоевателей спланивали греков в их готовности противостоять вторжению захватчиков.

Спартанцы царя Леонида в Фермопилах

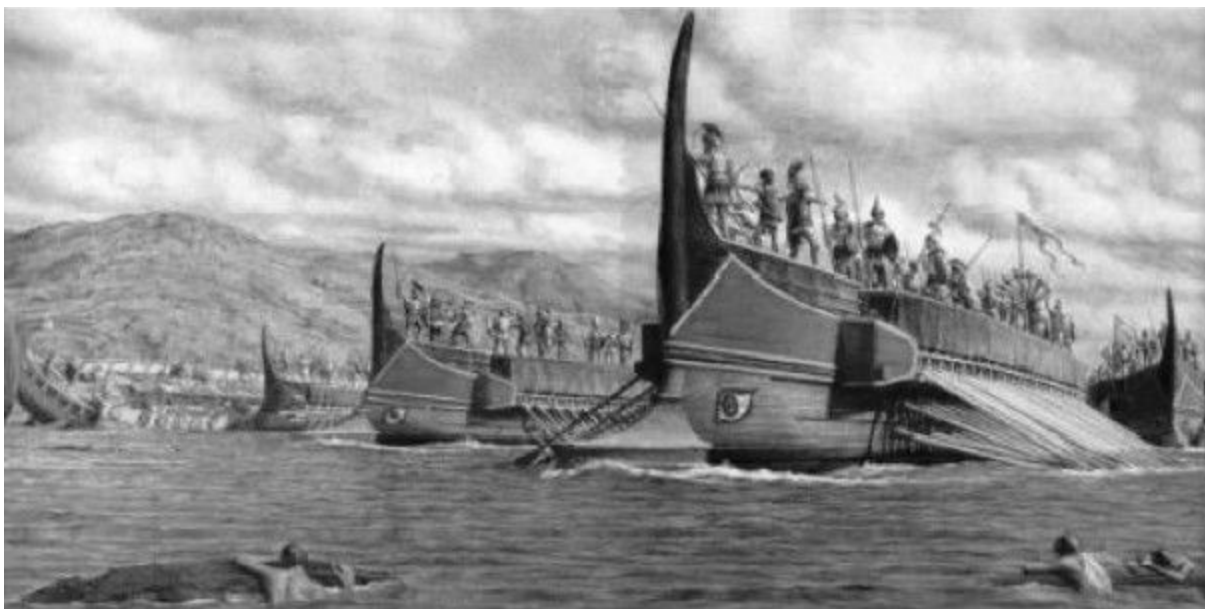
Ксеркс пытался выяснить у одного из греков, который участвовал в походе персов (Демарата), рискнут ли эллины выступить против него. Тот ответил, что хотя греки бедны, но они сильны отвагой, мудростью, законами. Прежде всего это касается спартанцев, которые никогда не примут условий рабства и будут сражаться с персами и в том случае, если остальные эллины перейдут на сторону Ксеркса. Но и афиняне готовы биться не на жизнь, а на смерть, что и показала знаменитая Марафонская битва, принеся им победу (в которой пали 6400 персов и всего 192 грека). Греки проявили в этой величайшей схватке фантастическую волю и мужество... Огромная армия персов, которая переправлялась из Азии в Европу через Геллеспонт (Дарданеллы) в течение семи дней, двинулась к Греции. Фессалия перешла на сторону Персии, поскольку один лишь вид громадной армии вызывал ужас в робких сердцах.

В таких случаях очень многое, если не все, решают примеры, которые готовы подать самые стойкие и мужественные сыны родины. Если нация на этом труднейшем и трагическом этапе истории найдет волевых и мужественных лидеров и воинов, которые готовы выстоять и погибнуть, но не сдаться противнику, она, в конечном счете, победит. Такие примеры и явили греки в Фермопилах (Фермопильский проход отделял Фессалию от Средней Греции), где несколько тысяч греков под руководством спартанского царя Леонида заняли господствующие

высоты, несколько дней отражая атаки превосходящих сил противника и сдерживая огромную армию персов. Когда персы стали обходить греков с тыла, Леонид отпустил союзников, а сам с 300 спартанцами остался стоять на месте и отражать свирепые волны персидского нашествия. Все спартанцы погибли в том сражении, но именно они явили пример мужества, и их подвиг стал легендой в веках.

К счастью, у греков были вожди, подобные Фемистоклу, сумевшие в этот трудный период истории сплотить греков. По сути, это была общегреческая битва за свободу, в которой должны были участвовать все, без исключения. И даже ионийцы, которым Фемистокл заявил: «Вы – такие же греки, как мы. Война идет не только за нашу свободу, но и за ваше освобождение. Переходите на нашу сторону, а если это невозможно – вредите варварам, внося расстройство в их ряды!» Но персы все же приближались к Афинам. Детей и женщин греки в целях безопасности отправили на противоположный берег Пелопоннеса, на острова Саламин и Эгину, а сами собрали все силы и дали персам решающий морской бой у острова Саламин (480 г. до н. э.). Чтобы отрезать самим себе дорогу к отступлению, греки даже принесли в жертву трех племянников царя Ксеркса, взятых ранее в плен. Жестокая битва длилась целый день, и персы потерпели поражение.

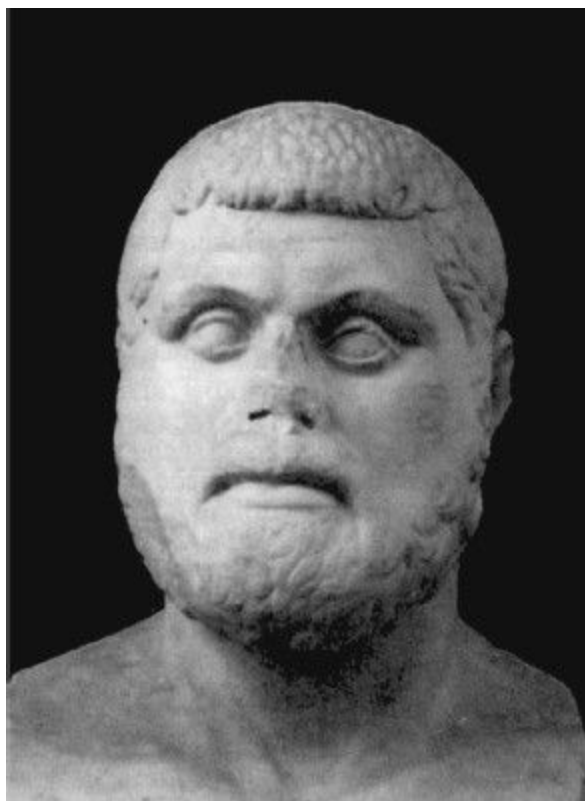
Успех государств Средиземноморья Древнего мира в немалой степени зависел от успехов народов в развитии торговли, а следовательно, и от того, кто контролирует морские дороги. Поэтому и была столь велика в древности роль морского флота. Сражения на море не уступали в ожесточенности сухопутным битвам и зачастую решали исход войн (Саламин, Эгады, Акции). Упорная борьба за мировое господство в Древнем мире часто определялась военно-морской мощью, с помощью которой достигался контроль над захваченными территориями, над рынками сырья и сбыта, а также над морской торговлей в целом. Могущество Афин, Карфагена, Рима основывалось в первую очередь на мощном флоте.

Греческие боевые корабли

Но и в этом случае вопрос главенства решался путем создания союза государств, которые должны были содержать единую армию и вносить деньги на строительство новых кораблей и вооружений. Фемистокл прилагал все силы, чтобы укрепить военную мощь Афин. Однако трагедией было то, что греки, отразив нападение общего врага – персов, начали смертельную борьбу между собой, внутри греческой цивилизации. В итоге возникли неизбежные противоречия среди греков, вчерашних союзников. Фемистокл же возгордился необычайно, считая себя хозяином не только Афин, но и Эллады. Поэтому Афины стали опасаться того, что их вовлекут в войну со Спартой, имевшей лучшую армию в Греции. По этой причине в 471 г. до н. э. Фемистокл был изгнан из Афин – подвергнут процедуре остракизма. Победителя персов преследовали все, и ему, как это ни парадоксально, пришлось искать убежище у врага – у персов. Изгнанник писал к царю персов: «Я тот самый Фемистокл, который больше всех эллинов принес вреда персам. Я сделал это потому, что мне пришлось обороняться от нападения твоего отца. Но, когда опасность для Греции миновала, я послал предупреждение царю Ксерксу и посоветовал ему скорее уйти из Европы. Этим я приобрел право на благодарность». И сын Ксеркса, Артаксеркс, предоставил Фемистоклу политическое убежище. Но, даже несмотря на то что перс предоставил ему все условия для

безбедного существования, передав в управление пять греческих городов на побережье Малой Азии, Фемистокл не совершил ничего предосудительного против своей родины. Когда же Артаксеркс через какое-то время приказал ему выступить в военный поход против Греции, Фемистокл, не желая становиться изменником, принес жертвоприношения богам, а затем принял яд.

Фемистокл

Заметим также, что и вечный соперник Фемистокла Аристид, отличавшийся феноменальной честностью и мужеством, также вскоре после победы при Марафоне был изгнан из Афин остракизмом на том основании, что он якобы хотел подорвать значение Народного суда и единолично захватить власть. Все это еще раз убеждает нас в несовершенстве греческой демократии, которая не могла оценить по достоинству своих великих вождей. Природа не знает равенства и покоя. Но греки доказали: «Развитие цивилизации – это процесс уравнивания, что осуществлял в Древней Элладе покойный Прокруст».

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ЦАРСТВО СКИФОВ

По мере того как число эллинов увеличивалось, остро встал вопрос перенаселения. Надо заметить, что за два века греческие города-колонии возникли на побережьях всех доступных морей. По образному выражению историка, греки расселились вокруг морей, «как лягушки вокруг болота». Одно из них – Черное море.

Скифы в вооружении

В орбиту их колонизации попало и Северное Причерноморье. На Крымском полуострове крупные города-колонии – Боспор, Феодосия, Херсонес – обрастали более мелкими городками и селениями. Обитали там не только эллины, но и местное население, в том числе степняки-скифы, с которыми грекам довелось вплотную столкнуться. Скифы были великим народом. Широко и привольно заселили они пояс Великой степи – от Днепра до Байкала жили многочисленные и воинственные скифские племена. Принадлежали скифы к иранской языковой группе индоевропейской семьи. Геродот посвятил скифам

целую книгу, и благодаря ему мы знаем о скифах так много, и сведения его, поначалу казавшиеся вымыслом, подтверждены археологией.

Оружие скифов

Скифы были прекрасными конниками и лучниками. Более всего ценили скифы свободу, и потому ни персидский царь Дарий, ни Филипп, отец Александра Великого, так и не сумели их покорить. Царь Атей, создатель Великого скифского царства, самый чтимый из скифских владык, вступил в войну с Филиппом Македонским, будучи 90 лет от роду, и пал в бою с мечом в руке. Наиболее знатным и воинственным было племя так называемых царских скифов, которые в дальнейшем и заселили Крым. Позднее в жестокой схватке с сарматами скифы как народ сошли с исторической арены, но не были уничтожены. В жилах восточнославянских народов течет частица и скифской крови.

Состав войска и характер вооружения Скифии определяли и тактические приемы ведения войны. Скифы никогда не принимали участия в длительных, позиционных сражениях. Чаще всего практиковался метод внезапных атак. Подвижные скифские отряды стремительно нападали на вражеское войско, обрушивали на него град стрел, пущенных ими с коней на полном скаку, и также быстро исчезали. Не успевал враг опомниться, как на него неслась следующая волна изготовленных к стрельбе конных лучников, – вновь обстрел и откат. Пешие воины и тяжелая кавалерия противника не могли ни достать скифов, ни угнаться за ними. Повторенная несколько раз атака волнами приводила в расстройство вражеские ряды. Разгром довершала рукопашная схватка.

В войне с Дарием скифы удачно применили стратегию ложного отступления и «выжженной земли». Уклоняясь от генерального сражения с персами, с превосходящими силами неприятеля, кочевники заманили персов в безводные степи. На пути противника они уничтожали колодцы и источники, выжигали траву и непрерывно изнуряли пришельцев внезапными набегами. Непобедимый завоеватель Передней Азии Дарий вынужден был в итоге с позором бежать из Северного Причерноморья от войска скифов.

Скифские всадники

В пределы Скифской державы не раз устремлялись властители Египта. Историк Геродот сообщал, что на скифов ходил «фараон Сесострис». Римский священник и историк Орозий называет имя и

другого фараона – фараона Весоза. Скорее всего, эти имена есть имя собирательное, относящееся к разным эпохам. Римлянин Тацит называл определенное имя фараона, одержавшего некогда победу над скифами. Он пишет: «Царь Рамсес овладел Ливией, Эфиопией, странами мидян, персов и бактрийцев, а также Скифией и что, сверх того, он держал в своей власти все земли, где живут сирийцы, армяне и соседящие с ними каппадокийцы...» Из надписей на развалинах Фив римский полководец позднее узнал, что некогда тут обитало огромное войско (называется цифра в 700 000 человек). С этим войском египетский царь и направился на покорение народов. Причем надпись подтверждает всем знакомую истину, а именно: все походы совершались в чисто завоевательных и экономических целях. У Тацита узнаем: «Были прочитаны надписи и о податях, налагавшихся на народы, о весе золота и серебра, о числе вооруженных воинов и коней, о слоновой кости и благовониях, предназначавшихся в качестве дара храмам, о том, какое количество хлеба и всевозможной утвари должен был поставлять каждый народ, – и это было не менее внушительно и обильно, чем взимаемое ныне насилием парфян или римским могуществом». Завоеватели всегда и везде одинаковы.

Поле пирамид

Скифы были предвестниками первого государства (киммерийского) в русских степях на рубеже II и I тысячелетий до н. э., а возможно, и ранее (по оценкам ученого Г. Вернадского). Геродот связывал происхождение скифов с Днестром и считал их древнейшими обитателями страны, детьми змееногой богини-женщины, олицетворявшей самым образом своим «мать сырую землю и ее производительные силы». В данном случае важно даже не место обитания скифов, а то, что весь Древний мир признавал их военные достоинства и стратегические таланты.

Скифы имели полноценные государственные образования и могучую армию, что и позволило им осуществить грандиозную экспансию в Переднюю Азию в VII в. до н. э. Они не раз громили Ассирию, Урарту, Лидию, Египет, которые являлись первоклассными в военном отношении государствами. Переднеазиатские правители, испытав на себе натиск скифских орд в VII в. до н. э., сразу оценили преимущества их войска, и не случайно с тех пор традиционные для Ближнего Востока боевые колесницы были заменены более мобильными и стремительными отрядами всадников-лучников на манер скифской конницы. По свидетельству Геродота, царь Мидии специально приглашал скифов для обучения молодежи искусству стрельбы из лука. Скифы лучники пользовались большим спросом и в Греции. Афины во время войны с персами в V в. до н. э. закупили в Скифии сотни рабов, пополнив ими ряды греческой армии, городской полиции. Скифы оказали влияние и на вооружение греческих колоний Причерноморья, особенно в Таврии. В употребление вошли скифские наконечники стрел, мечи-акинаки, военные тактические приемы. Боспор завел регулярную конницу наподобие скифской и в отличие от остальных эллинских государств сделал на нее основную ставку. Известно, что фракийцы переняли у скифов немало военных приемов, научившись стрелять из лука, не сходя с коня, на ходу. Отчасти заимствовали они и некоторые религиозные обряды скифов, доводя себя до состояния экстаза, вдыхая дым сжигаемой конопли. Скифы передали дакам (северофракийские племена) сведения о существовании железного оружия и свои верования.

Царь скифов

Скифские украшения

Скифское вооружение, приемы боя на века определили стиль войны не только последующих кочевников Великой евразийской степи, но и восточноевропейских рыцарей, как и древнерусских витязей, затем русских казаков. Ну, а стратегия поглощения

вооруженных сил противника бескрайним евразийским пространством спасала не раз не только скифов, но и наше, Российское государство.

Подчеркнем, что далекие наши предки трезво смотрели на войну. Будучи уверены в своих силах, они предупреждали агрессора, что тот может потерпеть поражение и потерять все, что имел перед войной. Приведем отрывок из Орозия: «В 480 году до основания города (Рима) царь египетский Весоз, или желая смешать войной юг и север, разделенные почти целым небом и морем пояса, или присоединить их к своему царству, первым объявил войну скифам, отправив наперед послов объявить врагам условия подчинения. На это скифы отвечали: глупо, что богатейший царь предпринял войну против неимущих, ибо ему, наоборот, следует бояться, как бы не остаться ввиду неизвестного исхода войны без всяких выгод и с явными убытками. Затем им не приходится ждать, пока к ним придут, а они пойдут сами навстречу добыче. Они не медлят, и за словом следует дело. Прежде всего они принуждают самого Весоза в испуге бежать в свое царство, на оставленное же войско нападают и забирают все военные припасы. Они опустошили бы также весь Египет, если бы не были задержаны и отражены болотами. Вернувшись тотчас назад, они бесконечной резней покорили всю Азию и сделали ее своей данницей». Многие считают, что скифы оказали сильное военное влияние на все племена Евразии. Особо хотелось бы подчеркнуть, что древнегреческий историк и географ Страбон отмечает, ссылаясь на Гомера и другие источники, равнодушие скифов (предков славян) к богатству, роскоши, золоту. Если европейцы, любя богатство и деньги, при заключении договоров готовы были и на бесчестный поступок, то скифы менее всего в жизни заняты сделками и добыванием денег, сообщая владея всем, кроме меча и чаши для питья. Их называли «дивными» и «справедливейшими» мужами. Страбон делает и любопытный вывод относительно характера «западной цивилизации» (на рубеже старой и новой эры): «И это мнение еще и теперь господствует среди греков. Ведь мы считаем скифов самыми прямодушными, меньше всего способными на коварство, а также гораздо более бережливymi и более независимыми, чем мы. Вообще говоря, принятый у нас образ жизни испортил нравы чуть ли не всех народов, внеся в их среду роскошь и любовь к наслаждению, а для удовлетворения этих пороков – гнусные происки и порождающие их проявления алчности. Подобного рода

нравственная испорченность затронула также и варварские племена, в особенности «кочевников». Действительно, после знакомства с морем они не только стали хуже в моральном отношении (так, они обратились к морскому разбою и убивали чужестранцев), но соприкосновение со многими племенами привело к тому, что они заимствовали от них роскошь и торгашеские наклонности». Античный исследователь добавляет, что это, правда, способствует смягчению нравов, но одновременно и портит скифов, так как «честность сменяется хитростью».

Страбон

По мере усиления скифы устанавливают тесные торговые отношения с соседями. Появление мощного государства в черноморских областях усилило интерес к ним и греков, что подтверждает и история Одиссея. В результате малоазийские греки основали ряд колоний по северному берегу Черного моря и Азовскому морю, ставших в дальнейшем крупными торговыми центрами (Ольвия, Фанагория, Пантикапей, Феодосия). Правда, историк античности М.И. Ростовцев утверждал, что *a priori* не ясно, какая

может существовать связь между эллинами и иранцами, сидевшими на юге России в ту эпоху, с нашей историей и культурой, когда о славянах и русских мы ровно ничего не знаем. Он писал: «Появление греческих колоний на северном берегу Черного моря было решающим моментом в истории Скифской державы». Действительно, на Кубани, в Крыму, по Днепру найден ряд погребений скифских вождей, наполненных многочисленными драгоценными предметами вооружения, культа и обихода, произведениями частью иранских, а частью греческих мастеров. Тем не менее все это не позволяет говорить о заимствованном характере творчества скифов. Более того, многие ученые, анализируя археологические находки, отдают скифам первенство. Хотя несомненно одно – в основе греко-персидско-скифских отношений лежали многовековые связи культур ряда народов этих регионов.

Древняя воительница

Однако и на скифские территории совершались нападения соседей. В рассказе древнегреческого писателя Лукиана «Токсарис или дружба» скифы Дандамис и Амизок испытывают верность своей

дружбы во время тяжелых событий сарматского нашествия. «Вдруг напали на нашу землю савроматы в числе десяти тысяч всадников, – рассказывает скиф Токсарис, – а пеших, говорят, явилось втрое больше того. А так как их нападение было непредвиденно, то они всех обращают в бегство, многих храбрецов убивают, других уводят живыми... Тотчас же савроматы начали сгонять добычу, собирать толпой пленных, грабить шатры, овладели большим числом повозок со всеми, кто в них находился». Постоянные набеги вели к захвату сарматами скифской территории. В итоге это завершилось массовым переселением сарматских племен в Европейскую Скифию – в Северное Причерноморье и на Северный Кавказ, сопротивление скифов было сломлено, и сарматы установили в Скифии господство. Легендарная сарматская царица Амага свободно распоряжалась властью в слабой Скифии. По преданию, что доносит в сочинениях древнегреческий писатель, Амага спасла греческий город Херсонес, осажденный тогда скифами, вернула его жителям, а царскую власть вручила сыну убитого скифского царя, приказав ему «править справедливо».

Сарматы

Историк Т. Райс пишет в книге «Скифы: строители степных пирамид» о том, что схожие скифо-сарматские тенденции (быт, культура) дошли до самой Британии, куда были завезены викингами, а также и кружным путем через Германию. Племена готов в ходе своих завоеваний Юго-Западной Европы принесли с собой и свои многоцветные ювелирные украшения, изделия из металла, и вместе со скифо-сарматскими элементами, лежавшими в их основе, смешанный культурный стиль («звериный», поскольку на большинстве обнаруженных изделий изображались животные) распространился по многим регионам. «Звериный» стиль возродился сначала в Румынии, затем в Австрии и в Рейнской области, откуда он и попал в Англию, уже вобрав в себя элементы и иных культур. Скифо-сарматское влияние особенно заметно в Центральной Европе. По мнению исследователя Т. Раиса, это произошло благодаря просачиванию в этот

регион евразийских элементов во время позднего гальштатского и раннего латенского периодов, т. е. начиная приблизительно с 500 г. до н. э. Гальштатские кельты вели практически такой же образ жизни, как и кочевники Евразии. И многие элементы археологических находок, хранящихся в Музее естественной истории в Вене, обнаруживают несомненное сходство с теми, что были найдены в Чертомлыкском кургане (вазы) на Украине. Следы скифов ведут и далее. Евразийские элементы увидим и на Абботсфордском кресте, что в Музее Древнего мира в Шотландии (г. Абботсфорд). На нем изображено дикое животное в явно выраженном скифском стиле.

Сокровища из скифских захоронений

Сенсационные находки скифского золота из «царского» кургана в Республике Тува (2001), показанные в Эрмитаже, позволяют предположить, что ареалы как скифского, так и греческого влияния шире, нежели считалось ранее. Российско-германская экспедиция, ведущая раскопки на севере Республики Тува, обнаружила в долине р. Уюк (местные жители оную называют Долиной царей) «царское»

захоронение VII в. до н. э. Судя по полученным данным, так хоронили своих усопших скифские племена. Сокровища из кургана (диаметр кургана примерно 80 м), который ученые назвали Аржан II (Аржан I, разграбленный еще в древности, был раскопан 30 лет назад), после реставрации показали на выставке в Эрмитаже. Костюмы мужчины и женщины, погребенных там в элитном захоронении среди 5000 золотых бляшек, украшений, утвари и оружия, удивительны по изяществу исполнения. Все это, как и золотое убранство из кургана, а также животные, выполненные в скифском зверином стиле, восхищают... Ученые назвали находку главным археологическим открытием XXI века. Если это так, то утверждение о том, что прародиной скифов, как считали ранее древние греки, было лишь Северное Причерноморье, возможно, надо пересмотреть. Эти наблюдения позволяют предположить так же и то, что ход истории в далеком прошлом мог быть совсем иным, нежели он представляется некоторым историкам-романистам.

Скифский котел

Конный воин перед Великой Богиней. Алтай

Имеются разные предположения относительно времени создания найденных предметов искусства. Одни говорят об эпохе, относящейся к началу новой эры или даже ранее; золотые предметы, которые экспонировались на выставке «Золотые олени Евразии» в Москве (из курганов Дона, Поволжья, Крыма, Северного Причерноморья, Урала и Сибири), датировались первым тысячелетием до н. э., наиболее поздние датировки – первые века н. э. Находки из Майкопского кургана восходят примерно к III веку до н. э.

Точка зрения некоторых ученых о том, что скифской культуре всего несколько сотен лет, не выдерживает критики. Подобная датировка, иногда основанная на совершенно случайных проявлениях, ломает привычные рамки мировой истории, сводя ее к ничтожно малой величине во времени, умаляя достижения великих цивилизаций. Фантасты от истории говорят нам, что Египтом называли Русь-Орду в XIV–XVI вв., что Русь под именем Египта описана в Библии. На их

взгляд, золотые скифские украшения в «зверином» стиле, которые относят к античным временам и приписывают загадочным древним скифам, созданы в Московской Тартарии и эти изделия якобы принадлежат к ордынско-казацко-татарской культуре XIV–XVIII вв. Как видим, новые мифы создаются и в наше время, и небезуспешно.

Скиф

Орел из скифского кургана

Пишущий о Древней Греции П. Вен в книге «Греки и мифология», говоря о таком вот «мифическом существе», некоем Фориссоне, не без иронии писал: «Я полагаю, что у этого несчастного была своя правда. Он был похож на тех фантазеров, с которыми иногда сталкиваются историки двух последних столетий: антиклерикалы, отрицающие историчность Христа, чудаки, отрицающие существование Сократа, Жанны д-Арк, Шекспира или Мольера». Они воодушевляются поисками Атлантиды, открывают на острове Пасхи памятники, воздвигнутые инопланетянами. Вторгаясь на территорию противников «со своей манией систематизированной интерпретации», они ставят «все под сомнение», но делают это крайне односторонне, давая тем самым «оружие против самих себя». Но и у них есть определенная цель. Цель заключается в том, чтоб полностью запутать науку, лишить ее опор, а следовательно, доверия к себе и тем самым ввергнуть людей в состояние «интеллектуальной летаргии».

Золотая пластина из кургана на Алтае

Все археологические находки и сделанные на основе их научные выводы свидетельствуют о почтенном возрасте предков и о постоянном взаимодействии, влиянии цивилизаций друг на друга.

Многие народы будут воспевать битву как крайнее средство решения самых острых вопросов бытия человечества. Война и смерть войдут в обычаи многих народов. Например, у скифов был обычай, согласно которому, на ежегодных собраниях воинов тот, кто убил своего первого врага, обязан был выпить кровь своей жертвы в присутствии правителя и толпы завидующих и восхищающихся зрителей. Скифы верили, что таким способом они могут присоединить бесстрашие мертвого врага к своей собственной храбрости. Также по обычаю после боя каждый воин должен был показать вождю отрезанную голову врага, так как только тогда он имел право на свою долю добычи. В военное время войско, собранное со всех частей, на которые была тогда разделена страна, разбивалось на подразделения, в каждом из которых был свой военачальник. Раз в год все воины собирались у царя на пир, и убивший врага на глазах у царя либо выигравший суд в его присутствии получал право употреблять в быту череп мертвого противника. По словам Геродота, скифы скальпировали врагов, иногда делали салфетки из кожи и неизменно превращали черепа в кружки, оправляя их в золото, какой-нибудь

другой ценный материал, и носили подвешенными у себя на поясе. Они использовали подобные «чаши» во время пира, когда пили, давая клятву братской верности или скрепляя принятую присягу, поднимая чашу, полную вина, смешанного с кровью. В чашу эту они окунали конец своего меча. Подобные привычки шокируют сегодня, но в те времена они никого не удивляли. Вспомним строки Блока: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы». И далее: «Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет, / И душный, смертный плоти запах. Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет / В тяжелых, нежных наших лапах?» У каждого времени свои нравы. Однако не эти нравы, а именно военное искусство и мощь заставляли народы уважать скифов.

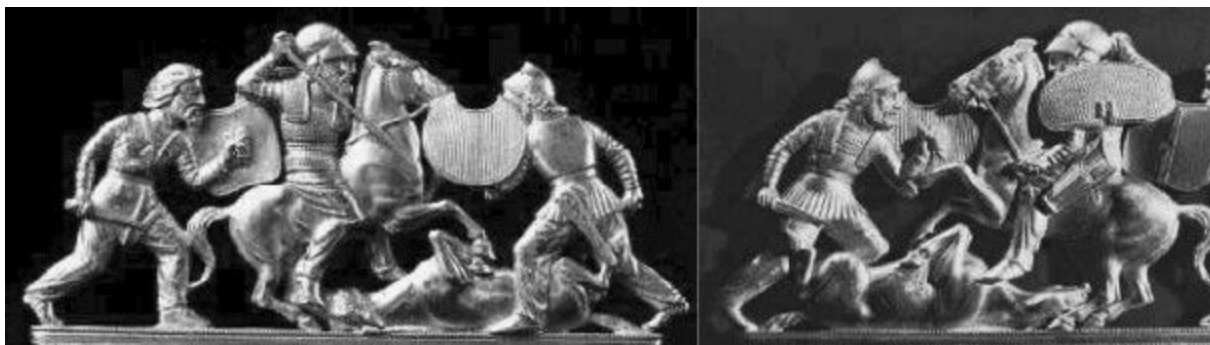

Бой скифа с римлянином

При этом скифы не чуждались торговли, имея крепкие родовые отношения с югом (Дон, Кубань, черноморское побережье). Южные скифские народы (сарматы) выращивали хлеб и организовывали крупные поставки зерна, масла, овощей в европейскую сторону. Благодаря контролю над торговыми путями эти народы имели устойчивый доход, что могло служить связующей нитью для объединения в федеративное государство. Так, скифский царь Скилур объединил в рамках Крымской Скифии приднепровские и крымские земли, подчинил Ольвию, укрепил столицу – Неаполь Скифский (в

черте современного Симферополя), создал мощную армию и военно-морской флот, громивший пиратов. Чем более узнаем о прошлом наших народов, тем более обнаруживаем оснований для известной гордости. Римский писатель Помпей Трог писал: «Начало их (скифов) истории было не менее славно, чем их владычество, и доблестями мужей они прославились не более, чем женщин; в самом деле, сами они были родоначальниками парфян и бактрийцев, а жены их основали царство амазонок, так что если разобрать подвиги мужчин и женщин, то останется неизвестным, который пол у них был славнее... владычества над Азией скифы добивались трижды; сами они постоянно оставались или не тронутыми, или не побежденными чуждым владычеством. Некогда два царя, осмелившиеся не покорить Скифию, а только войти в нее, именно – Дарий и Филипп, с трудом нашли путь для бегства оттуда.»

Подобно Дарию и Филиппу II бегут от идеи единства или известного тождества славян со скифами глашатаи официальной («нерусской») истории. Почему «скифологи» бегут от славянской тематики, почему с упорством, достойным лучшего применения, глаголят: «Что... касается их (т. е. скифов) непосредственной связи со славянами – в качестве предков или противников, то это чистой воды вымысел». Причина сей слепоты – нежелание признать за Великой Азией не только право на ее культурную идентичность, но и страх перед тем, что рухнут твердыни европеизма и атлантизма как истока первородства знаний, искусств, культур, цивилизаций. Понятно, что тогда Азия станет лидером цивилизационного процесса в прошлом и, вероятно, лидером мира в недалеком будущем.

Фигуры, изображающие схватку скифов

В далеком прошлом, да и в более поздние времена, Западу трудно было разобраться в многочисленных племенах Азии. Римлянин Тацит затруднялся различить сарматов и венедов, Птолемей именовал Сарматией довольно обширную область, включившую в том числе и Приднепровье. Отождествление славян и сарматов в восточноевропейской средневековой традиции стало почти нормой. Часть сарматов вошли в состав этнического симбиоза, образованного славяно-иранцами (собственно сарматами), славянской группой росов-русов, живших в районе Меотиды (Азовское море), на знаменитом разбойничьем острове Русия, описанном арабскими авторами. Тут превалировал славянский элемент, известный под именем «роксолан». Слово «роксолане» дошло до нас в греко-римской передаче. Сами они называли себя россаланами (росы плюс аланы, т. е. плюс иранцы, сарматы). «Роксоланы, – писал российский историк Д. Иловайский, – иначе выговаривалось как россаланы (как поляки вместо «саксы» говорят «сасы»; подобным образом Полесье в латинской передаче обратилось в *Polexia*, например, в булле Папы Александра IV). Это название сложное – вроде тавроскифы, кельтиберы и т. п.». Позже «малые» скифы с сарматами и боспорцами противостояли натиску могущественного Рима. Запутанна скифская история.

Позднеантичные авторы часто пользуются словом «скифы» для обозначения северных варваров. Скажем, константинопольский автор V в. Приск Панийский, говоря о дипломатических отношениях Восточной Римской империи с гуннами, чаще пользуется термином «скифы», чем «гунны», да и территорию, занимаемую державой Аттилы, как правило, именует Скифией (*Skudikav*). Для него «скифы» – термин собирательный, обозначающий смешение нескольких народов, некое полиэтническое объединение. Здесь стоит, пожалуй, подчеркнуть, как это и делают наши историки, что главными элементами, которые скрепляют различные народности в рамках огромного евразийского континента, являются – территория, в данном случае «Скифия», и власть, распространяющаяся на эту территорию, – в этом случае представлена властью Аттилы.

Шло время. Былое величие потеряно. Скифское царство клонилось к упадку. Его разгром довершили в III–IV вв. готы и гунны, окончательно разрушившие некогда могущественную империю. Новое

возрождение наступит лишь примерно через два века с интеграцией сарматов в славянский этнический массив. В «Велесовой книге» страна россалан именуется Русколанью (Русской Аланией). Ей предстоит вскоре сыграть заметную роль в образовании Киевской Руси, этой наследницы Скифской империи.

Если бы люди брали в руки оружие только во имя сохранения жизни и свободы! Чаше же мы видим картину совсем иного рода. Война – это не только вопрос защиты отечества и удовлетворения элементарных потребностей (ума, желудка и пр.), но и инструмент порабощения. Ее прямым следствием для удачливых полководцев и царей-победителей были несметные богатства, рабы, величие их столиц. Разве не с помощью войн стало возможным создание богатых «мировых» городов (Ниневии, Афин, Рима, Вавилона, Карфагена)?! Вспомним описание французским писателем Гюставом Флобером знаменитого Карфагена. Восхищаясь богатствами и роскошью, варвары ненавидели его («Им одновременно хотелось разрушить Карфаген и жить в нем»).

Рембрандт. Пир Валтасара и письма на стене

То же самое можно сказать и в отношении Вавилона. Город поражал своим великолепием. Дворец Навуходоносора считался

«варварским чудом роскоши». В городе за века скопилось немыслимое количество золота и серебра. Видимо, богатства и заставили царя персов Кира II двинуться на Вавилон. Уверения, что персы, завоеватели Мидии, «не ценят ни золота, ни серебра», не соответствовали действительности. Ценили, и очень. Пророк Даниил предсказал судьбу древней столицы, объяснив последнему царю Вавилона, Набониду, истинное значение огненных слов, возникших на стенах его дворца. «Мене, текел, фарес» означало: «Сочтено, взвешено, разделено». Сие означало: сочтены годы Вавилона, взвешены его богатства, поделены его земли и народы. Так государство, подчинившее Месопотамию, Халдею, Ассирию, Сирию, Палестину, перешло в руки персидских завоевателей. Таковы судьбы многих бывших империй и царств. Они поднимаются на грабежах жестоко угнетаемых народов, но рано или поздно наступает час и их гибели. Законы судьбы суровы и неумолимы. Знаменитая Вавилонская башня, которую строило множество народов, представляется символом единой цивилизации, и она была разрушена потому, что люди не смогли найти общий язык, решая вопросы в ходе строительства. Представляется, что не боги мира, а боги войны не дали довести до конца великий замысел. Это о Вавилоне Библия гласит: «Город великий, город крепкий. яростным вином блуда своего напоил народы». Персидские войска смогли, повернув течение Евфрата в сторону, проникнуть руслом реки в казавшийся неприступным город и захватить его. Однако захват великого города произошел не в результате победоносной битвы или мужества персов, а благодаря предательству жрецов Эсагилы. История свидетельствует: вавилонская элита в лице главных жрецов храма Мардука (центральное божество Вавилона) вступила в конфликт с правителем страны. Представители этой элиты будто бы не могли простить ему вмешательство в религиозные дела, а также долгие отъезды в Аравию. Жрецы сочли Набонида «сумасшедшим царем». В основе конфликта, учитывая огромные богатства жрецов, лежало законное стремление царя ограничить их сверхприбыли. И тогда, рассчитывая найти поддержку у персов, жреческая элита Вавилона пошла на прямую измену, не только развязав против царя разнузданную пропагандистскую кампанию, но и впуслав персов внутрь великого города. Сделано это было незаметно и тихо, так что, по словам

Аристотеля, «уже три дня прошло, как Вавилон был взят, а часть жителей города ничего еще об этом не знали». Кир занял столицу, по сути, не встретив никакого сопротивления со стороны жителей.

Жрецы

Известны и другие примеры предательства «элит». «Жрецы» развязали против великого государства разнузданную кампанию, стремясь к уничтожению и раздроблению на части Отечества. Но явились уже на стенах дворца огненные письмена, свидетельствующие: час их пробил.

Вавилонская башня

Русский поэт Вячеслав Иванов писал в стихотворении «Астролог»:

...Бьет час великого возмездья!
Весы нагнетены, и чаша зол полна...
Блажен безумьем жрец! И чья душа
пьяна —
Пусть будет палачом! Так говорят
созвездья.

Вероятно, в тесном союзе и сговоре со жрецами того исторического Вавилона были и евреи, переселенные туда насильно. Они очень быстро переняли у вавилонян не только достижения наук, но главное — «тайнства» экономических, торговых и финансовых знаний. Историки отмечают, что именно вавилонские жрецы были богатейшими людьми Вавилона и крупными сельскими хозяевами. В их распоряжении были огромные имения, принадлежавшие храмам

богов, с тысячами рабов. Со жрецами и вступили в тесный союз еврейские купцы, переселенные из Иерусалима в Вавилон, столицу тогдашней ойкумены. В ту столицу устремлялись потоки самых различных товаров, и торговля приносила бешеные прибыли. Евреи могли свободно передвигаться по империи, вели торговлю, помогая в торговых операциях и финансовых сделках друг другу.

Г. Климт. Юдифь

Вскоре они проникли и в элиту, оказывая услуги как царю, так и жрецам, и порой получали важные посты в государстве. Часть вывезенных купцов-евреев капиталы сохранили и пустили их в оборот. Тем не менее, ненавидя Вавилон, они видели в Кире избавителя, ему всячески помогали, ожидая, что после унижения Вавилона обитавшие

в нем евреи вернутся домой с весельем, миром и деньгами. Но сердца многих, выступивших против Вавилона, переполняли жгучая злоба и жажда неутоленной мести:

Помяни Адонаи
В день суда – как эдомляне пламени
Предавали твой город и в плен
Нас вели, восклицая:
«Не оставим и камня на камени!»
О, блажен и блажен,
Злая дочь Вавилона,
Кто воздаст твоей злобе сторицею,
Кто младенцев твоих оторвет
От нечистого лона
И о камень их мощной десницею
Пред тобой разобьет!

Л. Мей. 1854

Мыслители и писатели понимали всю чудовищность войны. Течет человеческой кровью река Ксанф у Гомера. Война сжигает нивы, уничтожает храмы (Геродот). Война между империями Цин и Хань разорила до основания земли Центральной равнины. Война – причина огромных народных бед. Исторические персонажи тем не менее твердят: «Война для нас – привычное дело». Создается впечатление, что история человечества – это только войны. Поэт Овидий, певец любовных метаморфоз, в «Скорбных элегиях» выражает сожаление, что не воспел взятия Трои аргосскими войсками, взятие Фив, взаимное братоубийство, битву воинственного Рима. Полководцы же предпочитали науку войны овидиевской «Науке любви». Война портила и женские характеры – красавицы в ту пору удивительно кровожадны и жестоки.

Шота Руставели

Известная красавица Юдифь, спасая свой город от полчищ царя Ассирии Навуходоносора, уничтожила командующего его армией Олоферна и в награду за свой поступок получила все золото, драгоценные камни и богатые одежды неосмотрительного и сластолюбивого полководца. Кровожадная дочь Востока, прелестная Нестан Дареджан из «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели, в послании к возлюбленному раскрывает благоуханные уста лишь для того, чтобы сказать: «Вот совет тебе разумный: объяви войну хатавам, заслужи почет и славу в столкновении кровавом».

В «Шахнаме» противоборство добра и зла находит отражение в схватке царя Фаридуна и тирана Заххака. Тиран обращается за помощью к мудрецам, пытаясь задним числом обелить жестокости и злоупотребления своего режима, обещая, что впредь уже не допустит неправды:

Теперь мне ваша грамота нужна,
Что лишь добра я сеял семена,
Что правды я поборник непреклонный
И чту я справедливости законы.

Битвы и сражения пронизывают все искусство классической Греции, Древнего Рима, Пергама, Ассирии, Персии – от пергамского горельефа «Битвы богов» и до колонны Траяна. Удивительные фигуры композиции в Пергаме восхищали многих. И.С. Тургенев писал: «.Все эти – то лучезарные, то грозные, живые, мертвые, торжествующие, гибнущие фигуры, эти извивы чешуйчатых змеиных колец, эти распростертые крылья, эти орлы, эти кони, оружие, щиты. Это торжество злобы и отчаяния, и веселость божественная, и божественная жестокость – все это небо и вся эта земля, – да это мир, целый мир, перед откровением которого невольно холод восторга и благоговения пробегает по жилам.»

Орест, преследуемый эриниями

Русский драматург П. Гнедич подчеркивал, что борьба народов настолько сильно поражала современников, что они пожелали увековечить ее в истории силами искусства, «идеализируя позу, они искали реального племенного сходства, достигая поразительных результатов». Как говорит Гёте в «Фаусте»: «Лишь тот, кем бой за жизнь изведен, жизнь и свободу заслужил». Однако менее всего хотелось бы поэтизировать причины войн, тем более что зачастую они до удивления циничны и прозаичны.

Жизнь в те давние времена была жестокой, кровавой и опасной. Сама природа не жаловала обитателей земли, подвергая их бытие постоянным испытаниям и бедам. Несчастных людей, словно Ореста безжалостные эринии, преследовали пожары, наводнения, эпидемии, землетрясения, цунами, войны, голоды и моры. Поэтому люди и старались умиловить богов, как только могли. Отсюда появление чудовищных обычаев – предлагать богам живых людей в качестве дара (часто это были дети). Более тысячи лет многие древние цивилизации соблюдали сей обычай, рожденный отчаянием. Во время осады городов старших сыновей, наследников, сбрасывали с укрепленных стен в надежде, что местное божество смирится и придет на помощь попавшему в беду городу. Так было в Карнаке – на Ашкелонской стене, так было и в финикийском Угарите, когда детей отправляли в пламя костра во славу Эля и Ваала. Израильский судья Иеффай отдал свою дочь на всесожжение в честь Яхве (Книга Судей, 11:30–31). Цари Иудеи Ахаз и его внук Манассия сжигали сыновей в специальном месте жертвоприношения (молоток), в долине Хинном, к югу от Иерусалима. Такие жертвоприношения были в порядке вещей, хотя пророки и осуждали жестокую практику: «Ибо сыновья Иуды делают злое перед очами Моими, говорит Господь; поставили мерзости свои в доме, на котором наречено имя Мое, чтобы осквернить его. И устроили высоты Тофета в долине сыновей Енномовых, чтобы сжигать сыновей своих и дочерей своих в огне, чего Я не повелевал и что Мне на сердце не приходило» (Иеремия, 7:30–31). Жертвенники были и в финикийском Карфагене, где предавали сожжению останки тысяч маленьких детей. В Кносском дворце на Крите археологи нашли кости детей с сохранившимися

отметинами от ножей, что может навести на мысль о ритуальном жертвоприношении и даже каннибализме.

Рейтерн. Авраам приносит Исаака в жертву

Как гласит легенда, Агамемнон перед отплытием ахейского флота в Трою через Эгейское море принес в жертву свою дочь («Ифигинья в Тавриде»). Всем известна история с Авраамом, которому бог Эль повелел принести в жертву его любимого первенца – Исаака. Авраам уже занес кинжал над головой Исаака, чтобы отдать жизнь сына божеству, но, на счастье, увидев барана, понял, что это был ниспослан ему небом «козел отпущения».

При бесспорном общем кровавом тоне палитры мировой истории в войнах древности есть и конструктивные моменты. Более всего они заметны у греков, римлян, китайцев, македонцев и, видимо, у славян. Обратимся к личности Александра Македонского, чья деятельность не лишена созидательных начал, хотя судьба его трагична, как судьба всех завоевателей. Этот человек в мечтах и утопиях хотел объединить мир Запада и мир Востока. Македонец, человек славянских корней,

впервые попытался соединить культуры и народы столь далеких и разных миров. Не странно ли, что наследник царя Филиппа, не имевший ни огромной армии, ни денежных средств, отягощенный долгами, едва вышедший из детского возраста, решил посягнуть, как пишет историк Плутарх, не только на Вавилон и Сузы, Египет, Индию, но и «возмечтать о власти над всем человечеством»?! Плутарх уверяет нас, что Александром в устремлениях руководили философия, унаследованная им от Аристотеля, и интеллектуальный багаж (сопровождаявшие его в походах гомеровские «Илиада» и «Одиссея»). Они стали для него руководством к последующим великим свершениям.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ МИРОВОЙ ИМПЕРИИ

Плутарх так писал об этом: «а подлинное напутствие он находил в философских рассуждениях, в сочинениях о бесстрашии, о мужестве, о здравомыслии, о величии духа, ведь общеизвестно, что он ничего не писал о силлогизмах или о каких-либо философских положениях, не был участником прогулок в Ликее или философских собеседований в Академии, ведь именно так определяют философию те, кто видит ее в словах, а не в делах. Но ведь ничего не писали и знаменитейшие философы – Пифагор, Сократ, Аркесилай, Карнеад, хотя их не отвлекали такие войны и они не проходили далекие земли, укрощая варварских царей, основывая греческие города среди диких племен, научая первобытные народности законам и мирной жизни; даже имея досуг, они предоставили писание софистам. На каком же основании их считают философами? На основании того, что они говорили, как жили, чему учили. Из этого же надо исходить и в

суждении об Александре: из того, что он говорил, что совершил, как воспитывал, мы увидим, что он был философ». Поэтому обратим внимание именно на идейную, или, точнее говоря, геополитическую, культурную миссию Александра, ибо вряд ли Александр состоялся бы как великий завоеватель, творец эллинизма, если бы в молодости не имел своим учителем Аристотеля.

Александр Македонский слушает Аристотеля

Удивительны парадоксы истории... Оказывается, не только мирный и спокойный ход событий способствует прогрессу, но и мощный взрыв и выброс энергии, каковыми являются конфликты, завоевания, справедливые войны и победы. После исторических побед народ-победитель действует с удесятеренной энергией, рождая поколения пассионариев, проходя за десятилетия расстояния в сто и даже более лет. Известный английский религиовед и этнолог Дж. Фрезер (1851–1941) очень точно выразил эту мысль в «Золотой ветви», говоря: «Интеллектуальный прогресс, который выражается в развитии науки и искусства и в распространении более свободных взглядов, не отделим от промышленного и экономического прогресса, а этот последний, в свою очередь, получает мощный толчок от военных побед и завоеваний. Не случайно самые мощные взрывы интеллектуальной активности человека следовали по пятам за победами и для развития и распространения цивилизации больше всего делали, как правило, расы победителей. Таким путем в мирное

время они залечивали раны, нанесенные войной. Свидетелями таких взрывов в прошлом были вавилоняне, греки, римляне, арабы. Если подняться к истокам истории, то разве можно назвать случайным факт, что первые большие шаги в направлении цивилизации, например, в Египте, Вавилоне, Перу, были сделаны при деспотических и теократических правлениях, когда высший правитель в качестве царя и бога требовал от своих подданных рабской преданности и получал ее. Не будет преувеличением сказать, что деспотизм в эту раннюю эпоху является другом человечности и, как это ни парадоксально, свободы». Фрезер во многом прав, хотя и далеко не во всем. Действительно, Спарта при жестких и суровых законах Ликурга долгое время была непобедимой и стала символом победоносного государства в античной Греции.

Аристотель подносит Александру Великому книгу «Тайная Тайных» («Secretum secretorum»)

В Афинах после удаления Солона от власти тут же возникла анархия, столь распространенная среди свободолюбивых греков. Представители греческой буржуазии и аристократии пожелали тогда жить только для себя, не обращая внимания на экономическое

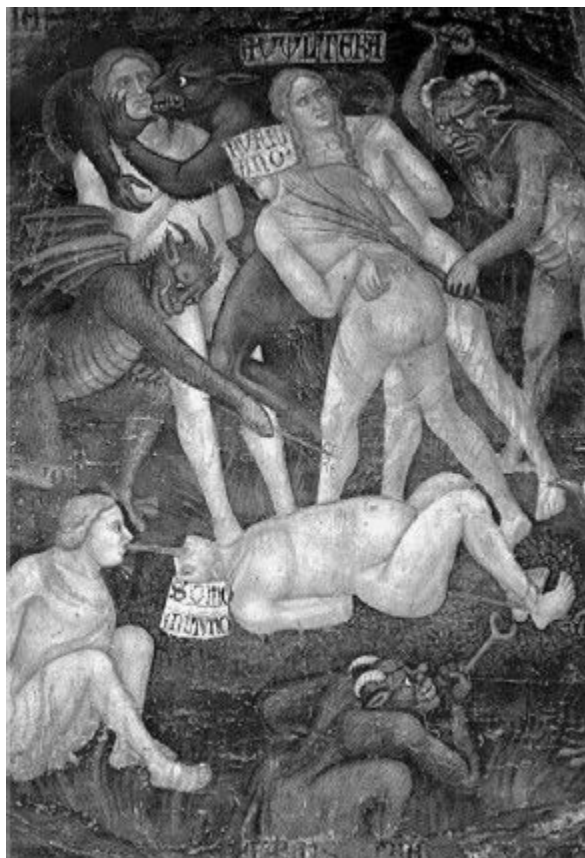
положение народа. Они называли себя представителями буржуазной демократии, хотя были на поверку олигархами и аристократами. Тогда явился тиран Писистрат. Опираясь на волю большинства народа, он трижды приходил к власти. Сторонник аристократии Аристотель тем не менее признавал: тиран выражал волю народа... Будучи демократом на деле, а не на словах, Писистрат «бедным... давал в ссуду деньги для возможности работать, так что они могли кормиться земледелием». Именно такую политику Аристотель считает результатом выражения гуманных чувств, особенно хваля ее в Писистрате. Как политик, он был «кроток, прост в образе жизни и человеколюбив». Писистрат часто совершал инспекционные поездки в равнины, чтобы творить там суд, держа в узде корыстолюбивых чиновников. Только в условиях умеренно-разумной тирании возможен действительный материальный и духовный прогресс стран и народов.

Китайский компас

Успехи этой же системы правления видим в эпохи фараона Рамзеса, римского императора Августа, в век Александра Великого и торжества эллинизма, во времена арабских завоеваний. Эти же порядки видим в Китае эпохи Сун, на которую пришелся кульминационный период развития науки и техники Древнего Китая. В 960 г. военачальник Поздней Чжоу (эпоха в истории Китая) Чжао Куаньинь провозгласил себя императором новой династии – Сун, завершив период Пяти династий и Десяти царств. Вскоре были изобретены книгопечатание подвижными литерами, компас, ткацкий станок, приводимый в движение водой, технология изготовления судов

с водонепроницаемыми переборками. Китайцы пользовались примитивными магнитными компасами еще в I веке. Свое изобретение они хранили в тайне более тысячи лет, но в XI–XII веках по торговым тропам Великого шелкового пути магнитный компас из Китая добрался до Европы. И только в конце XII в. в Европе появился первый «промышленный» компас – намагниченная игла, укрепленная на пробке, плавающей в плошке с водой, а к XIII в. компас уже широко использовался для навигации на море. В 1008–1016 гг. в Сычуани 16 крупных торговых домов начали выпуск векселей «цзяоцзы», которые были фактически первыми в мире бумажными деньгами. Величайшие достижения китайцев проникли затем в страны Азии, а оттуда и в Европу. Разумеется, не сразу были достигнуты китайцами столь значительные успехи.

Поверженный ростовщик

Обращаем внимание на необходимость сохранения баланса между ключевыми элементами, опорными столбами, определяющими место

любого народа в табели о рангах человечества. Английский философ Ф. Бэкон писал: «Следует проследить роль, влияние и последствия разного рода изобретений; тут наиболее яркими примерами являются книгопечатание, порох и компас – эти три изобретения резко изменили облик и состояние вещей в мире. Первое из них в сфере литературного дела, второе – в военном деле, третье – в навигации. Все они повлекли за собой неисчислимые перемены. Значение этих перемен столь велико, что с ними не могут сравниться заслуги ни одной империи, ни одной религии, ни одного выдающегося деятеля». У того же Бэкона имеется еще одно чрезвычайно важное замечание. К таланту изобретательства нация должна присовокупить еще мужество и отвагу воина (если они есть), а не только спекулятивный ум и наличие денег. Без этого стать истинно великой державой, завоевать место под солнцем невозможно. История учит: торговец, ростовщик неизбежно проигрывали воину, изобретателю, как и нация богачей или успешных торговцев-эгоистов вынуждена была уступить поле боя пусть более бедной, но смелой и дерзкой, волевой, бойцовой и изобретательной нации. Бэкон пишет: «Бесчисленны примеры, свидетельствующие о том, сколь неравны по своим силам множество и мужество. Поэтому, во-первых, следует принять как несомненный и безусловно доказанный факт, что самое главное и основное для достижения величия королевства или другого государства – это воинственный по своей природе и по своему характеру народ. Второе же – скорее избитая, чем правильная сентенция, гласящая, что «деньги – это главная сила войны», впрочем, так и есть, если у народа слабого и изнеженного не хватает сил в мускулах. Правильно ответил Солон Крёзу, который хвастался перед ним своим золотом: «Но если, царь, явится кто-нибудь, кто лучше тебя владеет оружием, то ему, конечно, и достанется все это золото». Поэтому любой государь или государство, чьи подданные по своей природе, духу и характеру недостаточно мужественны и воинственны, должны трезво оценивать свои военные возможности; и, наоборот, государи, правящие мужественными и храбрыми народами, должны быть вполне уверены в своих силах, если в остальном они достаточно надеются на себя. «Что же касается наемных войск (а к этому средству обычно прибегают тогда, когда не хватает собственных), то здесь множество примеров с полной очевидностью и ясностью показывает, что любое государство,

опирающееся на наемников, сможет, вероятно, на короткое время раскинуть крылья над своим гнездом, но очень скоро эти крылья сломаются». Русским эти слова особо близки, ибо мужество, отвага нашего народа не раз завоевывали ему славу, земли, жизнь, принося победу.

Воин

Крез – царь Лидии (595–546 гг. до н. э.)

Кир Великий

В современном мире, где богатства играют важнейшую, если не решающую роль, мы вновь и вновь напоминаем, что в истории они часто являются лишь предметом зависти других народов, объектом грабежей и нападений. И не случайно последний царь Лидии, Крёз, обладавший сказочными богатствами, стал одной из наиболее трагических фигур в истории. За ним закрепилась «слава» неудачника и пораженца. Древнегреческий философ Ксенофонт приводит в «Киропедии» трактовку видения и понимания человеком античности богатства нации и царя да и вообще понимание счастья и богатства. Крёз уверял Кира, что, если он будет расходовать национальную казну слишком щедро, то в скором времени станет бедняком. Он советует царю персов копить как можно больше золота («Собрать в своем доме столько золота, сколько вообще по силам одному человеку»). Однако Кир не выразил восторга по поводу этого «стабилизационного фонда».

Золотой телец. Неописуемая радость евреев от созерцания тельца

На счету его было немало благодеяний народу и друзьям, и он сказал Крёзу: «Однако ты мне советуешь собирать их (деньги. – *Ред.*) у себя, чтобы возбуждать зависть и ненависть, и вверять охрану их наемным стражам. Я же, наоборот, обогащая своих друзей, вижу в них свои сокровища и одновременно стражу и для себя, и для наших богатств, причем стражу более надежную, чем если бы я окружил себя наемниками. Однако, думается мне, в одном я сильно отличаюсь от большинства людей. Эти последние, когда обретут богатства больше, чем достаточно, часть его зарывают в землю, часть гноят, а прочее с великим беспокойством пересчитывают, измеряют, взвешивают, проветривают, сторожат. (но) избыток богатства доставляет им одни только хлопоты. Со своей стороны, я тоже покорен богам и всегда стремлюсь к большему, но, когда добьюсь своего, все, что вижу у себя в избытке сверх необходимого, употребляю на помощь друзьям в их заботах и, обогащая и осыпая милостями различных людей, приобретаю с помощью своего богатства их преданность и дружбу, благодаря чему пользуюсь безопасностью и доброй славой. Ценности эти не гниют, и избыток их не вредит; наоборот, добрая слава, чем ее больше, тем она величественнее и прекраснее и тем легче ее носить. Вообще, чтобы ты знал, Крёз: я вовсе не считаю самыми счастливыми тех, кто больше всего имеет и больше всего сторожит.» Как известно,

Крёз лишится своего богатства и своего царства, такова плата за неумелое и глупое помещение «национального капитала» не в людей и дело, а в сундуки. Вместе с тем богатство имеет смысл, если оно попадает нуждающимся (Матфей. 19:21, Лука. 12:33, 19:8) да и вообще служит людям и твоей стране. Истинное богатство – не то, что копят, а то, что отдают (2 пос. ап. Павла коринф.), ибо «блаженнее давать, чем принимать» (Деяния апостолов. 20:35).

Коварный демон богатства

Естественно, что в древности золото и серебро, будучи основным эквивалентом богатства, привлекали внимание царей и завоевателей. В Египте, по оценкам историков, к VII в. до н. э. было накоплено не менее 3000 тонн золота. Ассирия, покорив Египет, овладела его золотыми запасами. Затем эти богатства перекочевали в Вавилон, покоривший обе страны. Вавилон пал, его золотые запасы попали в казну персидского царя Кира Великого, из династии Ахеменидов. С их помощью многого можно достичь. Кир использовал золото как для набора наемников, так и для подкупа. Он говорил: осел с грузом золота порой сильнее могучей армии. Упомянутый Ксенофонт в «Анабасисе» показал, как набирались для него войска в Херсонесе и в других местах. Приблизив к себе лакедемонянина Клеарха, который был изгнанником, Кир выразил ему свое расположение и подарил 10 000 дариков. Тот принял золото, набрал на эти деньги войско, выступил из

Херсонеса и стал вести войну с фракийцами, живущими по другую сторону Геллеспонта, помогая эллинам. Города, расположенные у Геллеспонта, охотно доставляли ему средства для содержания солдат. Кир в глазах европейцев хотя и интеллектуально велик, но «только для азиатов».

Персидская империя в 330 г. до н. э. пала под натиском войск Александра. Среди военных трофеев оказались тонны золота, но держава Александра распадется после его смерти, а несметные богатства разойдутся по разным странам, чтобы сконцентрироваться в столице огромной империи – в Риме. «*Augi sacra fames*, – писал Вергилий, самый проникательный из римских поэтов. – Проклятая жажда золота, до чего же ты доводишь людей?» Золото играет роковую роль в судьбе и фригийского царя Мидаса (738–696 гг. до н. э.). Бог Дионис исполнил просьбу алчного царя о том, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. И стоило Мидасу сорвать с дерева зеленую ветвь, как та тотчас же становилась золотой, вода катилась с его рук золотыми каплями. Царь ликовал до тех пор, пока в золото не начала превращаться и его пища. Поэт Овидий написал в «Метаморфозах»: «Только он с чистой водой смешает виновника дара, как через глотку питье расплавленным золотом льется».

Мидас судит на конкурсе Аполлона

Мстительный Аполлон за то, что Мидас присудил первенство в игре на флейте не ему, а Пану, наградил царя ослиными ушами. Аполлон сказал ему: «Тебе больше подойдут уши, которые будут соответствовать твоему восприятию музыки!» И у Мидаса выросли ослиные уши. Однако все же кажется, что столь суровое наказание последовало не за то, что тот присудил первенство в музыкальном состязании Пану, а именно за то, что тот возлюбил сверх меры богатство. Так наказывает судьба тех, кто не понял сути и истинного назначения богатства нации и его роли в совершенствовании человека.

Так золото становилось средством не только обогащения, но и наказания. Одним из изощренных способов казни вороватых

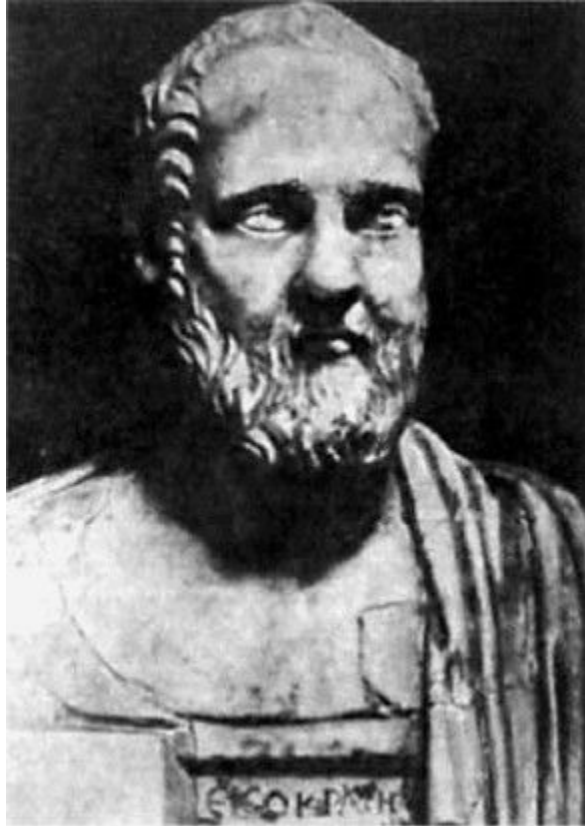
министров и чиновников стало вливание в горло расплавленного золота. Понтийский царь Митридат Евпатор (132—63 гг. до н. э.) казнил таким способом одного из римских пленных. Аппиан («Митридатовы войны») пишет: «Немного времени спустя он [Митридат] взял в плен Мания Аквилля, наиболее виновного в той войне из всего посольства. Связанного, его повсюду возили на осле, громко объявляя зрителям, что это тот самый Маний. И, наконец, в Пергаме велел влить ему в горло расплавленное золото, тем самым позорно указав на взяточничество римской знати». От этого золота желать меньше не стали. Причины просты... Деньги дают средства для безбедной жизни. А «без зажиточной жизни в народе не воспитаешь добрых качеств» (Сюнь-Цзы). Но и тут нужно сохранять чувство меры. Где слишком часто превозносят богатства, «там презируют все честное: верность, порядочность, стыд» (Саллюстий). Первые победы греков над могущественной, но разношерстной и многоязыкой армией персов укрепили веру греков в свои силы. Но вскоре им и персам пришлось столкнуться с более мощным противником, бойцом мирового европейского класса – с Македонией.

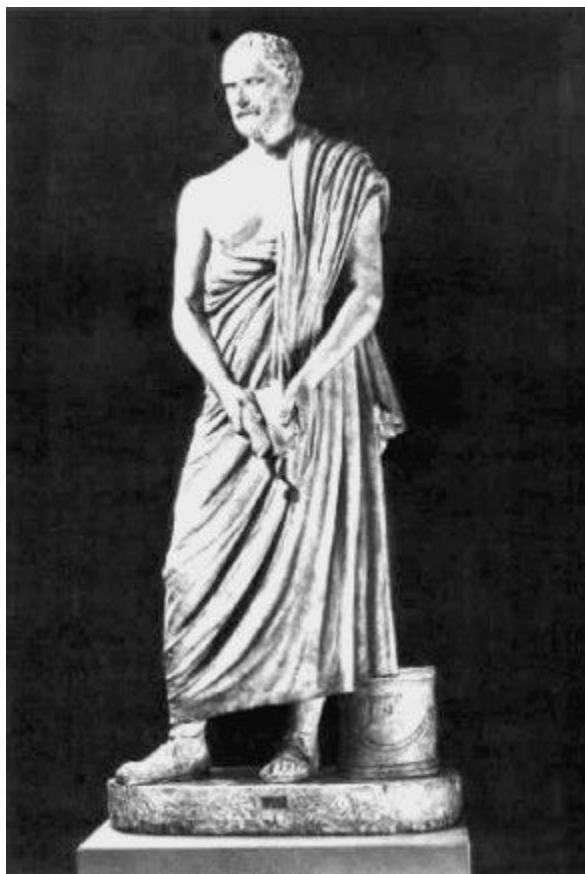
Александр в разведке

В первой половине IV в. до н. э. Македония благодаря усилиям Филиппа II объединилась, превратившись в грозную державу. Филипп был талантливейшим политиком. Многие историки считали его крупнейшим деятелем тогдашнего европейского мира. Заметим, что

молодость Филипп провел в Греции, хорошо знал греческую культуру, силу и слабость греческих республик. Уничтожив претендентов на престол, он сосредоточил в своих руках всю власть. Мы вновь видим, как взлету той или иной державы в древнюю эпоху предшествуют две главные вещи – концентрация власти в руках сильного, волевого, умного вождя и создание профессиональной армии. Такой вскоре и станет македонская армия, в которой костяк составит македонская знать (этеры, «товарищи» царя). Филиппу принадлежит заслуга и создания знаменитой фаланги, тяжеловооруженной пехоты с глубоким строем (16 рядов и более). Гордостью армии была конница. В отличие от армий персов и даже греков армия Филиппа была строго национальной, ибо в нее входили только македонцы. Как и в Спарте, служба в армии считалась делом жизни. И даже знать обязана была «тянуть военную лямку», получая дипломатические и прочие государственные посты только в случае успешной военной карьеры. В политическом отношении Македония – ярко выраженная монархия. Знать (этеры, коих было не более 800) владела землей, которой у нее было столько же, сколько у 10 000 греков. Население в личном плане было свободно. И хотя во главе Македонской державы стоял деспот Филипп, хотя деспотизм и свобода, казалось, – вечно враждебные категории, но «без деспотизма еще не было ни свободы, ни равенства» (Ф.М. Достоевский). Демократическая Греция тому яркий пример.

Исократ

Демосфен

Рядом с Македонией многочисленные мелкие греческие полисы явно проигрывали. Это было ясно многим в самой Греции. Правда, грекам на какое-то время удалось удержать Филиппа от вторжения, но то был вопрос времени, так как слишком сильны были противоречия между греками. Войны и конфликты меж ними вспыхивали один за другим. Конечно, это мешало созидательной деятельности, торговле, промышленности, финансам да и просто мирной и спокойной жизни греков. Поэтому у Филиппа II среди греков оказалось немало искренних сторонников, людей македонской ориентации (Эсхин, известный ритор Исократ, стратег Фокион, финансист Эвбул и др.). Главный идеолог союза с Македонией Исократ пишет письма Филиппу, в которых убеждает его взять главенство над Грецией. Против Филиппа выступил другой известный оратор и политик — Демосфен. В данном случае не так уж важно, какие силы стояли за кем (и там и тут они были достаточно влиятельны). Важно то, что реальное соотношение сил на мировой арене толкало народы к объединению. В

основе тех или иных расчетов лежали экономические и политические интересы. Азия и «мир Великого владыки», перса, были богаче, чем полунищая Македония, которая не могла любящим деньги грекам дать ничего. Поэтому многие полисы охотнее шли на контакт с персами, рассчитывая поживиться за их счет. Греки готовы были присягнуть «цивилизованному агрессору», кто бы им ни был, Филипп или Дарий, – кто больше предложит, тот и друг. В русле жизненной философии и подобной логики шел спор среди ученых, чья позиция была предпочтительнее, разумнее – Демосфена или его противников. Те, кто превозносил идеи свободы и независимости (Г. Нибур, А. Шефер, Э. Курциус, Керст и др.), видели правоту за Демосфеном, отмечая, что тот считал дело демократических Афин своим собственным делом и остался ему верен «до последнего дыхания». Другие, глашатаи империи (Дройзен, Гольм, Белох, Эд. Мейер и др.), обвиняют Демосфена в политической слепоте, превозносят даже таких предателей, как македонский наемник Эсхин и его соратники. Они рассуждают о «непреложных законах истории», «исторической справедливости», в результате которой греки были разбиты и повержены. Они превозносят Филиппа с его миссией «объединителя мира», создателя великой сверхдержавы, демиурга мира и провозвестника цивилизации будущего. Это похоже на то, как малые и маломощные страны нынешней Восточной Европы надеются найти в рамках НАТО, у Соединенных Штатов и объединенной Европы не только защиту, но и средства на содержание (льготы, квоты и проч.). Это очень походит на речи тех, кто у нас 10–15 лет тому назад громко восхвалял «самое демократическое на свете» государство США как спасителя свободы, героя новой цивилизации. Где сегодня эти пифии?

Херонейский лев

Сегодня со странами, упорствующими в неприятии их воли, США поступают точно также, как Филипп с побежденными греками. Их просто порабащают или сажают им в правители президентов из «своей конюшни». 2,5 тысячи лет мало что изменили в вопросах разрешения споров.

При Херонее 300 фиванских юношей стояли насмерть, и их стойкости удивлялись даже враги. На месте битвы воздвигли 5-метровый мраморный монумент, изображающий раненого и непокоренного льва, но именно после этой битвы Филиппом была установлена полная гегемония над Грецией. Филипп сохранил за

Афинами политическую независимость и кое-какие экономические привилегии. Юстин продолжает: «Афинянам, которые выказали особую враждебность по отношению к нему, он без выкупа возвратил пленных, передал тела убитых для погребения и даже предложил им собрать все останки и положить их в гробницы

предков... С фивян Филипп, напротив, взял выкуп не только за пленных, но даже за право похоронить павших. Самым видным гражданам он велел отрубить головы, других он отправил в изгнание, а имущество всех их забрал себе». В 338 г. Филипп II предпринял поход в Пелопоннес, перешел с войском Истм (Коринфский перешеек) и осуществил (вместе с союзниками) карательную экспедицию против Спарты, хотя перед этим пытался достичь целей путем переговоров. Но спартанцы отвергли его требования, касавшиеся ряда пограничных территорий, давнего предмета острого спора между Спартой и ее соседями (как у Сербии и Албании по поводу Косово). Тогда он вторгся в Лаконику и разорил ее. При этом он не стал сокращать институты спартанской государственности, что было неразумным, поскольку как организатор «общего мира» он должен был придерживаться неких правил. Для него довольно было наказать непокорных, и, разумеется, в первую очередь сократить социально-экономическую и военную мощь и дух гордой Спарты. Как видим, примерно то же происходит сегодня и с государствами, которые отказываются внимать прямым указаниям нового «мирового гегемона», коим, бесспорно, ныне являются США.

Царь Филипп и его сын Александр

Однако были и позитивные моменты... Так, итогом захвата Греции стало оформление союза всех государств Греции, но под

эгидой Македонии. Союз должен был положить конец состоянию гражданской войны, типичному для греков. Частные войны внутри эллинской федерации были запрещены. Объявлена была и свобода мореплавания. Никто не должен был вмешиваться и в жизнь самих государств. Союзный совет (своего рода Совет Европы) следил за выполнением всех постановлений конгресса. Федерация республик заключила «вечный» оборонительный договор с македонским царем.

Одним словом, на первый взгляд такая объединенная «малая Европа» выглядела порой даже демократичной и разумной. Однако вскоре выяснилось, что все слова «большого брата» – сплошная ложь. Филипп вскоре потребовал немалую плату от вассалов, и этой платой стала война против Персии, которую начал сын Филиппа – Александр. Мотивировка той войны была довольно странной: «Чтобы отомстить персам за все содеянные над греческими храмами святотатства». При этом известно, что персы, как правило, очень уважительно, бережно относились к храмам. Но повод был найден.

Высадка Александра в Азии

Главная цель азиатского похода Александра – конечно, завоевание Востока, захват богатств Дария. Об этих богатствах ходили самые невероятные легенды. Ксенофонт писал: «Персидского царя и его слуг надо почитать счастливыми, видя, как велика и обильна его страна, богатая провиантом, рабами, скотом, золотом, одеждой». Как известно, к такому походу в Персию готовился еще отец Александра, Филипп, его желали бедные македонские крестьяне, основа его войска, к нему стремились и крупные землевладельцы, выросшие в походах и мечтавшие о новых богатствах и всемирной славе. В поход толкало Александра и бедственное состояние финансов. Аристобул сообщает, что у Александра на содержание войск оставалось всего 70 талантов (при 200 талантах долга). Поход разрешал эту «головоломку» очень просто. Согласно общепринятой тогда практике, во время войн войско кормилось, обеспечивалось населением захваченных земель и городов. Так что данный поход был следствием экономической необходимости. Говорят, что впервые эта война «в мировом масштабе» велась не в тех примитивных разбойничье-гегемонистских целях, что типичны для войн греческих полисов, походов к Трое, битв фараонов, израильских, сирийских завоевателей, не говоря уж о захватническо-карательных походах Римской империи, рейдах варваров на земли Рима да и походах наших предков к Константинополю и походах крестоносцев (во славу Гроба Господня). Однако ясно, что Александр Македонский, несмотря на то что он воспринял греческий опыт, философию и культуру, ставил перед собой совершенно аналогичные цели. Ведя армию в богатую Азию, царь тем самым разрубал свой «гордиев узел» и решал прежде всего огромное количество экономических проблем и, кроме того, укреплял свою личную власть в новом политическом союзе. Вопрос о том, действительно ли в основе «миссии» Александра лежало дело освобождения народов, является достаточно наивным. В древние времена, да и в нынешние тоже, войны, как правило, не ведутся ради чьего-то освобождения, хотя подвергшийся нападению ведет войну за свою свободу. Но начинаются войны всегда из корыстных (экономических, политических) соображений и интересов. Войн идеалистических история не знает. И то, что было создано «покорителями мира», строго говоря, не являлось даже нацией, так как было лишено свободы и права на волеизъявление. «Великие

государства Кира или Александра, – писал И.В. Сталин, – не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайно связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединяющиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя». Подобные объединения рано или поздно должны распасться и распадались.

Александр переходит через Граник

То, что Александр прекрасно понимал, ради чего он отправляется в опасный поход, подтверждает и его поведение. Он был столь уверен в успехе военного бизнеса, что роздал оставшиеся деньги, земли ближайшим соратникам. Когда его спросили, что он оставил себе, последовал ответ: «Надежды!» Это настолько впечатлило всех соратников, что один из ближайших друзей, Пердикка, отказался от даров и от пожалованного ему имущества. Его примеру последовали многие воины и полководцы. Уверенность вождя в конечном успехе и в победе передается другим. Впрочем, своим воинам царь нарисовал весьма заманчивые перспективы обогащения, заявив, что им достанутся богатства не только персов, но и остальных народов: «Они. покорят себе не только персов, но и все остальные народы: Бактрия и

Индия станут македонскими провинциями. То, что они видят теперь, — это наименьшая часть их добычи; победа откроет перед ними все. Их уделом станет не бесплодный труд на крутых скалах Иллирии и камнях Фракии, но весь Восток станет их добычей». Оставив в стороне военные стороны похода Александра, обратимся к так называемой культурно-политической и экономической стороне вторжения. После побед при Гранике и Иссе Александр конфисковал казну Дария в Дамаске, покончил с царем персов, убитым своими же, и простер свою победоносную длань к Египту и Индии. В Египте он решил воздвигнуть город Александрию. По мнению специалистов, с военной точки зрения достаточно было бы малого военного гарнизона, чтобы удерживать контроль за страной. «С экономической точки зрения размещение громадного города было сплошным разорением. Необходимо было связать двурогую скалу Фароса с материком дамбой длиной в 7 стадий (почти 1300 м), выстроить три порта (два на море и один на озере), отвоевать пригодную к обитанию землю у змей, у туч птиц, у комаров, распределить пять разных народов по пяти секторам, разбитым в шахматном порядке, убедить их — если нужно, силой — жить в мире и согласии. Самолично на протяжении 15 километров указывая архитекторам, где пройдут стены будущей твердыни, и назначив грека Клеомена заведовать финансами и завершить работы, Александр выказал больше веры в творческий разум и энергию людей, нежели в видения прошлого». Александр строит все новые и новые планы. Царь опьянел от побед, счел себя почти богом. Он, правда, восстановил в Вавилоне храм Бэла, вернул украденных и вывезенных персами богов Греции и, кроме того, самочинно возвел на берегу Бианта 12 громадных алтарей богам, что привели его к восточным рубежам мира.

Битва Александра и Дария при Иссе

П. Веронезе. Семья Дария у ног Александра

Какова цена настойчивого стремления Александра к мировому господству? Если проследить его путь по покоренным землям,

городам, то на его пути видим: уничтожение Фив; разграбленный и превращенный в пустыню Персеполис (330 г. до н. э.), отданный «на позор и полное уничтожение»; победа над Дарием, и не столько над ним, сколь над его казней; резня потомков милетских жрецов в Термезе, на берегу Амударьи (329 г. до н. э.); чудовищная резня на берегу Биаса (326 г. до н. э.), когда мечи воинов оказались погнуты и зазубрены из-за немыслимого количества трупов; он устроил массовую казнь через повешение индийских философов-брахманов; взял в плен индийских наемников, их жен и детей и всех перебил. Римский поэт Лукан в начале X песни «Фарсалии», сообщая о массовом избиении азиатских народов, в итоге скажет: «И все это только для того, чтобы установить Царский мир и согласие между народами!» Как не вспомнить о девизе, который Тацит приписывает римским завоевателям: *Ubi solitudinem faciunt, pacem appellant* («Превращая край в пустыню, они называют это миром»). Дарий послал царю несколько писем, в которых требовал, потом просил вернуть семью. Ответ Александра был таким: «Приди ко мне как к подлинному господину всей Азии. Если ты появишься передо мной, ты получишь мать, супругу, детей; все, чего ни пожелаешь, если ты у меня попросишь, будет тебе дано». Правда, он поступил благородно с матерью и женой Дария, сохранив им жизнь и оставив в управлении часть царства.

В экономическом смысле поход оправдал себя. Так, завладев сокровищницей Персеполиса, он получил в свое полное владение огромную сумму – 120 000 талантов. Эти деньги позволили ему обеспечить войско всем необходимым, выплатить обещанные войску награды, переслать Антипартру (наместник в Македонии) деньги для ведения битв с противниками, нанять дополнительные войска, так как наемник в его армии получал вдвое больше рабочего в любом городе, одним словом, удовлетворить все свои нужды и прихоти. Теперь Александр был богаче Крёза. Правда, его не красит то, что он сделал со столицей персов Персеполисом, отдав его на разграбление своему войску, хотя сожжение столицы было вызвано, скорее, политическими мотивами – он словно подтверждал свой гнев, ибо ранее обещал наказать персов за то горе, которое они принесли грекам. И действительно, Персеполис был оплотом персов и должен был быть стерт с лица земли, как некогда стерта была и Ниневия.

Александр в Персеполисе. Гетера Таис предлагает сжечь Персеполис

Нельзя исключать и желания мстить. К примеру, историки отмечают, что, когда армия Александра Македонского переправилась через Аракс, их потрясло то, что они увидели. Навстречу шла толпа греков, около 800 человек, в основном, пожилых людей, с «ветвями умоляющих». Эти греки были захвачены в плен предыдущими персидскими царями и увезены в рабство, где их обучали различным искусствам и ремеслам. Наряду с другими рабами они возводили прекрасные дворцы, храмы, хранилища, жертвенники, города. Когда же они выполнили миссию, а их труд оказался уже не нужен, персы самым безжалостным образом изувечили мастеров, отрубив им руки или ноги. Даже закаленные в боях ветераны македонской армии при виде этих несчастных преисполнились сострадания к калекам, а Александр не смог удержаться от слез. Царь пообещал «позаботиться об их возвращении домой», но те решили остаться, боясь насмешек дома, в Греции. Тогда Александр приказал каждому калеке выдать по 3000 драхм, по пять одежд, по 2 пары волов, по 50 овец и 50 бушелей пшеницы. Он «освободил их от всех царских податей и приказал

правителям следить за тем, чтобы их никто не обижал». Все это не позволяет нам идеализировать и персов, уродовавших своих пленных.

Свадьба Александра и Роксаны

Что касается распространенного в эпоху античности мнения о том, что он хотел установить «единомыслие» Запада и Востока, то оно ни на чем не основано. Правда, в подтверждение этому приводят факты наличия в армии Александра не которого числа ученых, сопровождавших его в походе, его попытку привлечь к сотрудничеству индийского мудреца Калана, тягу к персидским одеждам и парад «эпигонов» (персидских юношей), обученных на македонский манер по его приказу, ну и, разумеется, массовую свадьбу греков и македонцев с персидскими женщинами (когда 10 тысяч македонян взяли в жены азиатских женщин). По сему поводу царь устроил грандиозный пир, выплатил долги всех молодоженов и вручил им богатые подарки. Но вряд ли он при этом ставил перед собой столь сложные цели... Основной задачей царя было создание мировой

империи, которая объединяла бы в своих границах разные племена Европы, Азии, Африки. Столь решительный поворот в сторону Востока, уравнивание в правах эллинов и «варваров», вызвавшее недовольство среди македонской и греческой знати войска, – явление, новое в мировой истории. Иные ставят «ориентализацию» Александра в один ряд с «вавилонизацией» Кира, говоря, что понятия эти равнозначны. Однако персы и вавилоняне гораздо ближе по своей ментальности, нравам и вере, нежели греки и персы. Иные (Ю. Керст и Шахермейр) увязывают эти мероприятия царя с его цивилизаторской деятельностью и миссией. Военный историк Дж. Фуллер пишет: «Задачей Александра было не только утвердить свою власть на завоеванных территориях, но и придумать, каким образом сплавить их вместе с Македонией и Грецией в мировую державу. Его гений подсказывал, что этого нельзя добиться, только действуя с позиции силы, но лишь с помощью добровольного сотрудничества со стороны покоренных народов. В Вавилонии он впервые назначил сатрапом перса – Мазея, полководца, который командовал правым флангом Дария при сражении при Арбелах и который после сражения искал прибежища в Вавилоне». Эта попытка возвращения власти представителям местных элит была разумным решением Александра, шагом, нацеленным в будущее.

Дорога процессий в Вавилоне

После вторжения в Индию македонский царь Александр в 325 г. до н. э. разгромил на реке Гидасп армию местного царя Пора, продолжив свой поход на восток. Однако на подходе к реке Ганг македонская армия отказалась следовать за Александром. Сказалась девятилетняя усталость. Поводом к неповиновению явились слухи о неисчислимых армиях с тысячами боевых слонов за Гангом. Александр вынужден был идти на юг, двигаясь вдоль рек Гидасп и Инд по направлению к Персии.

Александр в битве с царем Пором

По пути он покорял местные племена, многие из которых истреблял за сопротивление. Жестокие бои разгорелись на земле маллов, которые в большинстве своем предпочли погибнуть, но не покориться. После захвата нескольких городов маллов Александр подошел к самому большому из них, чье название не сохранилось. Древнегреческий историк Арриан сообщает, что располагался город недалеко от впадения реки Гидраот в реку Акесин, которая является притоком Инда. Македонцы с ходу бросились на штурм крепости. Стены крепости были не высоки. Арриан рассказывает, что Александр в одиночку приставил лестницу к стене и, прикрываясь щитом, полез вверх, за ним оруженосец Певкест, а за ними по той же лестнице поднимался Леоннат. Александр, убив мечом маллов, расчистил место,

и за ним взошли на стену Певкест, Леоннат, Абрей. Но затем под тяжестью тел лестница подломилась, солдаты попадали вниз, и на стене остались только Александр и три бойца. Спрыгнув со стены в город, найдя более защищенную позицию, царь разил маллов мечом, пока на помощь к нему не спрыгнули другие македонцы. Тут тяжелая индийская стрела поразила Александра в грудь, пробила панцирь и легкое выше правого соска. Как пишет Плутарх, «стрела, как гвоздь, связала панцирь с телом». Александр отбивался со стрелой в груди, но вскоре упал, потеряв сознание. Тогда его прикрыли с обеих сторон щитами Певкест и Леоннат. Дальнейшие события Арриан описал так. Македонцы, видя, как Александра осыпают стрелами на стене и как он спрыгнул внутрь крепости, старались спасти царя. Одни из них, стоя рядом с царем, закрыли его щитами, другие прорвались в город, налегли плечами на чуть раздвинувшиеся ворота и, проломив стену, открыли дорогу в крепость.

Штурм города

Боевой слон

Царя спасли, но в отместку за его ранение македонцы перебили всех жителей города, не пощадив при этом ни женщин, ни детей. Стрелу из груди Александра извлек то ли Пердикка, не дожидаясь врача, то ли врачи Критодем или Критобул. Царь долго болел.

Как бы там ни было, а понимание того, сколь тяжелая доля их ожидает в дальнейшем, заставило войско просить Александра о возвращении домой. Напрасно царь разными ухищрениями пытался склонить их продолжать поход далее. Чтобы убедить войска в выгодности «предприятия», он послал их на грабеж в богатые земли, в дружескую Фегею, а во время отсутствия воинов подарил их женам и детям платья и разные запасы, выдал месячное жалованье. Но ничто не могло уже заставить воинов переменить решение. Причины этого понятны, если объективно взглянуть на положение армии Александра. «Немного македонян остались в живых, и эти оставшиеся были близки к отчаянию, копыта лошадей были стерты далекими походами, множество сражений притупило и сокрушило оружие воинов; никто не

имел более греческого платья, лохмотья варварской и индийской добычи, кое-как сшитые друг с другом, прикрывали эти покрытые шрамами тела завоевателей вселенной; уже семьдесят дней с неба падали страшнейшие дожди, сопровождаемые вихрями и бурями». На завоевателей обрушилось даже небо с дождями и бурями. Наряду с нехваткой одежды и средств пропитания это уносило больше жизней, чем сражения. Единственной перспективой для воина были болезнь и смерть. Историк И.Г. Дройзен пишет, что единственным всеобщим желанием становилось только одно – «иметь далеко позади себя эту страну», прежде чем вновь наступят страшные месяцы тропических дождей. Поворот обратно и стал началом падения Александра... Этот государь нового времени с его стремлением, выраженным девизом «plus ultra», не смог не только создать всемирную империю, но даже грубо очертить ее контур.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОХОДОВ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Итак, каковы социально-экономические итоги военной экспансии для Македонии и Греции? Стали ли эти страны счастливее и богаче после стольких усилий, жертв и страданий их граждан? Некогда Исократ сказал, обращаясь к Филиппу: «Перенесем богатства Азии в Европу, а бедствия Эллады в Азию». Вожди, генералы, офицеры, но отнюдь не солдаты, вернувшиеся домой после службы в армии Александра и его преемников, стали обладателями богатства. О том говорит описание свадьбы македонского аристократа Карана, который стал богатым в походах Александра. Гостям на свадьбе он поднес подарки из золота и серебра, такие ценные, что после свадебного пира гости вложили эти ценности для приобретения земли, домов и других предметов. Но обогащалась в походах сравнительно небольшая часть аристократии. Что касается простых людей, служивших солдатами в македонской армии, то в массе своей их участие в походах на Восток не принесло их семьям ни богатств, ни радости, ни здоровья. Они по-прежнему были обременены большими налогами, от коих не освобождались даже воины. Освобождение от налогов считалось большим благодеянием царя, и он шел на это только в исключительных случаях. Так, павших в битве при Гранике Александр хоронил с оружием, почестями, снял с родителей их и детей поземельные, имущественные и прочие налоги и освободил от

обязательных работ. Походы и битвы рядовым участникам не принесли ни счастья, ни денег, лишь беды да страдания. Некоторые, говоря о походах Александра, пишут, что македонское войско, победив столько богатейших народов, добыло «больше славы, чем денег». Менее всего от наступившего после восточных походов порядка вещей выиграли, как это ни прозвучит странно, Македония и Греция, страны, внесшие наибольший вклад в победы Александра Великого. Македония в результате походов Александра потеряла значительную часть своего населения. Большая часть македонской армии Александра даже не была распущена, она просто сгинула в сражениях. Разумеется, время от времени она пополнялась свежими македонскими рекрутами. Так, в Сидон полководец Клеандр привел из Греции 4 тыс. наемников. Перед битвой при Гавгамелах Александр отправил в Македонию Аминту с целью набрать там «подходящую для военной службы молодежь». Кровь Македонии должна была подпитывать войско. Так, когда Александр выступил из Вавилона и еще находился в пути, подошли посланные Антипатром воины: 500 всадников-македонян и 6 тысяч пехоты, всадников-фракийцев 600, траллов 3500, пехоты из Пелопоннеса 4 тыс., всадников немного меньше тысячи. Друзья царя прислали из Македонии своих сыновей – 50 юношей для службы в царской охране. В целом македонская армия пополнилась на 15 650 человек. Во время пребывания в Средней Азии Александр послал Эпокилла, Сопола и Менида для вербовки в Македонии и доставки оттуда новых войск. Многие из этих солдат были убиты в сражениях, погибли при переходах через пустыни, осели на Востоке, а затем обосновались в качестве колонистов в восточных городах. Тысячи взрослых мужчин, македонян, оставили свою родину, чтобы никогда туда уже не возвращаться. Из того числа воинов, что пошли на Восток, домой вернулись немногие.

Судьба войска наемников

Ясно, что столь значительное уменьшение населения сразу сказалось на хозяйстве Македонии, на всей ее внутренней жизни. Ведь на Восток шли в большом количестве труженики: ремесленники и крестьяне. Урон понесли такие отрасли, как сельское хозяйство и ремесло. Перед страной стояла важная задача: поднять экономику страны, развить ее производительные силы, расширить сферу применения труда рабов. Но выполнить ее в полной мере оказалось невозможным. По размерам территории, по численности населения, по степени экономического и культурного развития Македония не могла равняться с мощными эллинистическими государствами Селевкидов и Птолемеев. Воины во всех отношениях были потеряны для нормальной экономической работы.

Г. Семирадский. Александр и его врач Филипп

Смерть «царя царей» обросла слухами. Говорили о его отравлении, о том, что он погиб то ли от пьянства, то ли от ряда болезней. Плутарх сообщает о том, как это случилось... Однажды после великолепного приема в честь Неарха и его спутников Александр принял ванну, как делал это обычно перед сном, и собирался было лечь, но, вняв просьбе Медия, отправился к нему на пир. Там он пил весь следующий день, а к концу дня его стало лихорадить. «Некоторые писатели утверждают, будто Александр осушил кубок Геракла и внезапно ощутил острую боль в спине, как от удара копьем, – все это они считают нужным измыслить, чтобы придать великой драме окончание трагическое и трогательное. Аристобул сообщает, что, жестоко страдая от лихорадки, Александр почувствовал сильную жажду и выпил много вина, после чего впал в горячечный бред и на тридцатый день месяца десья умер». Согласно новым исследованиям, Александра Великого, одержавшего немало побед, сокрушившего Персидскую империю и вторгшегося в Индию, погубила инфекция западно-нильского энцефалита, лихорадка.

После смерти Александра Греция и Македония оказались обескровлены на несколько столетий вперед и так и не вернулись к былому величию. Говорят, что, умирая, Александр сказал друзьям: «Вижу: великие будут жертвы над моею могилою». Возможно, он

должен был сказать: «Вижу большие беды для наших стран над моею могилою!» Кроме того, гибель цвета нации исчерпала элиту страны. Величие покинуло ее... Поэтому, когда он умер, оратор Демад сказал: «Нынче у македонян такое безначалие, что стан их похож на киклопа (циклопа), которому выкололи глаз». Кроме того, любая широкомасштабная война, принося прибыль очень узкому кругу лиц, обескровливает и убивает всю нацию. Это надо иметь в виду тем, кто вовлекает страну в преступление. Война – это еще и грабеж. Упомянутый А. Ранович писал: «...эта армия паразитов, которая ничего не производила, а лишь разрушала и потребляла, расплачивалась за покупаемые товары деньгами, исторгнутыми от самого населения». Эллинистический правитель Антипатр признавал, что все его войско живет за счет населения. Таков несправедливый порядок.

Гробница, в которой похоронен Александр Македонский

Что лежит за военной канвой походов Александра? Какова, если угодно, их культурно-историческая миссия? На острие копий принес он в Азию политические и гражданские ценности, институты, идею гражданства, гражданской общины, ставшую высшим достижением Древнего мира, но это был, скорее, дар древних эллинских республик, который те оставили в наследие. Известный знаток античности в России XIX в. М.С. Куторга считал, что в политике эллины выработали идеи, составляющие их величие, их неоспоримую

собственность: идею свободы гражданина и идею свободы мысли. Эти две идеи имели всемирно-историческое значение, ибо послужили фундаментом будущего успеха. Перенесенные после завоеваний Александра Македонского в Азию, они преобразили Восток, подготовили Древний мир к пониманию и принятию христианства. Поднятые вновь на щит в Западной Европе в эпоху Возрождения, они преобразовали Западную Европу и доставили ей «всеми нами признаваемое и как бы созерцаемое первенство». Высказывание сделано в эпоху господства

Европы в политике, экономике, науке и поэтому нуждается в корректировке.

Филипп II и Александр Македонский

Старик рыбак эпохи эллинизма

Масштабные завоевания отразились на экономической жизни Эллады и Востока, создав новые возможности для торговли. Проложив путь в Среднюю Азию, Индию, Александр связал эти районы с Европой, Египтом, Аравией, Кавказом, Причерноморьем. Возросло количество драгоценных металлов в обращении. Введение единой для Греции и Передней Азии монетной системы активизировало обмен. Золотые статеры, серебряные тетрадрахмы с изображением Александра Македонского получили широкое распространение, их продолжали чеканить долгие годы и после его смерти. В политике Александра в основных чертах выражена экономическая программа государств Эллады: военная колонизация, создание старых и новых автономных городских центров, укрепление рабовладения, мероприятия, способствующие развитию сельского хозяйства, ремесла и обмена. Возникло несколько новых крупных центров – Александрия в Египте, Александрия Ариана, Александрия Арахосия, Александрия Маргеана, Александрия Эсхата. Историк П. Фор, подводя итог жизни и

деятельности Александра Великого, писал: «Представляющиеся нам кровавыми завоевания не могли иметь места без всемогущей *virtu*, доблести победителя при Херонее, Иссе и Джалапуре. На службе у завоевателя состояли 50 инженеров или ученых, но без него, без его личной мощи, без его ума и решительного духа они бы остались бесплодны и не смогли бы создать ни единства империи (в чем убедила его смерть), ни покровительства искусстваам, ни исследовательского духа, ни долгот и широт, ни пришедших из Индии цифр, которыми. пользуемся и поныне». Личность решает все.

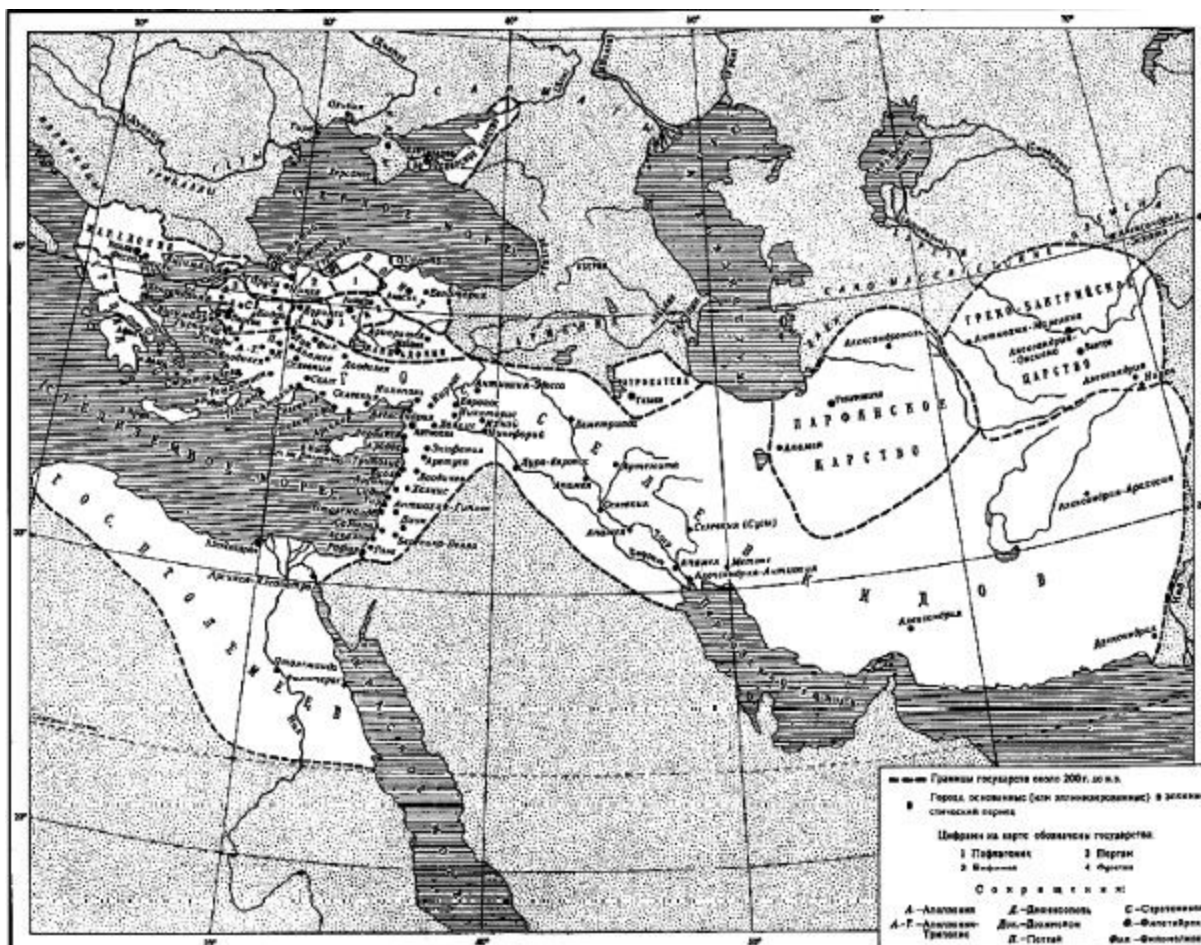
Завоевания вели к новым географическим открытиям. Путешествие Нearchа от устья Инда к устью Тигра и Евфрата привело к открытию новых морских путей, была послана экспедиция для изучения побережья Гирканского (Каспийского) моря. Когда в 324 г. до н. э. Александр принял участие в экспедиции к устью Евфрата, у него возник план направления этой реки по новому руслу и орошения новых земель. С экономическими целями был связан и намечавшийся поход через Персидский залив, для предварительного исследования пути в Аравию были посланы три экспедиции. Весной 323 г. до н. э. в Вавилоне шли самые оживленные приготовления к этому новому походу. Сюда стали прибывать войска из Кари и Лидии, появились отряды наемников. Александр задумал новую реорганизацию армии. Смерть его в 323 г. до н. э. прервала планы. Хотя и возникла громадная империя, в состав которой вошли ряд областей на Востоке, весь бассейн Эгейского моря, значительная часть Балканского полуострова, македонское завоевание, как и американское в Афганистане и Ираке в наши дни, свелось к захвату городских центров, военных опорных пунктов, стратегических дорог.

Александр ограничился требованием признания его верховной власти и уплаты податей под контролем македонских правителей, а не стал стремиться к изменению и ломке вековых традиций, устоев древних цивилизаций. Македонское завоевание изменило расстановку и соотношение сил в Восточном Средиземноморье и Передней Азии, но не смогло обеспечить целостности и прочности самой Греко-македонской империи. В конце концов оно еще более обострило социальные противоречия как в Европе, так и на Востоке. Таков же результат похода наследников-глобалистов – он ведет к краху.

Воины Железной империи

Ограниченный характер усилий Александра просто очевиден. А.В. Коптев в «Античной цивилизации» пишет, что действия Македонии по завоеванию Азии стали следствием борьбы за самостоятельность эллинов с ближневосточной цивилизацией. Но в ответ на вызов Азии греки заявили о необходимости политического объединения всего эллинского мира. За этим должен был последовать их поход на Запад. Планы похода Александра (а также неудачный поход Зопириона в Причерноморье, а позднее и Александра Молосского и Пирра в Южную Италию и Сицилию) вместе с завоеванием (Малой) Азии, окажись они удачными, могли создать единый рынок Древнего мира, но не единый мир. В центре внимания, пусть и не совсем осознанно, были экономические проблемы регионов Европы и Средиземноморья, где сошлись интересы множества субъектов. Другое дело, что походы Александра продемонстрировали лишь геополитическую вероятность проникновения в Азию. В орбиту греко-македонской экспансии попали территории, чуждые античной цивилизации в плане культуры, нравов, а их развитие определялось иными соционормативными принципами. Оттого и держава Александра, несмотря на величие его исторической авантюры, оказалась «заведомо нежизнеспособной» и непрочной.

Эллинистические государства

К 323 г. до н. э. (год смерти Александра) его держава охватила Балканский полуостров, острова Эгейского моря, Египет, Переднюю Азию, южные районы Средней Азии, часть Центральной Азии, вплоть до нижнего течения Инда. Заметим, что в результате походов и битв ему удалось, говоря условно, овладеть только «половиной европейского мира». К. Ясперс считал, что западная цивилизация лежит, в основном, до Инда: «Тогда резкая граница между великими культурами должна проходить между Персией и Индией. До Инда европеец может еще считать, что он находится в Европе, утверждает лорд Эльфинстон (которого цитирует Гегель)». После смерти Александра развернулась схватка за его наследие. Важнейшей политической силой державы была армия, которая и определила форму государственного устройства в разных частях империи. В результате

непродолжительной борьбы между пехотой и гетайрами (отборной конницей) и было достигнуто соглашение, по которому держава сохранялась как единое целое, а наследниками провозглашены Арридей, побочный сын Филиппа II, и ожидавшийся женой Александра Роксаной ребенок. Фактически же власть оказалась в руках небольшой группы знатных македонян, занимавших при Александре высшие воинские и придворные должности; регентом при слабоумном Филиппе III (Арридее) и Александре IV (сыне Роксаны) стал сподвижник Александра Пердикка, управление Грецией и Македонией было оставлено за Антипатром и Кратером, Фракия же была передана Лисимаху. В Малой Азии самое влиятельное положение занимали Антигон (Антигон I Одноглазый), сатрап Фригий, Ликий и Памфилий. Египет был передан в управление Птолемею Лагу (Птолемею I Сотер). Важные командные посты занимали Селевк (Селевк I Никатор) и Кассандр (сын Антипатра). Пердикка желал упрочить единовластие с помощью армии. Его выступления против Антигона и Птолемея Лага и положили начало длительному периоду борьбы диадохов. На конец IV – начало III вв. до н. э. и приходится зарождение эллинистических государств.

Р. Пьетро. Александр и Роксана

Эллинизм – этап в истории стран Восточного Средиземноморья со времени походов Александра Македонского (334–323 гг. до н. э.) до завоевания стран Римом, завершившегося в 30 году до н. э. подчинением Египта. Термин «эллинизм» введен в историографию в 30-х гг. XIX в. немецким историком И.Г. Дройзеном. Историки трактуют термин по-разному. Одни выдвигают на первый план взаимовлияние греческой и местных, преимущественно восточных культур, расширяя иногда хронологические рамки этапа эллинизма до начала Средневековья. Другие акцентируют внимание на социально-политической составляющей эллинизма.

Ожесточенные сражения между диадохами проходили на море и на суше – в пределах Сирии, Финикии, Вавилонии, Малой Азии и особенно в Греции. Война между ними шла с переменным успехом и

завершилась в 311 г. до н. э. заключением мира, по которому диадохи выступили уже как самостоятельные, независимые правители. Последняя же формальная связь между частями бывшей державы Александра исчезла в 307 г. до н. э.: Роксана и Александр IV были убиты по распоряжению Кассандра. Военные действия в Греции начал Антигон, очевидно, с целью завладеть Македонией и македонским престолом. Его сыну, Деметрию, тогда удалось изгнать македонские гарнизоны из Мегары и Афин и сместить ставленника Кассандра. В 306 г. до н. э. Деметрий разбил флот Птолемея возле Саламина, на Кипре. После этой победы Антигон (Антигон I) присвоил себе и сыну Деметрию царские титулы (Деметрий I Полиоркет). Вскоре провозгласили себя царями и другие диадохи. В решающем сражении при Ипсе в 301 г. до н. э. Лисимах,

Селевк I и Кассандр нанесли полное поражение войску Антигона I, который погиб в бою. Деметрий же с остатками войска отступил к Эфесу, в его распоряжении оставались еще сильный флот и ряд городов Малой Азии, Греции и Финикии. Владения Антигона I были поделены главным образом между Селевком I и Лисимахом. К этому времени, в основном, определились и границы этих эллинистических государств, владений Птолемеев, Селевкидов, Вифинии и Понтийского царства. Дальнейшая борьба диадохов развернулась, в основном, на территории Греции и Македонии. После смерти Кассандра в 298 г. до н. э. разгорелась борьба за македонский престол между Деметрием I, Пирром – царем Эпира, сыновьями Кассандра и Лисимахом. Победителем вышел Деметрий I, но уже в 287–286 гг. до н. э. Лисимах в союзе с Пирром вытеснил его из Македонии и подчинил ее. В 283 г. до н. э. умер Деметрий I, взятый в плен Селевком I. В 281 г. до н. э. погиб Лисимах, разбитый Селевком, его государство распалось. В 281 или 280 гг. до н. э. был убит Селевк I. Царем Македонии с 283 г. до н. э. был сын Деметрия – Антигон II Гонат, положивший начало новой династии, объединявшей под своей властью Фракию и Македонию.

Восточные правители (гунны)

Военные столкновения на протяжении III в. до н. э. не прекращались, но носили более локальный характер. Наследники Птолемея I и Селевка I продолжали соперничать в Сирии, Финикии и в Малой Азии. Птолемеи, имея сильный флот, оспаривали господство Македонии в Эгейском море и Греции. Попытки Македонии расширить свои владения в Греции натолкнулись на сопротивление греческих полисов. В 283 г. до н. э. от царства Селевкидов отпал Пергам, в 260 г. до н. э. стала независимой Каппадокия, в середине III в. до н. э. отпали северо-восточные сатрапии и возникли независимые Парфянское царство и Греко-Бактрийское царство. Военные победы Александра были лишь мгновением в судьбе ряда стран, но экономические плоды эллинизма важнее – возникли новые крупные торговые, ремесленные центры: Александрия в Египте, Антиохия на Оронте, Селевкия на Тигре, Родос, чему сопутствовал быстрый рост товарного производства и торговли. Ремесленное производство в значительной мере было ориентировано на внешний рынок. В приморских районах

Малой Азии и Сирии были созданы новые полисы, ставшие стратегическими пунктами, административно-экономическими центрами. Установились регулярные морские связи между Египтом, Сирией, Малой Азией, Грецией и Македонией, были налажены

торговые пути по Красному морю, Персидскому заливу, в Индию, упрочились связи Египта с Причерноморьем, Карфагеном, Римом, наблюдается рост денежного обращения, чему способствовала перчеканка в монету драгоценных металлов, бывших в сокровищницах персидских царей и храмов. Новые полисы, возникшие на Востоке, привлекали ремесленников, торговцев и людей иных профессий. Полвека борьбы между диадохами – по существу, важный период становления нового эллинистического общества со сложной социальной структурой и совсем иным типом государства. Египет, даже переставший быть самостоятельным государством, с его многотысячелетней культурой исподволь продолжал питать культуру Средиземноморья, а город Александрия в IV веке до н. э. становится местом пересечения и синтеза греческой и египетской культур; правивший Александрией правитель македонской династии Птолемеи называл себя фараоном, «избранником Ра, любимцем Амона». Александрийская библиотека и Александрийский музей – храм муз и оплот науки – были обязаны своим существованием ведь не только грекам, но также и египтянам, обладавшим обширными познаниями в астрономии, математике, ремеслах и искусстве. Культурное наследие Египта продолжало жить в юлианском календаре, геометрии Герона, исследовании дробей у греческих математиков и в задаче на решение арифметической прогрессии у армянского математика VII в. Анания Ширанского. Греческие мудрецы (Пифагор и др.) хотели овладеть знаниями египетских жрецов и проводили много лет у них в ученичестве. «Огромная роль Древнего Египта в истории мировой культуры до сих пор еще не оценена должным образом, – пишет русский египтолог М.Э. Матье. – Ряд открытий в науке и технике все еще приписывается то грекам, то арабам, ибо мы узнаем о появлении этих открытий из античных или средневековых арабских источников, не подозревая подчас о том, что, в сущности, речь идет о плодотворном использовании культурного наследия древности». Однако даже после вторичного завоевания персами, а затем греко-македонцами в 334 г. до н. э. Египет, сохранивший политическую самостоятельность под управлением македонской династии Птолемеи, находит силы для нового расцвета искусства (храмы в Эдфу, Эсне, Дендере, Филах).

Александр Великий и Птолемей III (III в. до н. э.)

С образованием обширных монархий, быстрым ростом новых городов – Александрии, Селевкии на Тигре, Фессалоники и др. – переместились сюда и центры торговли и ремесла. При Птолемеи I был заложен Фаросский маяк, грандиозное сооружение Сострата, причисленное к одному из «семи чудес света». Считают, что толчок к развитию эллинизма дали война и появление особого типа людей, *miles gloriosus*, с их постоянным спросом на новые товары и предметы роскоши, сорящих деньгами. По словам российского историка М. Ростовцева, «война была поэтому до известной степени благотворным фактором в экономической жизни этого периода», а огромные армии, находящиеся в постоянном движении, требующие новых и новых капиталов, продуктов питания, снабжения и т. д., и т. п., представляли собой своего рода движущийся полис, полис очень богатый. Говоря современным языком, эта армейская громада была «огромным деловым концерном».

Александрия. Фаросский маяк

Родос

В связи с войнами Александра, ростом торговли, использованием богатств и сокровищ Ахеменидов росло и количество денег в обращении. Денежная единица Александра – драхма (равная аттической) – получила распространение всюду (в Македонии, Греции, на Востоке). Исключением были финикийские города, чеканившие свою монету. Их эталон был принят Египтом при Птолемеи I и Родосом. Правда, в оценках результатов этих войн (в социально-экономическом смысле) взгляды ученых расходятся. Так, М. Ростовцев говорит о «зажиточности» афинской буржуазии, видя в этом залог преуспевания Афин. Он считает, что, несмотря на появление в обращении после Александра громадного количества денег, цены не повысились. Торговля увеличилась, деньги были в цене, как следствие, именно при диадохах появилась благоденствующая, довольно прочно чувствующая себя «средняя буржуазия». Однако так думают не все.

Напротив, немецкий историк К. Белох считает, что войны ускорили процесс поляризации общества, вели к исчезновению

среднего класса. Но все признают процветание малоазийских городов, рост числа богатых людей. Естественно, следует задаться вопросом: а разве рост числа богачей в стране приводит автоматически к росту богатства народа? А.Б. Ранович справедливо пишет, что механическое восхваление количества богачей не обязательно является «симптомом расцвета» нации, так же как превознесение войны как экономического фактора развития скрывает «империалистический разбой и угнетение колоний». Однако с развитием торговли неизбежно идет развитие промышленности.

Бесспорно одно: в системе отношений важную роль начинает играть материальный интерес. Казалось, тут нет никакой новизны. В самом деле, этот интерес и прежде существовал на свете, но лишь в эпоху эллинизма он стал «силой и главной точкою зрения административного искусства». По словам историка И. Дройзена, александрийский кабинет оценил коммерческое значение Черного моря, и даже имелось в виду «соединить каналом Каспийское море с Черным для того, чтобы упрочить важное значение еще другого великого пути мировых сношений». Поразительно: должно было пройти 2,5 тысячи лет, чтобы «наследники Александра Македонского» в новой России приступили к реализации фантастического проекта, который выведет Центральную Азию и другие государства богатейшей Евразии в Средиземное море и далее в объединенную Европу коротким путем. В рассматриваемую нами эпоху отнюдь не были столь примитивно грубыми, как это принято считать, и политико-экономические отношения. Не обращая внимания на взаимные распри и соперничество, цари в ряде случаев проявляли и мудрость, и высокую политическую гуманность в отношении стран, которые постоянно держались «политики энергического нейтралитета».

Колосс Родосский

Знаменательное обстоятельство... Примером такой помощи Дройзен назвал помощь государств Древнего мира Родосу при землетрясении, которое низвергло знаменитый колосс, дома, стены и верфи. Родос занимал важное положение «в качестве республики и складочного места в торговых сношениях Запада с Востоком». Желая ускорить восстановление столь важного центра, государи помогли восстановить его, не извлекая никаких своекорыстных выгод из чужого бедствия. И. Дройзен прямо называет экономическую необходимость в качестве главной причины помощи: «Откуда же такое рвение к подаче помощи? Нельзя же предполагать, будто языческая древность, и особенно во время эллинизма, наделена была более сильною любовью к ближнему, нежели современная нам эпоха. Утраты Родоса были, вероятно, не в пример громаднее; это, правда, побуждало помочь пострадавшему городу, но, помимо чувства сострадания, цари и города руководились еще иными мотивами для того, чтобы выручить родосцев из бедственного состояния. Можно приписать эти мотивы коммерческому значению Родоса; это значение и составляло вместе с тем главную сущность политической важности острова. Я смело утверждаю, что сообщаемые Полибием подарки царей могут служить приблизительным мерилom коммерческой важности Родоса... и там тоже следовало опасаться возможного потрясения общих торговых

оборотов, а потому все сочли необходимым во что бы то ни стало предупредить эту беду».

Сирия. Дамаск

Если попытаться вывести общий интеграл борьбы и сотрудничества цивилизаций, то выходит: соперничающие стороны (а соперничают всегда, везде и во все времена) в каждом отдельном случае конкретно решают то, что для них будет выгоднее – воевать или торговать, может быть, воевать и торговать одновременно.

При всей значимости роли экономики геополитические, часто просто грабительские интересы продолжают играть главную роль в

системе взаимоотношений в Древнем мире. Антиох III вел военные действия в Малой Азии, чтобы сокрушить власть Ахей. Сам Ахей был захвачен во время осады Сард и предан мучительной казни. Укрепив свою власть, Антиох III начал знаменитый восточный поход (212–205 гг. до н. э.), целью которого было восстановление власти Селевкидов над утраченными восточными провинциями. Базой для похода послужила Мидия. Для получения денежных средств по приказу Антиоха был ограблен храм Анахиты в Экбатанах, что дало ему огромную сумму – 4000 талантов. Результат похода: покорение Парфии и Греко-Бактрии. Правда, те сохранили свою государственность как вассальные по отношению к Селевкидам царства. Затем Антиох перешел Гиндукуш и вторгся в пределы Индии. С местным царем Софагасеном Антиох заключил договор, получив индийских боевых слонов. Обратный путь его армия совершила по земле Южного Ирана. Антиох укрепил позиции своего государства в Персидском заливе, из Персиды он осуществил экспедицию в Аравию. Он придавал столь большое значение походу, что по его завершении присвоил себе имя «Великий». Затем Антиох III вернулся к проблеме взаимоотношений с Птолемеями. Опираясь на союз с Македонией, он смог захватить Южную Сирию, Финикию и Палестину, а позднее и ряд принадлежавших Птолемеям городов в Малой Азии. В это время Антиох III столкнулся с Римом. До этого он захватил Фракию, поддерживая в Греции всех тех, кто был недоволен римской властью. Римляне начали готовиться к схватке с Антиохом, ведя дипломатическое и пропагандистское противоборство. Римская дипломатия, правда, оказалась успешнее, ведь союзниками Рима стали Пергам, Родос и, что особо важно, Македония, недавно потерпевшая поражение от римлян, на поддержку которой и рассчитывал Антиох.

Можно сказать, что семена Греции упадут на почву, подготовленную успехами греческой культуры и походами Александра Македонского. Ушел один мировой властитель, вскоре объявился другой. И. Дройзен писал о всемирно-исторической роли эллинизма: «Этими выводами подтверждается высокое значение того охватившего весь мир единства, какое стало развиваться со времен завоеваний Александра и благодаря духу греческой цивилизации. Это единство обрело свою энергию по преимуществу в космополитическом характере греческой культуры, сумевшей преодолеть прежнее

кичливое разобщение между греками и варварами». Что же принесла миру смена мирового властителя?! Что происходит со странами и народами с появлением Римской республики? Что привнес Рим в мир вчерашний и в мир нынешний? И не являемся ли все мы, в хорошем и в плохом, его наследниками?! Не идем ли мы к тому, что народ предпочитает все чаще свободе и мыслям – хлеб и зрелища?! Разве приход к власти Цезаря не стал своего рода «римской революцией»?! Т. Холланд, автор книги «Рубикон. Триумф и трагедия Римской республики», признал, что, думая о Древнем Риме, обращался «к Москве не реже, чем к Лондону или Нью-Йорку».

ПОЯВЛЕНИЕ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ РИМСКОЙ ДЕРЖАВЫ. СХВАТКА РИМА И КАРФАГЕНА

История – гениальный режиссер драмы, возможно, трагедии, носящей название «Развитие человечества». Каждый народ, отмеченный судьбой, имеет свою собственную роль в многовековом спектакле. В урочный час на смену Греции явился Рим. Плутарх не случайно рассматривает Грецию в связке с Римом. Говорят, что в его трудах видно «желание уйти от печальной действительности», когда ни на минуту нельзя забывать, что над головой правителей греческих городов навис римский топор, и когда римским эллинофилам приходилось убеждать своих соплеменников в том, что, как ни жалки «грекосы» (graeculi), «их не следует презирать, помня их прошлое». Хотелось чувствовать себя представителем величайшего, храбрейшего, одареннейшего из всех народов, когда-либо живших на земле (С. Лурье). Да и кого еще могли взять римляне для сравнения, кроме греков?

Структура сочинений Плутарха понятна. Греция представляла собой идеальный материал, в сравнении с которым можно более или менее объективно и разносторонне показать преимущества великого Рима, его достоинства. Предпочтение отдано римлянам, ибо те оказались сильнее и эффективнее не только на войне, но и в государственном управлении, в геополитике... И дело тут не только в

преклонении перед силой, хотя и это играет роль, но и в уважении к истории... Историческую правомерность завоевания Греции Римом отмечал и Полибий, хотя, возможно, в таком подходе историка нашли отражение и тактическо-конъюнктурные моменты. С. Аверинцев в работе «Плутарх и античная биография» предполагал, что если бы Плутарх написал только биографии великих греков, то это могло бы быть истолковано иными как выпад против Рима, и совсем другое дело, когда каждому греку противопоставлен *alter ego*, великий римлянин. В любом случае Рим – наследник Греции. В дальнейшем перечень героев «Сравнительных жизнеописаний» стал своего рода канон великих мужей греко-римской древности, где читателю были предложены нравственные образцы для подражания.

Плутарх

Плутарх создает новый тип биографии – биографию как моралистико-психологический этюд. Это имело историко-литературные и историко-культурные последствия для Европы нового времени. Концепция канона великих людей была с жадностью воспринята родившимся в XVIII–XIX вв. историческим сознанием европейских наций, отсюда характерные заглавия – «Немецкий Плутарх», «Французский Плутарх», «Плутарх для дам» и т. д. Влияние Плутарха видно и в романах – от «Принцессы Клевской», «Манон Леско», «Тома Джонса», «Вертера», «Давида Копперфилда» до «Анны Карениной» и «Жан Кристофа». По словам О. Мандельштама, «мера романа – человеческая биография или система биографий». Вспомним,

что шекспировские «Кориолан», «Юлий Цезарь» и «Антоний и Клеопатра» являют собой не что иное, как гениальную инсценировку трагедий Плутарха. Херонейский мудрец в этих произведениях дал ключ к пониманию роли личности.

Конечно, был еще один достойнейший соперник у римлян, это Александр Великий. В этой связи стоит упомянуть и о римской депутации к Александру Македонскому... Д.В. Бубнов считает, что это посольство позволяет раскрыть первые шаги римской дипломатии, но и, что гораздо важнее, помогает понять и оценить отношение римлян ко всему тому, что назовут эллинистическим миром, «в тот период, когда Рим еще находился в начале пути к мировому господству». Известием о посольстве римлян в Вавилон к Александру мы обязаны Клитарху. Текст сообщения сохранил и донес до нас Плиний Старший. Говорят, Александр предсказал римлянам их будущую мощь. Арриан, говоря о планах дальнейших предприятий царя, сообщает, что тот намеревался якобы совершить поход в Сицилию, так как его начали беспокоить распространявшиеся слухи о римлянах. Ливий, приводя сравнение сил и возможностей Александра и римлян в случае возможной войны, высказывался в том смысле, что в Риме в то время не слыхали даже и имени великого завоевателя. Излагая сведения о римском посольстве, Арриан осторожнее в суждениях и лишь на основании молчания о послах и римских, и наиболее авторитетных с его точки зрения греческих авторов (Птолемея и Аристобула), имея в виду свободный дух Римского государства, приходит к выводу о невероятности упоминаемого события. Арриан и Ливий не находят подтверждения достоверности известия о посольствах в римских источниках. Римский историк Ливий говорит, что нельзя даже сравнивать успехи человека, которому сопутствовала удача в течение нескольких лет, «с деяниями народа, воюющего уже четыре столетия». Ливий, ставивший вообще невысоко способности азиатов к войне, писал: «И будь даже начало похода успешным, все равно не раз бы пришлось Александру, вспоминая персов, индийцев и смирную Азию, признать, что до сих пор ему доводилось воевать с женщинами. Именно это, говорят, промолвил эпирский царь Александр, когда, смертельно раненный, сравнил поход этого юноши в Азию со жребием, выпавшим на его долю». И. Дройзен приходит к заключению, что делегация Рима к Александру вполне могла иметь

место. Эта аргументация была повторена и Дж. Р. Гамильтоном, сделавшим тот же вывод. И это говорит о многом. По крайней мере ясно, что эти два центра силы рассматриваются в истории как равновеликие.

Конечно же, и нам не миновать Рим, который является самым ярким и самым величественным памятником западной цивилизации. По сути дела, мы говорим – Европа, подразумеваем – Рим, говорим – *Rex Romana*, подразумеваем – *Rex Europea*! Это единственная всемирная империя, точнее говоря, всеевропейская империя, которой в момент наивысшего ее подъема никто не мог сопротивляться (ни Карфаген, ни Сирия, ни Египет, ни Митридат, ни иудеи). Рим – древняя объединенная Европа во всем величии могущества, в блеске славной, неувядаемой культуры. И, конечно, философ Ш. Монтескье был прав, призывая нас не пропускать ничего из того, что «может послужить к познанию духа римского народа».

Капитолийская волчица

В начале римской истории видится фигура Энея, который, как гласит легенда, после захвата Трои покинул горящий город и в итоге прибыл на земли своих предков – в Италию. Рим в стремлении к мировому господству сумел достичь тех границ, которые даже и не снились Александру Великому. В период наивысшего могущества Римской империи подвластная ей территория простиралась от

Британии до Северной Африки и от Пиренейского полуострова до Персидского залива. Расположение на Апеннинском полуострове давало римлянам большое преимущество, так как они занимали удобные как стратегически, так и экономически позиции, позволявшие им утвердиться в Европе и даже частично в Азии. Эксплуатация рабов, мелких землевладельцев, а также крестьян являлась экономической основой государственного строя Древнего Рима. Борясь за существование, маленькая *civitas Roma* постепенно растет, поглощая соседние *civitates*, и вместе с тем крепнет внутренняя организация Рима.

Эней – легендарный основатель Рима

Чем далее, тем более расширяется территория Римского государства, распространяется на Италию, захватывая близлежащие острова, затем все побережье Средиземного моря, и вот на исторической сцене появляется огромное государство, объединяющее под своей властью почти весь тогдашний культурный мир. Рим и становится синонимом мира... Вместе с тем Рим изменяется и внутренне: старый патриархальный строй рушится, примитивное натуральное хозяйство заменяется более сложными экономическими отношениями, но унаследованные им от древности социальные перегородки стесняют. Новая жизнь потребует наивысшего напряжения всех сил, способностей каждого отдельного индивида. В соответствии с этим римское право меняет свой характер. Начала индивидуализма, свобода личности, договоров и завещаний стали теми понятиями, что легли в основу римского права и правовой культуры. Эти фразы часто можно услышать и сегодня из уст поклонников римской культуры.

В период республиканского правления Рим и в самом деле мог быть назван «совершенным государством» для своего времени. В то время народ еще чувствовал собственную силу, не позволяя владычествовать над собой ни аристократам, ни олигархам. Примером того, что тогдашнее правление отвечало интересам большинства, является тот факт, что за 300 лет, от Тарквиния до Гракхов, по словам Никколо Макиавелли, «смуты редко-редко доходили до изгнаний граждан, а еще реже до кровопролитий». Дату основания Рима – 21 апреля 753 г. до н. э. – ныне римляне называют днем рождения отечества. Ромул и Рем, вероятнее всего, лишь легенды. Но ведь и легенды, как и древние мифы, несут в себе важную и глубокую информацию, являясь в ряде случаев ключом к пониманию судьбы страны. Но, учитывая, что Рим рассматривается как пример наиболее успешной западной модели правления древнего времени, никак нельзя забывать о том, что создатель Римского государства Ромул, герой, почти святой, начал правление с убийства брата – Рема... И еще замечательнее слова Макиавелли, этого классика государственно-правовой школы Запада, слова, оценивающие действия: «Итак, приняв все это во внимание, я заключаю, что необходимо быть одному, чтобы учредить республику, и что Ромул за убийство Рема и Тация (Тит Таций был избран ему в соправители. – *Ред.*) заслуживает извинения, а

не порицания». При этом мыслитель западной школы называет Ромула не иначе как «основателем гражданского общества».

Над трупом врага

Итак, мы вынуждены сделать вывод, что для западного человека, т. е. для европейца эпохи накопления капитала, убийства соправителя, как и брата, если их осуществить успешно, не могут быть основанием для порицания, но извиняемы — с точки зрения «гражданского общества»... Представляется необходимым взглянуть на Рим не с парадной стороны его побед и захватов, увидеть не в золотой тоге триумфатора, а, так сказать, изнутри, оценивая социально-экономические последствия господства. Столь же показательна легенда о том, как один из царей Альба-Лонги, города, где якобы

правили потомки Энея, умирая, призвал двух сыновей – Нумитора и Амулия – и сказал им: «Пусть каждый выберет себе, что пожелает. Один пусть возьмет корону и власть, другой – все мое богатство». Амулий взял себе все золото и вскоре сверг своего брата, захватил власть в городе. Так войны, погоня за властью и богатством станут историей Рима, станут опорой его могущества и основой философии Запада и его бед.

Финикийские торговцы

В истории Рима немало интереснейших страниц, но невозможность объять необъятное вынуждает нас сузить тему историей схватки Рима с Карфагеном, историей гражданских войн, эпохой правления Августа. И сделать главное: обратить внимание на экономические причины и итог всех этих завоеваний – как для победителей, так и для побежденных... С Пунических войн, войн против могущественного Карфагена, города-державы, расположенного на побережье Северной Африки, созданной некогда выходцами из Финикии, семитами с Ближнего Востока, строго говоря, начинается история Рима как имперской державы. Финикийцы были ханаанеянами, племенем, жившим между Ливанскими горами и морем, говорившим на семитском языке. Римляне называли их «поны» (слово трансформируется в «пуны», отсюда – «пунийцы»). Финикийцы были превосходными торговцами и торговали со всем миром,

доставляя из Индии – драгоценные камни, пряности, слоновую кость и благовонное дерево, из Египта – лошадей, лен, хлопок, из Африки – золото, черное дерево, слоновую кость, черных рабов, перья страуса, из Испании – пшеницу и серебро, с островов Греции – медь, олово, мрамор, моллюсков, используемых для производства краски, из Ассирии – ценные ткани, ковры, благовония, финики, с Кавказа – металлы и рабов. Их рынки рабов поставляли невольников и слуг во все дворцы Ближнего Востока и Египта. Сей народ, имевший двухтысячелетнюю историю, был прекрасным мореходом и колонизатором. Итогом усилий этого народа стало основание ими на территории Туниса в XI в. до н. э. ряда городов, в числе которых был и Карфаген (основан в 814 г. до н. э.). По легенде, основательницей Карфагена стала царица Тира – Элисса (или Дидона). В дальнейшем финикийцы основали на островах Средиземного моря свои поселения и базы, а также города Гадес и Тартесс на Иберийском полуострове. Финикийцы разбросали колонии, словно сети в запруде, по всем морям. Их города, торговые фактории превратились в пункты сбыта множества товаров. Римлянин Саллюстий писал: «Впоследствии финикияне, одни – чтобы уменьшить численность населения на родине, другие – стремясь к господству, побудив простой народ и других людей, жадных до переворотов, основали на морском побережье Гиппон, Гадрумет, Лепту и другие города, и те, вскоре значительно усилившись, стали для своих городов одни оплотом, другие украшением». Финикийские колонии поддерживали связь со своей метрополией – Тиром, платя ему дань (Карфаген). Финикийский язык превратился в международный язык купцов («лингва франка»).

Дидона

Потребности торговли вынуждали мореплавателей находить путь по звездам, а это предполагало знание астрономии. Торговцу нужно было иметь также представление о способах производства товаров, которые он покупал, о разных ремеслах; он должен был уметь ориентироваться на местности, знать обычаи и, желательно, языки других народов. Купцы стремились дать детям разностороннее образование, обучая их математике, чтению и письму, а также иным наукам. Географ Страбон писал, что финикийцы «занимались научными исследованиями в области астрономии и арифметики, начав со счетного искусства и ночных плаваний. Ведь каждая из этих отраслей знания необходима купцу и кораблевладельцу». Называют и имя мудреца Санхуньятона из Берита (Бейрута), что «еще до Троянской войны» написал историю Финикии. В эллинистическую эпоху славились уроженцы Финикии – мыслитель Зенон из Китиона на Кипре (не путать с Зеноном из Элеи, автором известных парадоксов-апорий) и поэт Антипатр Сидонский, писавшие по-гречески. Финикийцы пытались обрести независимость, но сделать это в регионе, который постоянно подвергается нашествиям более сильных

держав, было крайне затруднительно. В 350 году до н. э. они подняли восстание под руководством Теннеса, но силы оказались неравными. Семь лет спустя царь Артаксеркс III дотла разорил Сидон, истребив 40 тысяч жителей. Затем пришел Александр Македонский. В 332 году до н. э. он подверг не меньшим разрушениям Тир. Ничто не помогло финикийцам: ни мужество граждан, сопротивлявшихся завоевателям, ни кровавые жертвы богам, включая жертвы человеческие. Под башнями и воротами возводимых городов они закапывали младенцев, после военных побед закалывали пленных, а когда приходила беда, приносили в жертву собственных детей. В отрывке из Санхуньятона говорится: «Во время великих бедствий финикийцы приносили в жертву кого-нибудь из самых дорогих людей». Диодор Сицилийский сообщает о медной статуе божества, якобы из рук которого обреченное дитя и падало в священный огонь. Статую звали Молохом (по ханаанейски «царь»), что и породило легенду о жестоком боге. Возможно, никакого Молоха не было вовсе, а жертву посвящали покровителям города.

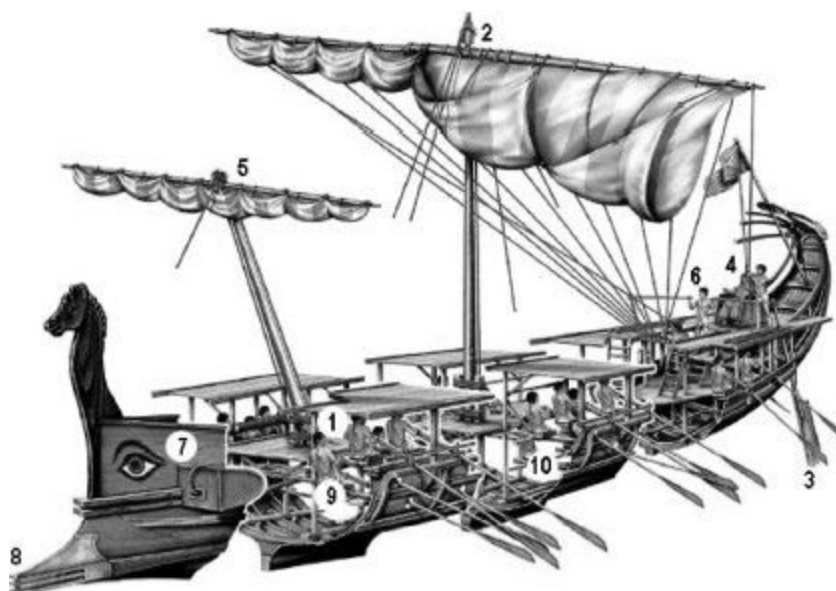

Схема финикийской триремы

Финикийской колонией был Карфаген, ставший вскоре республикой. В итоге бурной деятельности Карфаген фактически подчинил себе все главные торговые пути в Средиземноморье, став

самым могущественным финикийским городом на Западе. Никто не мог сравниться с ним ни по мощи флота, ни по размаху торговли. Риму по мере его усиления приходилось иметь дело с Карфагеном. Между ними были заключены мирные договора (в 508 и 348 гг. до н. э.), по которым за Карфагеном были закреплены Африка и Испания, а Рим получил право торговать с Сицилией и сохранять в неприкосновенности берега Италии. Но уже договор 306 г. до н. э. ограничил право Рима плавать в южной части Средиземноморья. Было ясно, что стратегические интересы двух держав, острейшая конкуренция между ними, необходимость контролировать торговые пути должны были неминуемо привести к вооруженному конфликту. Так в 264 г. до н. э. вспыхнула 1-я Пуническая война Рима с Карфагеном.

Монох – жестокое божество

Причиной войны стал конфликт торговых интересов – вечная, как мир, истина. Война – это человеческое жертвоприношение, не столько даже идолу власти, сколь идолу золота и богатства. Столкнулись и не могли не столкнуться два крупнейших торговых города – Карфаген и Рим, порт Лациума, на гербе которого красовалась галера. В ходе двух

жесточайших войн Карфаген потерпел поражение. И хотя при этом Ганнибал нанес Риму ряд сокрушительных поражений, в конце концов победа все же оказалась за Римом. Почему это произошло? Немецкий военный историк Г. Дельбрюк в труде по истории военного искусства подчеркивал, что излагать события этой войны подробно нет смысла, а важнее понять, почему даже стратегический гений

Ганнибал

Карфагена и его богатства не смогли обеспечить ему превосходство. Тут приходится обратиться к статистике, вдохнув «жизнь в мертвые статистические данные». Выясняется, что у Рима, если даже не брать в расчет талант ее полководцев (Сципиона и проч.), были более значительные людские ресурсы и лучшее государственное устройство. Кроме того, и это мы считаем особенно важным, к тому времени существовал союз итальянских государств, «союз нерушимый республик свободных». Только он и мог выдержать небывало суровое напряжение битв с Ганнибалом (поражение при Каннах и проч.). Была еще одна, возможно, наиважнейшая причина. Римляне защищали дом и собственность от нападения агрессора, каковым был в их представлении Ганнибал.

Публий Корнелий Сципион это и говорит Ганнибалу в ответ на его предложения мира римлянам. «Сами боги – свидетели в том, что даровали победу не той стороне, которая несправедливо нападала, но той, которая защищалась от нападения. Если бы ты предложил эти условия мира раньше, до перехода римлян в Ливию, и добровольно очистил Италию, ты не ошибся бы, я полагаю, в своих ожиданиях. Но тебя вынудили удалиться из Италии, а мы перешли в Ливию, так что положение дел сильно изменилось. Что остается делать? Вам остается или отдать себя и отечество ваше на наше благоусмотрение, или победить нас на поле сражения». В сражении Карфагена и Рима последний выступает обороняющейся стороной, хотя и преследующей свои определенные военно-политические и экономические интересы. Как и битвы греков против персов или как Пелопоннесские войны, походы римлян и карфагенян напрягали ресурсы не только самих воюющих сторон, но и множества племен и народов. В этой битве победитель, можно сказать, получал все, остальные были в проигрыше.

Сципион

Г. Дельбрюк пишет: «В Риме же условия были таковы, что из года в год на самых отдаленных театрах военных действий находились под оружием почти все боеспособные мужчины. Из рабов также большая часть посылалась в легионы или на морскую службу. Буквально непостижимо, как в таких условиях могли идти своим чередом хозяйственная жизнь страны и ее финансовое управление. Кроме налогов, должны были быть предоставлены, в особенности поставщикам, кредиты до конца войны. Сицилия была выжата до отказа, падение курса облегчало должников, денежные ресурсы таяли. И в то время, когда римская конституция таким образом предоставляла в распоряжение государства силы собственного народа, вырастала хорошо продуманная система союзного государственного устройства, которое увенчивал город на Тибре». При прочих равных условиях победителем оказалась та держава, которая сумела сплотить народы, входившие в ее состав. Как видим, не все оценивается только деньгами, передовой техникой, даже талантом полководца. Ключевую роль играет дух народов, вовлеченных в историческую схватку. Важен политический курс державы-гегемона.

Н. Пуссен. Великодушие Сципиона

Римские политики вроде Сципиона не жалели сил на разъяснение их позиций другим народам. Так, во время войны с Антиохом он писал

много «открытых писем», где сформулировал основные принципы внешней политики Рима. Полибий, который пересказывает письма, говорит, что «римляне ни одного из наследственных царей не лишали власти, напротив, сами восстановили некоторых владык и пределы их могущества расширили». Рим вел себя так в Иберии, Ливии, Элладе. Обращаясь к сенату и народу Гераклеи, Сципион писал: «Мы дружелюбны ко всем эллинам, а так как вы отдались на нашу милость, мы постараемся сделать все возможное для вас и постоянно быть вам полезными. Мы даруем свободу вам и всем другим государствам, которые вручили себя нам, мы даем им автономию во всех делах, и во всех других отношениях мы постараемся постоянно вам помогать». Все это очень напоминает действия некой современной империи, которая готова предоставить «автономию во всех делах» всем тем странам и народам, которые только проявят «благоразумие», «отдавшись на ее милость». Но если нет – горе побежденным...

Рим будет преследовать стойкого врага до границ ойкумены, до полного уничтожения. После того как в серии сражений Ганнибал был разбит, он дошел до Тира и у основателей Карфагена был принят, по словам историка Ливия, как «прославленный соотечественник, со всеми возможными почестями». Оттуда он двинулся к Антиоху, правителю Сирии, где и продолжал с яростью и упорством вести борьбу с Римом не на жизнь, а на смерть. Ливий приводит и речь Ганнибала, обращенную к Антиоху: «Когда, Антиох, я был еще малым ребенком, мой отец Гамилькар как-то во время жертвоприношения подвел меня к алтарю и заставил поклясться, что никогда не буду я другом римского народа. Под знаком этой клятвы я воевал тридцать шесть лет, она же изгнала меня из отечества во время мира, она привела беглецом в твой царский дворец, и если ты обманешь мою надежду, я, ведомый все тою же клятвой, разузнавая, где еще есть военные силы, где есть оружие, по всему свету стану искать и найду врагов римлянам... Я ненавижу римлян и ненавистен им!» Первое впечатление таково, что перед нами какой-то безумный наемник, «солдат удачи», для которого просто нет в жизни другого смысла, кроме борьбы на поле сражения. Даже и Полибий называет его «единственным виновником, душой всего, что претерпели и испытали обе стороны, римляне и греки». Однако узкоперсоналистский взгляд на причины широкомасштабных исторических конфликтов крайне

уязвим и неверен. Эту точку зрения обычно избирают, поддерживают вполне определенные политические и экономические круги, которые желают снять с себя ответственность как с главных виновников империалистических или гражданских войн.

Энгр. Антиох и Стратоника

Весьма удобная, выигрышная позиция: назвать одного козла отпущения – Ганнибал, Цезарь, Тамерлан, Наполеон, Гитлер, Чемберлен – и счесть проблему благополучно разрешенной. Но остаются в тени истинные виновники, монополисты, милитаристы, грабители, чьи финансово-коммерческие и военные интересы и ведут к войнам. У того же Ливия встречаем свидетельство, согласно которому, полководец римлян Сципион после боя «занял вражеский лагерь, разграбил его и вернулся с несметной добычей к морю». В другом случае, говоря на сей раз о македонских полководцах и хваля старых царей, он прямо говорит и о целях войн: «Что толку уничтожать то, из-за чего и ведется война? Ведь тот, кто это делает (уничтожает и истребляет добычу победителя. – *Ред.*), не оставляет себе самому ничего, кроме самой войны». Некой аксиомой являлось то, что войско в Риме, Персии, Македонии да где угодно, набравшееся, как правило, из бедных граждан, рассчитывает не только на скромное жалованье, но

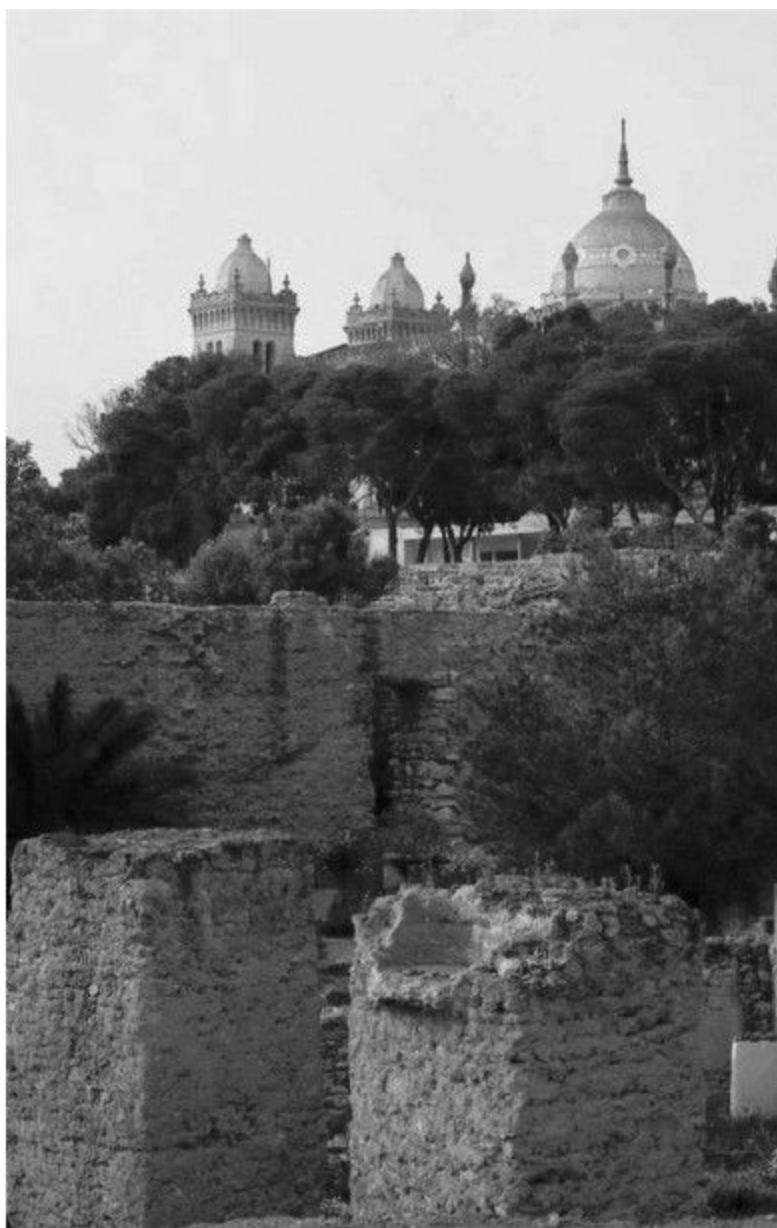
и на щедрые подарки императора или царя. Так, известно, что Сулла насильственно отобрал для своих ветеранов земли у итальянских крупных и мелких собственников, что обострило земельный кризис и экономическое положение в стране. Мы уже не говорим о постоянных грабежах и захватах добычи войском.

Война с Карфагеном

Подтверждением того, что в основе завоеваний лежали финансовые и экономические интересы захватчиков и победителей, служит и та контрибуция, которую возложил Рим на Карфаген после победы в 1-й Пунической войне и договора 241 г. до н. э. Контрибуция составила 2200 евбейских талантов, а после побед во 2-й Пунической войне – уже 10 000 талантов. Но самым жестоким ударом для карфагенян, нации торговцев, был приказ Сципиона сжечь все их корабли. Весь их флот, за исключением 10 кораблей, уничтожат на глазах потрясенных жителей Карфагена. Но и по завершении III в. до н. э. промышленно-торговое присутствие пунийцев в этом бассейне Средиземноморья, т. е. в пространстве «общего рынка» древности, прослеживается весьма заметно. Видимо, несмотря на все статьи договора, флот у Карфагена сохранился, ибо, по словам Аппиана,

пунийцы стали строить новый порт в расчете на 220 военных судов. И это означало, что Карфаген не сдался, он готовился к реваншу. Стремление возродить боевую мощь и «цветущее состояние карфагенской экономики» заставят Рим нанести последний, смертельный удар. Карфаген будет уничтожен не только как экономический, но и как главный геополитический противник Рима, он лишится и своей политической независимости. Город был сожжен и разрушен до основания, а по его земле торжествующий цивилизатор провел межу как знамение того, что тут ничему впредь не быть.

Останки Карфагена

Говорят, что потрясенный Эмилиан, знаток литературы, философии и истории, смотрел на языки пламени, охватившего величественный храм, и вспоминал старое предание о царице Дидоне, основательнице Карфагена. Она шагнула в костер, предпочтя умереть, но не остаться в руках африканского вождя. Вспомним, как иной «цивилизатор» хотел сделать то же самое с Москвой и Петербургом – сжечь их! К счастью, ему это не удалось.

Более ста лет земля Карфагена, распаханная и посыпанная солью в знак вечного проклятия, стояла пустой.... И только в 29 году до н. э. римляне позволят там селиться людям. Возник новый Карфаген, один из городов Римской империи, с прямыми улицами, амфитеатром, форумом, другими признаками римской цивилизации, но просуществовал он недолго. Карфаген стал главным городом римских провинций в Северной Африке и третьим (после Рима и Александрии) городом в империи. Он служил резиденцией проконсула провинции Африка, которая в представлении римлян в большей или меньшей степени совпадала с древней карфагенской территорией. Тут расположена администрация императорских земельных владений, составлявших значительную часть провинции. Многие знаменитые римляне связаны с Карфагеном и его окрестностями, например, писатель и философ Апулей в юности учился в Карфагене, а позднее добился там громкой славы благодаря своим греческим и латинским речам, и в его честь на земле Карфагена даже воздвигались статуи.

Новый Карфаген

Уроженцами Северной Африки были и наставник императора Марка Аврелия, Марк Корнелий Фронтон, а также император Септимий Север. Когда Римская империя стала трещать и разваливаться под ударами варваров, Карфагеном завладели вандалы, и город стал столицей их королевства, а затем вошел в состав Византийской империи, мирно прозябая в провинциальной тиши, пока не осуществилось пророчество Катона. Возмездие настигло наследников цивилизации, что насаждал в Африке Катон. В VII в. арабские завоеватели смели с лица земли римский Карфаген. Город исчез, и его нет на географических картах. О том, сколь грандиозные последствия имела победа над Карфагеном для Рима, ее финансово-промышленной и земледельческой верхушки, писал Тойнби в книге «Наследие Ганнибала» (1965). В ней он отмечал, что вторжение пунийского полководца стало первопричиной того, что он называет «Столетней Римской революцией». Другие также считают, что поход Ганнибала оказал на Рим и всю Италию «давление такой огромной силы, настолько ускорил ход событий, что его можно смело считать причиной «мутаций», поразительных не только быстротой своего возникновения, но и широчайшим размахом». Тогда, после победы в схватке с Карфагеном, и зародился римский империализм.

Средиземное море

Автор биографии о Ганнибале, С. Лан-сель, верно схватывает момент зарождения: «Выше мы уже показали, что война против Филиппа V, начатая в 200 году, знаменовала собой акт зарождения римского империализма. Действительно, царь Македонии ничем не угрожал Риму, да и в Греции никто не помышлял об ущемлении римских интересов. С другой стороны, Рим вряд ли решился бы схлестнуться с Филиппом, если бы не успел к тому времени избавиться от угрозы, исходящей от Ганнибала, и, завладев Испанией, приступить к строительству своей средиземноморской империи.

Римская империя окончательно превратилась в нечто большее, нежели простое наследство распавшейся Карфагенской империи. Но исходной точкой неостановимого отныне процесса завоевания Римом всего западного мира, сопровождавшегося установлением его политического господства, в результате чего Рим по отношению к Западу стал тем же, чем была Греция по отношению к эллинистическому Востоку, послужили именно события, последовавшие за окончанием 2-й Пунической войны».

След Карфагена

В древности Средиземное море являлось главным морем не только региона, но и всего культурного мира. На востоке средиземноморского ареала культурные очаги возникали раньше, чем в Европе, а посему, видимо, укоренялись прочнее, отличаясь жизнестойкостью. Примером тому называют цивилизацию Древнего Египта, выдержавшую нашествия и владычество гиксосов в XVIII веке до н. э., «народов моря» в XIII веке до н. э., ливийцев в X веке до н. э., эфиопов в VIII веке до н. э., ассирийцев в VII веке до н. э., персов в VI веке до н. э., греко-македонцев в IV веке до н. э., римлян в I веке до н. э. Знаток истории Средиземноморья Ф. Бродель открыл фактор «сопротивления культур», которые вопреки всем попыткам их устранения «появляются снова, упорно стремясь выжить». Однако не меньшее значение в тот период играл и фактор «противостояния культур» или «битвы цивилизаций». С другой стороны, историк Р. Ланда пишет: «Тенденции к синтезу, синкретизму, взаимной адаптации, к осмыслению разнохарактерных вкладов в многовековое напластование культур проявляются и на других островах. На Сицилии это – культурная память о греках, Карфагене, Риме, Византии, памятники времен арабов и норманнов. На Мальте – гордость продолжительным сопротивлением исламу (в основном, османскому) и при этом использование одного из арабских диалектов в качестве национального языка. На Крите – следы завоевавших остров арабов

аль-Андалуса, пришедших сюда из Египта, память о Византии и Венеции, османах и великом соотечественнике Теотокапулосе, который в далекой Испании стал знаменитым Эль Греко. В Средиземноморье шел взаимный обмен культурными ценностями, а духовное и политическое лидерство последовательно переходило от Афин к Александрии, от Рима к Константинополю, от Дамаска к Кордове, от Палермо к Иерусалиму и от Каира к Венеции и Генуе. Миграции этносов и конфессий, начавшиеся еще с эпохи «народов моря» (возможно, намного раньше), продолжают здесь и сейчас, накладывая отпечаток на состав и характер населения, его имена и наречия, внешний вид и образ жизни, взгляды и представления». Поэтому средиземноморцы «легко ассимилируются» и со времен «Илиады» «открыты всем цивилизациям и обычаям». Это, по словам родившегося в Египте и работающего в Испании француза Поля Бальта, «живая ткань возрожденных привязанностей и вновь обретенной солидарности», живая ткань, которая выросла из войн древности. Таким образом, и целью войны является мир» (Аристотель).

АНТИЧНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И СОСТОЯНИЕ РИМСКОГО ОБЩЕСТВА

В свою очередь, римский империализм и капитализм вырастают на почве войн. Капитализм Рима был воинственным, алчным, безграничным. Его конек – политика «разделяй и властвуй» и захват все новых территорий, приносивших неисчислимые богатства и массы рабов. Источники государственных доходов главным образом были следующие: доходы с государственных имуществ (госземель), сборы с которых отдавали за известную сумму откупщикам на откуп на 5 лет. Сюда относились различные повинности населения тех провинций, что были под Римом (поземельные, контрибуционные, чрезвычайный поимущественный налог, штрафные и конфискационные суммы, военная добыча). Победа над Карфагеном, завоевание Македонии, разгром Антиоха, многочисленные удачные войны Рима доставили казне такие огромные денежные суммы, что при поступлении других государственных доходов прямые налоги на римских граждан стали излишни и не были взимаемы. На источник доходов Рима указывает и реплика Ганнибала. Желая произвести впечатление на известного полководца, Антиох устроил смотр своей огромной армии во всем ее блеске, с золотыми и серебряными значками, дорогим оружием и украшениями. Затем он поинтересовался, какое это произвело впечатление на Ганнибала: «Не считаешь ли ты, что все это достаточно

для римлян?» Ответ последовал незамедлительно. Ганнибал не без иронии сказал владыке Сирии: «Достаточно, вполне достаточно для римлян всего этого, хотя они и очень жадны». Граждане Рима в отличие, скажем, от жителей провинций обладали налоговым иммунитетом, нарушаемым только в военное время. Позднее, уже при императоре Диоклетиане (284–305 гг.), была проведена реформа, по которой при сохранении множества косвенных сборов основными налогами стали поземельный налог, подушная подать. Освобождение от налогов сохранялось только для городских низов, чиновников Римской республики и воинов-ветеранов.

Здесь надо еще раз подчеркнуть, что в Риме серьезное политическое и военное влияние находилось в откровенной взаимосвязи с наличием собственности и земли. В самые древнейшие времена среди греческих и италийских обществ мы находим три учреждения, основанные и установленные предками (домашняя религия, семья, право собственности). Эти три учреждения уже при самом своем возникновении состояли в явной взаимной связи и, казалось, были не отделимы друг от друга. Идея о праве частной собственности заключалась в самой религии. У каждой семьи были свой очаг и предки. Их собственным богам могла поклоняться только данная семья, ей они покровительствовали и были ее собственностью. Как отмечает Фюстель де Куланж, священная ограда заключала в себе довольно обширное пространство, где находились дом семьи, ее стада, небольшое поле, которое она обрабатывала. Посредине возвышался очаг-покровитель.

Площадь Испании

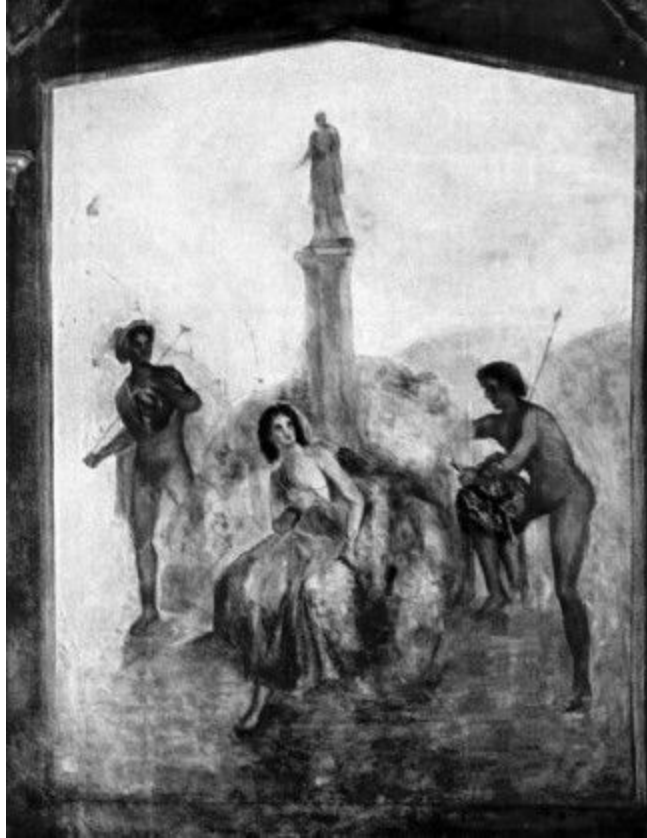
Римляне

Народы арийской расы, распространяясь, дошли до Греции и Италии и стали строить там себе города. Дома стали ближе друг к

другу, и тем не менее они не смежны. Священная ограда еще существует в минимальных размерах; она проявляется в виде небольшой стены, канавы, борозды или просто полосы земли в несколько футов шириной. Однако соседние дома не должны соприкасаться между собою, смежность считалась невозможной, одна и та же стена не могла быть общей для двух домов, ибо в таком случае исчезла бы священная ограда домашних богов. В Риме закон определял 2,5 фута свободного пространства, которое должно было разделять дома; это пространство посвящалось «оградному божеству». Следствием этих религиозных постановлений было то, что у древних не могла никогда установиться общинная жизнь. Фаланстеры совершенно не известны Древнему миру; даже сам Пифагор не смог установить учреждения, против которых шла домашняя религия людей. Ни в какую эпоху исторической жизни древних мы не найдем у них ничего похожего на общинное владение в деревнях, которое было распространено во Франции в правовой культуре Рима (для определенного периода). В общественной жизни Рима отсутствует привычное деление на экономическую, политическую и идеологическую составляющие. Все эти важные категории воспринимались в неразрывном единстве. Как отмечает С.Л. Утченко, древнеримская мораль всегда имела своим образцом правила и обычаи предков. Следствием этого было то, что реальная жизнь постоянно проецировалась на фон идеального представления о поведении и нравах предков. В свое время Дионисий Галикарнасский с удивлением говорил, что римляне в отличие от греков контролируют частную жизнь граждан – по их мнению, люди не должны устраивать роскошных пиров, пренебрегать религией, нарушать свой долг в отношении полисов и перенимать чуждые нравы. Эту же особенность отмечал и Авл Гелий, указывавший, что у древних римлян бережливость и скромность были делом не домашним, а общественным. Меры, XII в. Поскольку каждая семья имела богов и культ, то она должна была иметь и особый участок земли, изолированное владение, свою собственность. Этой психологии тысячи лет.

Первые века своей истории Рим жил очень скромно. Лишь позже поток богатств обрушился на землю Рима. В наиболее трудные периоды истории, в период поздней Республики и раннего

Принципата, изданы законы, объединенные под общим названием *leges sumptuariae*. Одно из значений слова *sumptus* – расходы общества, высшего слоя на роскошный образ жизни – пиры, одежду, украшения, погребения и утварь. Значение словосочетания *leges sumptuariae* в русском языке передают термином «законы о роскоши». За три столетия (III в. до н. э. – I в.) таких законов в Риме было принято более сорока. Законы о роскоши являются одним из тех институтов римского права, которые показывают характерные особенности, присущие направленные на поддержание бережливости и скромности в быту, имевшие целью сохранение стабильности внутри гражданского коллектива, направлены против растлевающего влияния роскоши и денег. На наличие аналогичного института в греческой общественной культуре указывал российский ученый Ю.В. Андреев. Таким образом, уже в античной традиции *leges sumptuariae* связывались с упадком нравов в римском обществе. Такой взгляд на природу законов о роскоши возобладал и в исторической науке Нового и Новейшего времени, где, начиная с Ш. Монтескье, *leges sumptuariae* трактовались как меры, в которых нашел отражение процесс разложения традиционных норм морали и поведения граждан в римском обществе.

Рабь и вольноотпущенники Рима

Эта важная черта характеризует Рим эпохи завоевания и расширения. Как в драконовском устройстве, римские граждане делились на группы сообразно с тем, принадлежат ли они к «classis» (фаланге) или, будучи экономически неспособны к несению военной повинности, стояли «infra classis» (ниже фаланги). Однако, не вдаваясь в детали, можно утверждать, что с первых этапов большого территориального расширения Рима политическая власть тут фактически находилась в руках у земельных рантье, в руках древней городской знати, т. е. у людей богатых, было ли их богатство следствием владения землей или получено от доходов финансово-ростовщической деятельности или торговли. Пролетарии (proletarii) же рассматривались своего рода париями, «сыновьями презренной жены» или в некоторых случаях не признаваемой законной женой наложницы полноправного гражданина. Они не имели права на то, чтобы занимать ответственные политические должности. Только богатые землевладельцы и могли быть трибулами (tribunes).

Хотя могуществом своим Рим был обязан огромной массе людей, которые, строго говоря, и приносили неисчислимые богатства государству, будь то республика или империя. Этой группой были рабы и вольноотпущенники. Фактически на их плечи и лег весь производительный труд в государстве. В Рим от соседних народов сразу же сбежались все, говорил Тит Ливий, «жаждущие перемен – свободные и рабы без разбора, – и тем была заложена первая основа великой мощи». Но идиллия равенства длилась недолго, и скоро иные порядки взяли верх. Рабы и крупные собственники-землевладельцы сделали из Рима государство, привыкшее жить за счет чужого труда и богатеть. Т. Моммзен в «Истории Рима» отмечал, что в Риме дело не дошло до развития настоящего городского среднего сословия, сословия независимых ремесленников и торговцев. Причиной этого он прямо назвал «существование рабов наряду с рано обнаружившейся чрезмерной централизацией капиталов». Рабство – в древности институт неизбежный, распространенный повсюду. В Риме эти люди также занимались мелкими городскими ремеслами, но львиную часть доходов от их трудов получали не они сами, а крупные торговцы, капиталисты и финансисты. «Но и чистая прибыль от мелкой промышленности поступала большей частью в кассы крупных торговцев, поэтому средний класс промышленников и торговцев не мог развиваться в соответствующем размере». Оптовые торговцы и крупные промышленники почти ничем не отличались от крупных землевладельцев. Причиной этого было, во-первых, то, что «крупные землевладельцы с древних пор занимались торговыми оборотами и были капиталистами и что в их руках сосредотачивались ссуды под обеспечение, оптовая торговля и работы для государства». При этом особое значение имело то, что с учетом того, что владельцы земли в Риме традиционно играли ключевую роль в политике, то исключительными политическими правами стали в новые времена обладать и собственники земель и богатые люди. Как пишет историк, «уже в ту пору счастливый спекулянт затрачивал часть своего капитала на приобретение недвижимости». Риму, как пока и России нового времени, «класс средних собственников», т. е. тех, кто являлся бы надежным политэко-номическим оплотом империи, создать не удалось.

Рим

Рим был космополитическим государством, подавляя не только благосостояние, но и культурное своеобразие народов. Т. Моммзен пишет: «Итак, если мы оставим в стороне развитие государственных учреждений и народные распри из-за владычества и свободы, волновавшие всю Италию, в особенности Рим со времени изгнания рода Тарквиниев до покорения самнитов и италийских греков, и если мы обратим наши взоры на более мирные области человеческого существования, также подчиняющиеся законам исторической необходимости, то мы и здесь повсюду найдем следы влияния тех же великих событий, благодаря которым римское гражданство разбило оковы, наложенные на него родовой знатью, а богатое разнообразие существовавших в Италии национальных культур постепенно исчезло, для того чтобы обогатить собою только один народ». Вся политика Рима строилась именно с таким прицелом.

Раб. Терракота. Бостон

Приготовление к жертвоприношению. Римский барельеф

Рим постоянно требовал жертв, каковыми были, в широком смысле слова, побежденные народы и земли. Приносились жертвы на алтарь империи с помощью армий и финансистов, двух рук могучей империи. С помощью одной из них захватывались земли и покорялись

народы, с помощью другой проникали в тело нации, опутывая все государства. Покаяя все новые и новые народы в Европе, захватывая новые и новые страны в Африке и Азии, Рим способствует созданию империи, состоящей из системы провинций, т. е. больших оброчных владений. Взгляните на тех, кто в течение многих столетий направлялся в «вотчины римского народа». Это были, пишет историк Р. Виппер, откупщики и их свита, ростовщики крупные и мелкие, агенты римских банков, крупные арендаторы угодий, поставщики на войско и их служебный персонал. В речи о поручении начальства на Востоке Помпею Цезарь определил состав римской деловой колонии в Азии: «Откупщики, люди видные в обществе и почтенные, поместили в этой провинции свои капиталы и устроили деловые конторы; из других классов люди промышленные и предприимчивые частью ведут обороты в Азии, частью положили там большие деньги». В другой своей речи Цицерон говорит о римской провинции на противоположной окраине империи, где есть некоторое число земледельцев, однако этих колонистов очень мало. Система взимания налогов через посредников, отмечал Т. Моммзен, а именно – через крупных откупщиков, уже сама по себе расточительна, а «в Риме тяжесть ее была тем сильнее, что вследствие незначительного дробления откупов и большой концентрации капитала до крайности затруднялась всякая конкуренция». Сюда же добавлялись реквизиции.

Все тонет в массе откупщиков и негоциаторов. По сути, люди труда уже не являются гражданами Рима. Так, под «римскими гражданами, заполняющими Галлию», Цицерон подразумевает только откупщиков и займодавцев, ростовщиков. Везде и всюду Рим представлен не ремесленниками, не земледельцами, не инженерами и тем более не учеными. Никогда римляне, по словам Т. Моммзена, «не отличались своими познаниями по части математики и механики». Это проявилось и во время битвы за Сиракузы, где проживал великий ученый и механик древности Архимед, который был душою сопротивления римской армии. Изготовленные по его чертежам машины, небывалой мощности катапульты, поражали римские корабли огромными камнями. Кроме того, он изобрел железную лапу, что могла захватить корабль, словно гигантский экскаватор, поднять высоко над морем и с высоты бросить так, что корабль разбивался вместе с экипажем. Он же создал и установку из вогнутых зеркал, что могла

фокусировать солнечные лучи и, направляя их на корабли, поджигать. Марцелл, командующий римским войском, посмеивался, говоря: «Не довольно ли нам воевать с геометром Бриарием (в греческой мифологии – сторукий гигант. – *Ред.*), который вычерпывает из моря наши суда, а потом с позором швыряет их прочь и превзошел сказочных сторуких великанов – столько снарядов он в нас мечет!» Однако механизмы гениального Архимеда внушали ужас воинам Рима. Поэтому не случайно при штурме Сиракуз римский солдат, ворвавшийся в дом изобретателя, убивает Архимеда.

Римский воин убивает Архимеда

Среди римлян в провинциях, как уже сказано, больше «негоциаторов» (грабеж, поставки, откуп, ссуды и т. п.). «В эпоху расцвета империализма всемогущий римский капитал стал распространять свою силу за военные и политические границы государства. Негоциаторы являлись не только следом за покорителями. Они открывали кредит соседям, союзникам римского народа,

владельцам вассальных княжеств. Таким образом, они шли впереди завоевателей, готовили им пути, своими ссудами и поставками втягивали в зависимость города, царьков, полуварварские племена, раньше чем являлись легионы и администрация». В том и вся суть политики Рима (разрушающего, убивающего, грабящего, порой дающего деньги и займы). Деньги и займы даются под такие чудовищные проценты и обязательства, после которых эти «облагодетельствованные народы» остаются голыми и нищими. Вслед за невыплатой процентов и неудовлетворением законных с юридической точки зрения требований явятся римские (или чьи-либо иные) войска. Если капиталистам что-то не по нраву, они с удивительной легкостью ввязываются в войны, не очень задумываясь о последствиях губительных войн для несчастных народов. Таковы римские правила. Римский закон допускает действие *Lex talionis* (закона возмездия). В этом случае просрочивший должник мог столкнуться с ситуацией увековечивания обязательств. Афоризм, созданный по этому случаю, гласит: «*Mora obligatio perpetuatur*» («В силу просрочки обязательство увековечивается»). Такими вечными должниками Рима стали многие страны. (В нынешнем «цивилизованном обществе» таким Римом может стать и Всемирный банк.) По словам Цицерона, в эпоху господства Рима на Востоке не было ни одного крупного города или князя, кто бы в какой-то мере не задолжал римлянам. Помпей, Брут, Сулла, Цезарь, Веспасиан и проч. беспардонно выжимали деньги из многих стран и народов. Оценивая труды одного такого крупного богача в лестных выражениях, Цицерон говорил: «Он вел массу дел, получил множество концессий, владел большими паями, вложенными в эксплуатацию казенных статей; он давал займы народам, в большинстве провинций положены были его капиталы; наконец, он кредитовал царей». При этом добавим, что за спиной этих римских капиталистов стояла и масса среднего и мелкого сберегателя.

Должник и кредитор

Эра воинов-защитников родины уходит в прошлое... Личность благородного Сципиона кажется странной для нового времени. Унаследовав от бабушки большое состояние, он поделил сумму в 60 талантов между родственниками... «Ценою шестидесяти талантов, – писал Полибий, – купил Сципион никем не оспариваемую славу благороднейшего человека, причем не столько значили огромные размеры жертвы, сколь благонамеренность ее и умение, с каким услуга была оказана». Конечно, у Рима были и благородные, достойные мужи, а не только алчные и продажные политики, лидеры, которые ставят главной целью своей жизни интересы большей части народа. Такой фигурой стал сын римского народа Г. Гракх.

Гая Гракха называют самой величественной и трагической фигурой в римской истории и даже в истории человечества. Наделенный ясным умом, он мог, не уставая, работать день и ночь. Он разработал законы, касающиеся почти всех сфер римской жизни – землевладения, судов, провинций, колоний, армии, положения городской бедноты, строительства дорог. Все за несколько лет! Поразительная работоспособность. Как пишет Т. Бобровникова, за короткое время Гай Гракх один, без армии, без денег, без партии, «единственно силой своего ума и красноречия перевернул все римское государство!». И даже Цицерон, в силу своих политических симпатий и близости к олигархам, считавший его самым вредоносным из римских политиков, называет Гая Гракха «самым одаренным из наших сограждан». Естественно, на него обрушилась вся собственническая коррумпированная рать! Они убили его брата, народного трибуна Тиберия Гракха, они же начали судебный процесс и против него. О том, как жили крупные землевладельцы, капиталисты и наместники в провинциях Рима, сохранилось немало свидетельств. Гай Гракх со спокойным достоинством говорит цензорам о жизни в провинции: «Я жил в провинции так, как считал согласным с нашей пользой, а не так, как это приличествовало честолюбию. Я не держал у себя роскошной кухни, у меня за столом не стояли красивые рабы. Я так жил в провинции, что никто не может сказать, что я получил в подарок хоть асс или кто-либо из-за меня вошел в издержки. Два года я жил в провинции; если хоть одна шлюха вошла в мой дом, если из-за меня был соблазнен чей-нибудь раб, считайте меня самым последним подлецом! Если я был так чист с рабами, то вы можете заключить, как я относился к вашим детям. Вообще квинриты, когда вернулся в Рим, то пояса, которые я увозил оттуда полными денег, я привез из провинции пустыми, а другие люди, которые взяли амфоры, полные вина, привезли их домой полными денег». Нужно ли говорить, что подобное щепетильное поведение крупного римского чиновника, направленного в провинцию руководить делами Республики, было исключением из общего правила.

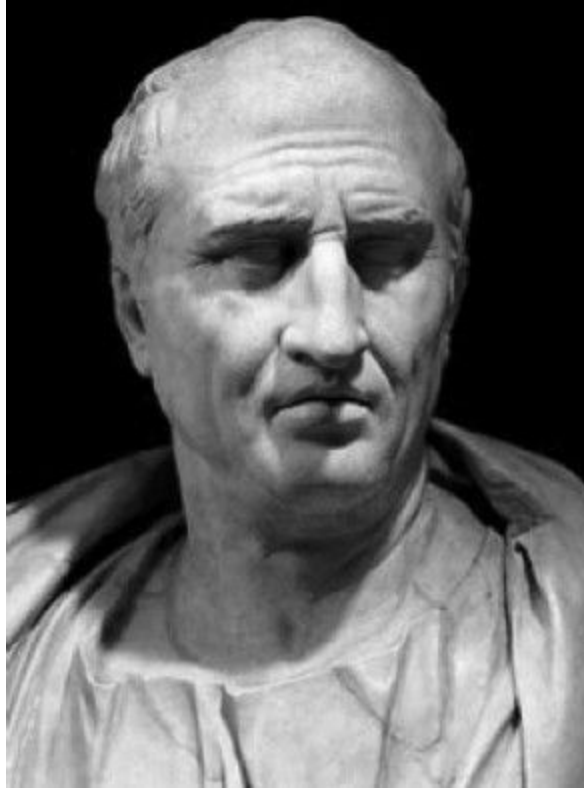
Цезарь и Гракх

Римский народ менялся на глазах. Подлинная революция произошла во II веке до н. э. Римская республика вышла за пределы Апеннинского полуострова, а в Вечном городе произошел конфликт поколений. Отцы держались за римскую суровость, но дети и жены мужей и отцов бросились в погоню за модой. Запросы стали расти. Загородная вилла – кто больше? Кубок из редкого материала – у кого дороже? Спортивные игры и театральные представления – кто устроит шикарнее? Плиний пишет, что в волосах жены Калигулы Лоллии было жемчугов на 40 миллионов сестерциев. Отцы и мужья ради капризов своих жен и любовниц годами мучили восточные провинции тяжким налоговым бременем. Цыпленок на рынке Рима, стоивший меньше одного сестерция, быстро дорожал. Одежда из ткани, которую везут с края света, диковинные украшения, над которыми трудятся сотни мастеров, мимы и актеры, которых держат богачи, – все это стоило огромных денег и больших затрат рабочей силы. На римских модников и модниц в поте лица работала половина империи. Римлянин – солдат эпохи войн с Ганнибалом не узнал бы в надушенном, изнеженном, гладко выбритом, возлежащем на носилках римлянине эпохи Октавиана и Мессалины потомка. Римский империализм менее всего озабочен идеей послужить человечеству или прогрессу. Победа над Карфагеном лишь разожгла аппетиты Рима, куда хлынули немыслимые

богатства. Всех римлян охватила безумная жажда наживы. Алчность и желание получить прибыль от всего, что движется, лежит или растет, стало чертой римлянина. К этому подталкивало и стремление женщин к роскоши, о чем пишет в своей монографии французский историк Робер Ж.Н. В моде фраза Веспасиана: «Деньги не пахнут!» (Pecunia non olet!) Что тут говорить, если сам великий Цицерон в труде «Об обязанностях» с уважением относится к накоплению, не видя в этом не только чего-то зазорного, но и считая это действие вполне естественным, разумным. «Но так как существует способ не только наживать деньги, но и помещать их в дело, дабы они давали нам постоянную возможность производить расходы, не только необходимые, но и свидетельствующие о нашей щедрости, так и славу надо приобретать и помещать разумно». Как видим, обретение славы у него прямо ставится в один ряд с обретением и умножением капитала.

Помпео Батони. Воздержанность Сципиона Африканского

Цицерон

«Нет ничего на свете, что было бы дороже и священнее умножения твоего капитала!» – вот девиз, начертанный на скрижалях едва ли не любого древнего и современного общества. Рим и Запад поклоняются богатству как единственному божеству, стоящему того, чтобы посвятить ему жизнь. Тем не менее, Э. Фромм писал: «Стремление к материальному богатству не является определяющим мотивом поведения людей. Оно характерно лишь для определенных культур, а другие условия могут создать характеры, питающие отвращение к материальному богатству или безразличные к нему». Характерно, что Фромм решительно противопоставил друг другу системы культуры, философии Запада и Востока, говоря: «Западный человек не может до конца постичь философскую систему Востока потому, что современный человек просто не может понять дух общества, который не ориентирован на собственность и алчность».

Вид Рима

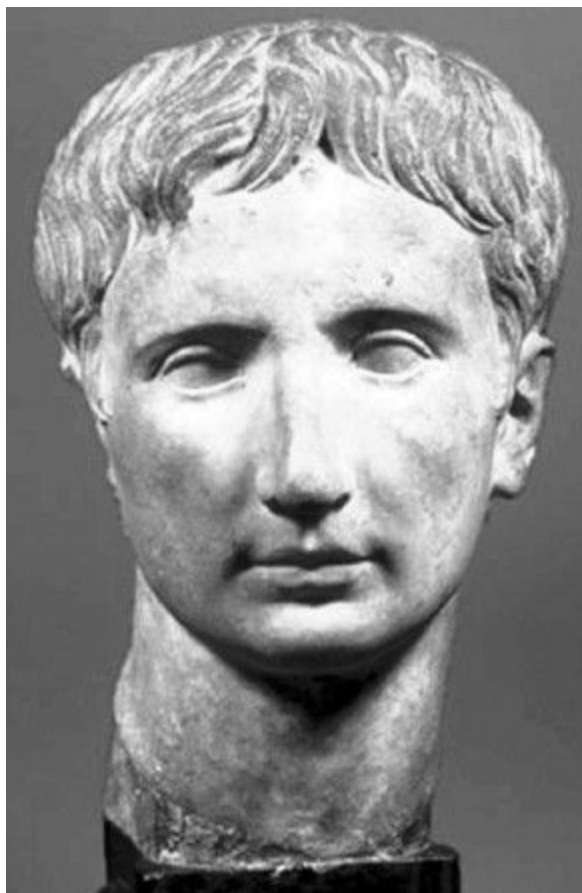
Впрочем, слагаемые качеств, которые возвышали римлянина, делали его жизнь содержательной, значимой и ценной, были хорошо известны и четко сформулированы. Мы находим их в документе, где они прямо определяются как *regum bonarum maxima et praesidia*. Речь идет о сохранившемся в составе компиляции Авла Гелия отзыве историка Семпрония Азеллиона о своем современнике П. Тицинии Крассе, консуле 131 г. до н. э. и друге Тиберия Гракха. Он «обладал, как передают, пятью первыми и главными достоинствами, ибо был человеком очень богатым, очень знатным, очень красноречивым, выдающимся знатоком права и великим понтификом» (Aul. Gell., I, 13, 10). Как отмечает Г. Кнабе, столетием позже возник новый своеобразный каталог того же рода – первая ода Горация. В ней повторяются многие понятия, фигурировавшие в приведенных выше текстах. Тут и воинская доблесть, и слава, и успешная магистратская карьера, и, конечно же, состояние, добытое прежде всего путем возделывания наследственного семейного надела. Богатство, превозносимое в числе первых добродетелей римлянами, было основой конституционного деления граждан на цензовые разряды. И чем богаче был человек, тем более видное место в обществе он занимал. Зажиточность фигурирует почти в каждой судебной речи Цицерона в качестве общественно весомой положительной

характеристики. Служение государству на посту магистрата составляло предмет особой гордости, основу высокого социального статуса, что подтверждено и эпитафиями. Сочинения так называемых римских агрономов – Катона, Варрона, Колумеллы – и многие положения римского права, касающиеся земельной собственности, подтверждают восприятие извлеченного из обработки земли богатства как наиболее достойного. Но все-таки не оно, это богатство, составляло основу капиталов Рима.

Задолго до появления в истории цивилизации Рима на побережье Средиземного моря Египет, Финикия, Греция, Карфаген вели оживленную торговлю. По мере того как будет усиливаться военно-политическая роль Рима в жизни мира, он будет становиться центром мировой торговли. На его территории непрерывно завязывались деловые отношения, в которых принимали участие торговцы из многих стран. Но чтобы торговать, нужны три вещи: сам предмет торговли, деньги, законы и право, по которым и ведется торговля. Монеты в Риме появились не так давно: с IV в. до н. э. в Риме стали чеканить серебряную монету. Ее появление было связано с растущими контактами между Римом и греческими колониями на юге Италии. Деньги из драгоценных металлов были уже в большом ходу. Около 340 г. до н. э. в Капуе стали выпускать для Рима серебряную монету по греческому образцу. Это были дидрахмы – двухдрахмовые монеты весом в 7,58 г, позднее – в 6,82 г. Формальная организация монетного

дела в Риме произошла в 289 г. до н. э. с учреждением особой коллегии в составе трех человек. Их первой задачей был выпуск ассов и еще находившихся в обращении медных слитков с выбитой на них официальной печатью (сигнаты). Серебряные монеты – денарии и сестерции – начали чеканить в Риме в 269-м или 268 г. до н. э. В ту пору денарий весил 4,55 г, или $1/72$ римской либры. В эпоху 2-й Пунической войны получила распространение и первая римская золотая монета – скрупул, равнявшаяся 20 серебряным сестерциям. В период, когда Римская республика доживала свои последние годы, в обращение вошла золотая монета, называемая просто «золотой», и один такой золотой денарий составлял 100 сестерциев. При Августе золотые монеты утвердились в Риме уже прочно и окончательно. Сложившаяся таким образом система (медь—серебро—золото) характерна для Римского государства в течение всех последующих столетий его существования. Правда, при этом сами деньги то и дело теряли в весе: «золотой», который при Августе весил 8,19 г, в правление Нерона «тянул» лишь на 7,28 г. Потребность Вечного города в деньгах обеспечивали четыре монетных двора: в самом Риме, в Беневенте, в Таренте и в какой-то, точно не известной местности на юге Италии. Мастерская, где чеканили металлические деньги, находилась близ храма Юноны Монеты, Предостерегающей (богиня предупредила римлян о приближающемся землетрясении). Отсюда и вошедшее в европейские языки слово «монета». Л. Винничук пишет: помимо «золотого», римская денежная система включала в себя такие серебряные монеты: 1 денарий = 4 сестерция = 10 ассов; 1 квинарий = 2 сестерция = 5 ассов; 1 сестерций = 2,5 асса; 1 асс и более мелкие монеты. Инфляция сопутствовала росту богатства Рима. Шло время, и римский асс становился все легче: вес его снизился с половины фунта до $1/4$ и даже $1/6$ фунта. В I в. до н. э. асс еще больше обесценился, так что римляне начали говорить, имея в виду вещи ничтожные, нестоящие (нечто вроде нашего «грош цена»): «Ценою в асс».

Император Август

Отношение римлян к деньгам можно выразить фразой Горация из его «Посланий»: «Деньги бывают царем иль рабом для того, кто скопил их, им не тащить ведь канат, а тащиться за ними подобает». Однако этот поэтическо-философский эвфимизм не исключал того, что народ в действительности «тащился за деньгами», словно раб на привязи. Ради этого шли на различные ухищрения и махинации. При императоре Каракалле знаменитый римский серебряный денарий изготавливался из сплава, в котором серебра было не больше половины. Преемники Каракаллы, в свою очередь, значительно уменьшили количественное содержание серебра, так что вскоре эта монета представляла собой, в сущности, лишь посеребренный кружочек из сплава меди, цинка и олова. При императоре Аврелиане дело дошло до открытого и громкого скандала: управляющий монетным двором Фелициссим — это имя, означающее «счастливейший», не принесло успеха его носителю, — наладив выпуск серебряных денег с

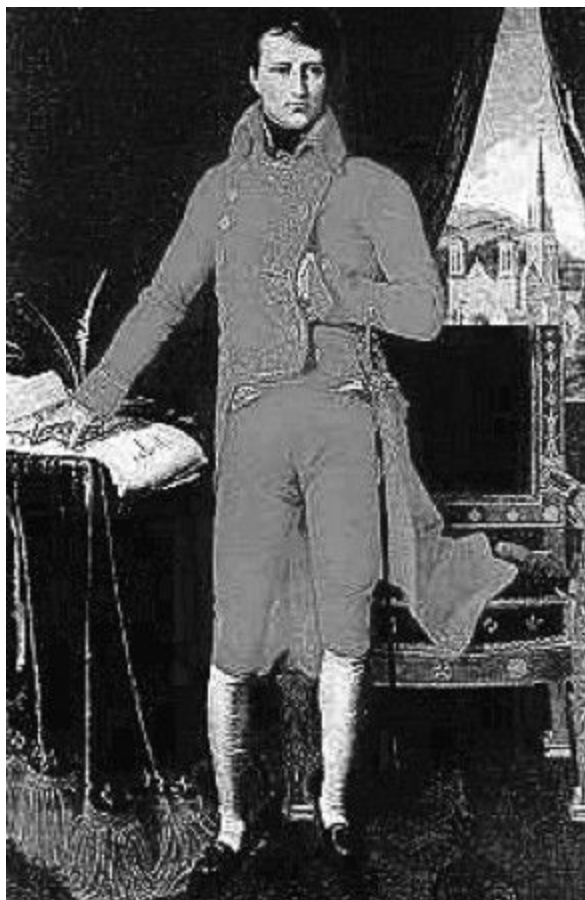
преобладающим содержанием меди, сберег тем самым немало драгоценного металла, но не для императорской казны, а для себя лично. Совершать подобные операции в монетной сфере в одиночку ни тогда, ни сейчас невозможно, и управляющий действовал в сговоре с должностными лицами империи, среди которых, выяснилось, были и сенаторы. Проведенное по приказу императора расследование выявило широкую картину злоупотреблений, от которых пострадали множество людей.

Фальшивая римская монета

Главным центром фальшивомонетчиков, как полагают, во времена расцвета Древнего Рима являлся Египет. Интересно отметить такой малоизвестный, но очень характерный факт. Когда Антоний прибыл в Египет и посетил Клеопатру, в его свите были опытные, как мы бы сейчас сказали, специалисты – эксперты по борьбе с изготовителями фальшивых монет. Но и Рим не отставал в этом способе обогащения от ловких египтян. Известен фальшивый древнеримский денарий – *subaeratus*. Изготовлена была монета из обычного металла, но на нее чрезвычайно искусно наносился тонкий слой серебра. В результате получилась довольно тонкая подделка подлинной монеты. Известно два метода «государственного фальшивомонетничества»: либо правительство ставило на монетах меньшего веса и объема обозначение старой, более тяжелой монеты, либо оно уменьшало вес

благородного металла, базы монетной ценности, примесью дешевого металла. Царская Россия не раз использовала эти методы, чтобы спасти страну от финансового краха. М.И. Боголепов в труде «Государственный долг» (1910) отмечал: «В 1801 г. на заседании Государственного совета читалась записка «Об уменьшении в России золотых и серебряных монет», в которой говорилось: «Крайнее истощение, в которое государство приведено было в начале минувшего столетия шведской войной, заставило Великого Монарха прибегнуть к непозволительному средству для наполнения своих недостатков. Испорчена была медная монета в количестве, в каком она никогда не была прежде». Эта практика и позже была широко распространена. Немецкий финансист Эренберг писал:

Наполеон-фальшивомонетчик

«Фактически ухудшение монеты большинством государств совершалось безостановочно как в Средние века, так и в XVI и XVII

веках».

В германских государствах начала XVII в. в порче монет замечены были местные князья. Причем они бесцеремонно отказывались принимать «уцененные деньги» от населения при уплате налогов и пошлин, требуя монет прежних выпусков, более качественных. Как раз в те времена и родилась поговорка: «Легкие деньги для страны – худшее наказание, чем тяжелые войны». Истинным «наследником Рима» в сей области, как ни странно, был Наполеон. Император очень хотел подорвать финансовую стабильность России и приказал создать в Париже специальную мастерскую, где лучшие мастера выпускали фальшивые рубли, которые были даже лучше оригиналов, – именно по хорошему качеству их потом и распознавали. В России этими фальшивыми рублями французы расплачивались с русскими, с теми, кто продавал им фураж и провиант. Во время бегства из Москвы кипы фальшивых ассигнаций следовали в обозе за «Великой армией», и замерзшие французы разжигали ими костры. Часть фальшивок еще долгое время продолжала гулять по стране, создавая помехи развитию экономики.

Для борьбы с фальшивыми деньгами царь Александр избрал самый дорогой способ: велел принимать их в банки как настоящие, а затем изымать и уничтожать. Банкирам, как красивым женщинам, прощаются порой такие грехи, за которые простых смертных просто разорвали бы на части. Они говорят, что экономика и валюта крепки, – им так хочется верить. Не так ли верим словам женщины, говорящей, что она вас страстно любит?!

Деньги грабили не только пираты, бандиты, разбойники, но и римские чиновники. Иные из них были высокого ранга и приходили «сверху», от императора... Пожалуй, одним из наиболее известных случаев эксплуататорской и жестокой политики имперского Рима на покоренных землях стала деятельность квестора, легата в Азии, Памфилии, наместника Сицилии, управлявшего Сицилией в 73–71 гг. до н. э., пропретора Гая Верреса. Деятельность этого редкого плутократа и вора вызвала такую ненависть у сицилийской общины, что та обратилась к Цицерону с просьбой защиты в суде ее интересов. Веррес, будучи консулом (губернатором) Сицилии в течение трех лет, успел так ее разорить и ограбить, что привести ее в прежнее состояние было уже нельзя. Огромные деньги взысканы с крестьян на основании

небывалых, несправедливых распоряжений. Веррес грабил все, что попадало под руку, в том числе и государственную казну.

На покупку хлеба в Сицилии было ассигновано 12 миллионов сестерций в год. Эти деньги были мошеннически расхищены консулом (сейчас мы называем это «нецелевым использованием»). Он потребовал от городов «впятеро больше того, сколько ему позволено взять». Земли эти показались Цицерону, когда он вернулся на Сицилию через 4 года, «как бы вынесшими жестокую и продолжительную войну». Цветущие поля и долины опустошены и брошены, а земледельцы действительно бросали свои земли, не видя смысла в труде. В своей речи Цицерон назвал наместника цезаря циничным грабителем. Во всей Сицилии «не было ни одной серебряной, коринфской или делосской вазы, ни одной геммы или жемчужины, ни одного произведения из золота или слоновой кости, ни одной статуи из бронзы или мрамора, ни одной картины, будь то писаная или вышитая, — словом, ни одного произведения искусства, которого бы он (Веррес) не разыскал, не рассмотрел и — если оно ему нравилось — не взял бы себе». Он грабил не только частные собрания, принадлежащие гражданам, но похищал и вещи царей, фактически украв бесценный золотой канделябр, осыпанный драгоценными камнями, как и другие золотые вещи, принадлежавшие сирийскому царю Антиоху, проездом остановившемуся в Сиракузах. Не щадил и храмов, что было особенно

возмутительно. Храм Минервы Веррес обобрал и ограбил так, что, казалось, его опустошил даже не враг Рима, готовый щадить на войне святыню и уважающий обычаи, а какой-то дикий разбойник. Ограблены были и другие храмы (Эскулапа, Вакха, Юпитера), из которых исчезли ценные вещи.

Легат Максимус. Рим II век н. э.

Когда Веррес стал уверять, что он якобы купил все это у храмов, оратор обвинил его в том, что эта мнимая, притворная покупка хуже даже, чем обычная кража. Во всей Азии и Греции нет города, который добровольно продал бы ему хоть одну статую, картину и украшение. Среди произведений искусства, по сути, украденных Верресом, были работы знаменитых скульпторов античности – Праксителя и Мирона. Знаменателен общий вывод Цицерона – подобные Верресу наместники отнюдь не единичное явление в ту эпоху: «...сколько лиц оказывалось виновными в Азии, сколько в Африке, сколько в Испании, Галлии,

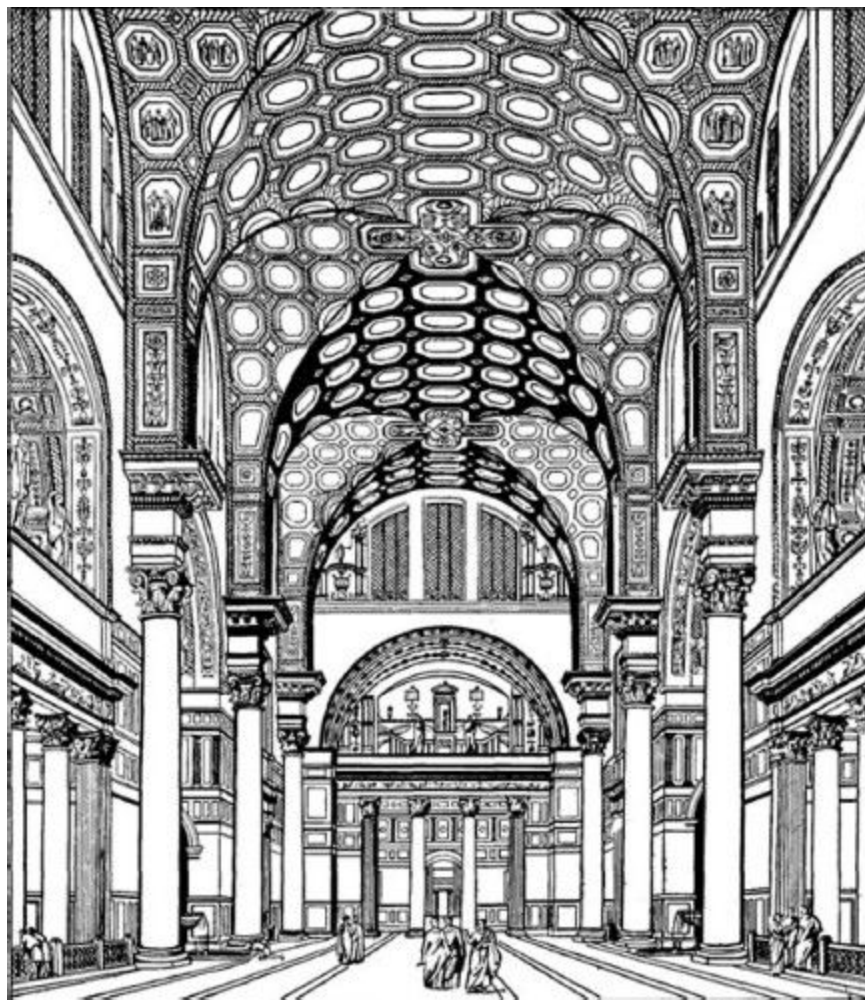
Сардинии, сколько в самой Сицилии.» Таковы источники богатства в Древнем Риме. Веррес вывез из Сиракуз огромное количество золота, серебра, слоновой кости, пурпурных тканей, массу ковров, ваз, хлеба, меда и т. п. При этом он, естественно, не заплатил никакой пошлины. В это же время солдаты армии Рима и матросы, которых он нанял для борьбы с пиратами, не имели ни денег, ни оружия. Римские воины и матросы вынуждены были питаться пальмовыми корнями. Тем не менее Веррес заставил идти сражаться совершенно не обученных бойцов и флот. А перед этим делец распродал припасы и оружие пиратам, которыми кишели тогда моря, и его флот был тут же разбит. За это Веррес приказал обезглавить капитанов, возложив всю вину на них. О том беспределе, который установил губернатор Сицилии, говорит случай с неким Гавием, римским торговцем, который вел дела в Сиракузах. Веррес посадил его в тюрьму, тот сбежал. Не чувствуя за собой вины, он грозил пожаловаться на претора императору. Веррес вновь арестовал его, велел бить розгами и распял на кресте свободного сына Рима. Несчастный в смертельной агонии повторял, как заклятие, фразу: «Я – римский гражданин!» А претор кричал, откровенно издеваясь над римлянином: «Посмотри-ка оттуда, сверху на Италию! Посмотри на отечество! Посмотри на законы и свободу!» Когда Веррес убрался из «захваченной» провинции, греки, обитатели Сиракуз, в гневе низвергли все его статуи, поставленные в публичных местах (и даже в храмах). Резонно задать вопрос: а как же центральная власть отреагировала на действия вора и узурпатора? К чести Рима, а точнее, Цицерона, Фемида постановила удовлетворить иск сицилийцев и возместить убытки, понесенные ими, из имущества Верреса. Скрыв часть состояния, Веррес добровольно ушел в ссылку (перевел деньги, спрятав их за рубежом). Верреса в итоге все же прикончили (за его «коринфские бронзы»). А ведь сколько нагрбил! Но и богатство не помогло. Прошли столетия и даже тысячелетия, подчас другими стали внешние проявления явлений, но по существу дела почти ничего не изменилось.

И. Репин, 1888 г. Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных

Вчерашний герой, оратор, демократ, а ранее доносчик, политический деятель и богач, Аквиллий Регул, чья карьера началась при Нероне, сошедший с политической арены лишь при Траяне, содержал для своего сына-подростка виварий и птичник, мало чем уступавшие орнитонам Лукулла и садам Гортензия. Когда мальчик умер, Регул перебил у погребального костра всех животных и птиц, что отнюдь не в римских обычаях, а, скорее, демонстративно контрастировало с ними. Письмо Плиния Младшего, из которого мы обо всем этом узнаем, раскрывает ту систему связей, в которой описанные факты только и обнаруживают свой подлинный смысл. Как содержание животных, так и их уничтожение было прежде всего демонстративным, престижным актом: «Это уже не горе, а выставка горя». Своеобразный зоопарк входил в число тех владений Регула, что выражали богатство в неразрывной связи его с искусством: «Он живет

за Тибром в парке; очень большое пространство застроил огромными портиками, а берег захватил под свои статуи». Все эти особенности Регула характеризовали особый период, означавший разрыв с традициями римской *gravitas*. Возникла плеяда «новых римлян», покровителей искусств. Они неврастеничны, наглы, расчетливы, непоследовательны, талантливо, подлы, патологически тщеславны и беспрестанно алчны (Plin. Epp., I, 5, 20, 14; II, 20; IV, 7; VI, 2, 1–6; Tac. Hist., IV, 42). Это был тот же «комплекс Верреса», еще один вариант *cultus*.

Термы Каракаллы. Реконструкция

Но и Плиний Младший строил свою купальню так, чтобы, плавая в горячей воде, он мог видеть холодное море, — идея, в точности повторяющая описанную нами выше идею орнитонов Лукулла (Plin. Epp., II, 12, 11); купальня императорского отпущенника Клавдия

Этруска закрывалась стеклянной крышей, которая была «фигурами испещрена, рисунками переливалась» (Stat. Silv., I, 5, 42–43); Сенека описывает купальни «простых граждан», где «стены блистали драгоценностями», а вода текла из серебряных кранов; такие краны обозначались греческим словом «эпитонион» и были, следовательно, заимствованы с другими видами комфорта с эллинистического Востока (Sen. Ad Lucil., 86, 6–7). Прославились и знаменитые термы императора Каракаллы. Таким образом, римляне предпочли богатство и процветание идеалам 460-летней Республики. «Век простоты миновал. В золотом обитаем мы Риме», – писал поэт.

РИМСКОЕ ПРАВО КАК «ПРАВО» ПОБЕДИТЕЛЯ

Римские магистраты должны были разбирать споры, возникающие из отношений субъектов права, вырабатывать нормы для разрешения этих споров. Старое римское национальное право для этой цели не годилось; необходимо было новое право, которое было бы свободно от всяких местных и национальных особенностей, которое могло бы одинаково удовлетворить римлянина и грека, египтянина и галла. Создавая империю, Рим проникся идеей универсальности: требовалось не национальное право, а право всемирное, универсальное. Римское право впитало реалии и обычаи международного оборота, которые вырабатывались веками у народов, вовлеченных в орбиту его господства. Рим придает им юридическую ясность и прочность. Так возникло то римское право, которое стало затем общим правом всего античного мира. По существу, вклад в него внесли все народы. Рим же переработал и обобщил обычаи международного оборота и слил их в единый кодекс, известный как *Corpus Juris Civilis*, кодекс Юстиниана.

Одним словом, говоря о Риме как о крупнейшей империи древности, как примере и образце «самого цивилизованного строя», этой смеси популизма и диктатуры, надо признать, что в основе права римского народа (*ius gentium*) – право сильного, куда входят в качестве компонентов войны, захват городов, земель, грабеж, убийства людей и рабство. Цицерон ясно дает понять, какова система законодательства античного мира, Рима, на которой и зиждется право. В основе этой системы – выгода, экономический, корыстный интерес. И достигается эта выгода отнюдь не гуманными или благородными средствами. Говоря о благе и пользе государства, Цицерон указывает, что на самом деле в государстве не справедливость управляет всем, а выгода: «А если человек пожелает следовать справедливости, не будучи при этом сведущ в божественном праве, то он примет законы своего племени, словно они являются истинным правом, законы, которые при всех обстоятельствах придумала не справедливость, а выгода. И в самом деле, почему у всех народов приняты различные и отличающиеся одни от других законы, но каждое племя установило для себя то, что оно признало полезным для себя? Но в какой мере польза расходится со справедливостью, дает понять сам римский народ, который, объявляя войны при посредстве фециалов, нанося обиды законным путем и всегда желая чужого и захватывая его, завладел всем миром (Лактанций). Ведь всякая власть или империй, если я не ошибаюсь, добываются посредством войны и распространяются путем побед. Но война и победы основаны более всего на захвате и разрушении городов. Эти действия неизбежно связаны с оскорблениями богов, таковы же и разрушения городских стен и храмов; им подобно и истребление граждан и жрецов, и с ними вполне сходно разграбление сокровищ священных и мирских. Следовательно, римляне совершили святотатств столько же, сколько у них было трофеев; триумфов по случаю побед над богами они справили столько же, сколько и по случаю побед над народами; добыча их столь велика, сколько до сего времени у них остается изображений плененных ими богов (Тертуллиан).» Из сказанного следует: законы грешного мира созданы так, что своей целью ставят вовсе не критерии справедливости, а цели выгоды, выгоды для государства, которое создало их для себя, для

своих элит. Эти законы оправдывают грабительские захваты и войны – и при этом законодатели легко принимают подобные законы.

Как скажет Цицерон: «Что же относится к праву народов, то и должно быть признаваемо цивильным» (*Quod autem gentium, idem civile esse debet*). Но в этом случае получается, что можно числиться в ряду самых заядлых законников, причислять себя к так называемому цивилизованному миру – и при этом нападать на другие страны, убивать их граждан, разрушать их города, вторгаться в храмы, пленять богов и вообще совершать самые непотребные действия, но при этом уверять: именно это-то и есть подлинная, чистая, как слеза, демократия. Двойная мораль вошла в плоть и кровь западного мира со времен античности, когда законы фактически были производной или составляющей от богатства и силы. А поэтому и старый латинский девиз «*Vi et armis!*» («Силой и оружием!») плавно и быстро перешел в девиз нового, капиталистического мира: «*La raison du plus fort est toujours la meilleure!*» («Сильнейший всегда прав!») Сила заменила ум и потенцию.

О том, как вели себя римляне в покоренных ими странах, нет нужды распространяться особо, но можно привести некоторые примеры, ярко свидетельствующие о морали так называемого западного человека. Пожалуй, наиболее злободневен пример того, как римляне повели себя с царем Югуртой, главой Нумидийского царства, что было расположено в Африке... В годы самых трудных испытаний для будущей империи, в годы борьбы Рима и Карфагена, римляне охотно и с благодарностью прибегали к услугам прекрасных нумидийских воинов-кавалеристов, которые внесли свой вклад в победу союзников над сильным и грозным противником. Но после разгрома Карфагена и образования провинции под названием Африка положение изменилось.

Нумидийский всадник

Теперь римляне, чувствуя себя победителями в великой войне, более не церемонились с союзником. Они грубо и откровенно вмешиваются во внутренние дела Нумидии. В нумидийских городах, и прежде всего в столице Цирте, объявилось огромное число разного рода советников, римских ростовщиков, финансистов, спекулянтов, понаехавших в эту «страну варваров», чтоб научить «жалких аборигенов» «демократии», на деле же обобрать до нитки и подвергнуть жестокой эксплуатации, а Нумидию Рим решил разделить на три части. Один из наследников на нумидийский престол, Югурта, понимая, что сокровенной целью римлян (которую те скрывали за покровительственными фразами и фальшивыми улыбками) является лишение Нумидии независимости, восстал. Он убил марионеток и предателей Нумидии, которых посадили в разных частях государства римляне, уничтожил торгашей-компрадоров, итальянских коммерсантов и ростовщиков в нумидийских городах. Вряд ли это был правильный шаг, но он сделал то, что так и не решились сиракузцы проделать с гнусным Верресом. «По существу, это было объявлением войны самому Риму», – пишет историк. Более того, Югурта не только

блокировал римские легионы в Нумидии, но и нанес им чувствительное поражение в битве при Сутуле (109 г. до н. э.): военный лагерь взят, армия капитулировала, римляне вынуждены были пройти «под ярмом», чтобы сохранить себе жизнь.

Римский военный лагерь

Такого позора Рим уже давно не знал. И хотя в конце концов Югурта был побежден, а точнее, коварно схвачен и привезен в оковах в Рим, его мужественная битва против жестокого Рима будет потом подхвачена многими народами Африки, Европы, Азии. Югурта был прав, говоря, что «римляне несправедливы и ненасытно алчны, что это общий враг всех людей». У них и одна причина для войны с народами, «а именно – страсть к господству». Говоря о Риме, он произнес фразу, вошедшую в историю: «Какой продажный город! Он сгинет бесследно – пусть только найдется покупатель!» Вещие слова, их заслужили в истории человечества и другие города, столицы ведущих империй.

Эту же истину вскоре осознали и древние евреи, чья страна подпала под власть Рима. Помпей подчинил власти территории в Восточном Средиземноморье. Только короткое время, пока туда еще не добрались откупщики, народ жил относительно сносно. Учитывая, что Сирия была одной из богатейших провинций, сюда зачастили те, кто хотел нажиться. В отношении этих районов Рим проводил известную всем политику «разделяй и властвуй», учитывая взаимную неприязнь друг к другу евреев и сирийцев. Сириец Антиох Епифаний объявлял еврейские законы «враждебными человечеству» и приносил свинью в жертву на еврейских священных книгах. В 133 г. до н. э. советники горячо советовали правителю из Селевкидов Антиоху Сидетскому

разрушить Иерусалим и истребить еврейскую нацию, так как евреи не хотят общаться с остальным человечеством. Римляне одно время относились к ним довольно лояльно и даже даровали еврейским общинам в городах определенные привилегии, хотя вскоре их отношения стали портиться.

Полагаем, что дело не столько в отказе евреев проявлять некоторые знаки внимания императору, но и в том, что Рим все активнее вмешивался в их экономическую и политическую жизнь. Клавдий обратился к евреям Александрии, где те составляли значительную и самую влиятельную часть населения, с просьбой быть лояльнее к власти и другим национальностям. Если же те будут проявлять нетерпимость, он отнесется к ним как к народу, «который сеет в мире чуму». Можно, конечно, говорить о росте греко-еврейской взаимной ненависти, но и Рим стал подозревать евреев в шовинизме, расизме и национализме. Тацит, к примеру, писал: «Большинство евреев были убеждены, что, согласно старинным священным рукописям, придет время, когда Восток обретет свою мощь, а те, кто придет из Иудеи, овладеют миром». Вспомним слова Талмуда: «Зарождающаяся ссора подобна пробивающемуся сквозь плотину потоку: как только он пробился, ты его уже не удержишь».

Рельеф на Триумфальной арке Тита

То, что римский наместник управлял провинцией неэффективно, вряд ли является решающим фактором, вызвавшим восстание. Спокойствию не способствовало и то, что прокураторов Иудеи подбирали из грекоговорящих районов. В результате возникших противоречий вспыхнул Великий мятеж 66 г., начавшийся в Цезарии из-за судебного спора между греками и евреями. Суд выиграли греки и отметили это погромом в еврейском квартале. Известие вызвало восстание в Иерусалиме, запалом к костру восстания послужили деньги. Прокуратор Рима Флор изъясил из Храмовой казны деньги, и в ответ националисты-евреи набросились на богачей и стали их избивать, сожгли архивы Храма с целью уничтожить все записи о задолженностях. Началась кровавая битва за Иерусалим. Одним из руководителей восстания являлся Менахем, сын основателя zelotского учения Иуды. Итог этой схватки было трудно предугадать, ибо в Италии разгорелась гражданская война и римлянам было не до восстания в далекой провинции. Евреи же не смогли использовать передышку, а затем началась беспощадная схватка между знатью и

зелотами. В 70 г. Тит взял штурмом Иерусалим, уничтожил десятки тысяч жителей, взял в плен и обратил многих в рабство. На живых наложили тяжелейшие налоги. Земли евреев конфисковали, передав императору в собственность.

Гонения на евреев

Иосиф Флавий

Разрушение Храма в Иерусалиме

Историк Флавий, бывший руководитель иудейских войск в Галилее, был взят в плен Веспасианом, стал рабом, но за верную службу Риму освобожден и стал писателем Иосифом Флавием. В «Иудейской войне» он писал: «Уже когда войску нечего было грабить и некого убивать и всеобщему ожесточению этого казалось мало, — Цезарь приказал им и Храм, и весь город до основания срыть, оставив самые высокие из башен... Так из-за безумия мятежников пришел конец Иерусалиму, городу прекраснейшему и прославленному перед всеми народами». Тит стал благодарить и награждать воинов. «Тотчас же он приказал назначенным для этого лицам зачитать имена тех, кто совершил что-либо выдающееся за время войны. И, вызывая их поименно, он хвалил подходивших к нему, радуясь при этом так, словно это были его собственные подвиги; он надевал на них золотые венки и знамена, сделанные из серебра, и возводил каждого в высший чин. Кроме того, он щедро наделил их золотом и серебром из награбленного и одеждой из остальной части добычи. Почтив всех так, чтобы самолично оценить заслуги каждого, он благословил все войско, при общем ликовании сошел с трибуны и приступил к победным жертвоприношениям». Затем он перевез в лагерь «несметную добычу», взятую у убитых, но не покоренных евреев.

Вильгельм фон Каульбах. Разрушение Иерусалима

Евреи заплатили чудовищную цену за сопротивление воле Империи. Масса пленных евреев была продана в рабство, хотя 40 000 были отпущены, потому что на них не оказалось покупателей. Евреев отправили в разные места, в том числе и в египетские рудники. Положение оставшихся в живых было не лучше, чем у мертвых. Физические страдания не были тем единственным, что разрывало их сердца. Теперь не было ни Храма, ни города. Гордые евреи не могли вынести таких страшных последствий. 12 000 умерли в один день – частью от недостатка пищи, частью потому, что отказались принимать ее, предпочитая смерть. По подсчетам, за время войны были взяты в плен 97 000 человек, а погибли около 1 млн человек. Тит отпраздновал день рождения Веспасиана в Берите тем, что отдал пленных евреев диким зверям или заставил зарубить друг друга в схватках гладиаторов. Иудея стала римской провинцией, и в честь победы Тит изобразил ее на монетах в виде плачущей женщины, сидящей в горе под пальмой. Пали последние крепости, все защитники погибли, Елеазар и zelоты собственноручно убили своих жен и детей. Правда, к счастью, евреям удалось выжить («выжить как реликту», по словам А. Тойнби), но за это им пришлось заплатить гибелью Храма и государства, а также рассеянием их народа по всему миру.

Другим народом, испытавшим на себе последствия римского нашествия, был армянский народ, имеющий одну из древнейших культур. Как известно, более ста лет, с 612-го по 520 г. до н. э., в Закавказье вокруг озера Ван существовало самостоятельное Армянское государство. В IV веке до н. э. возникли независимые рабовладельческие армянские эллинистические государства (Айратское – 330–190 гг. и Малая Армения – 321–112 гг.). В 189 г. до н. э. объявила о независимости и Великая Армения. С этого времени армянские земли объединились в одно общеармянское рабовладельческое эллинистическое государство, существовавшее около шести столетий (до установления феодализма). В I веке до н. э. армянская эллинистическая монархия, опиравшаяся на рабовладельческий строй, переживала расцвет. Возникновение в Армении профессионального театра, связанное с именем Тиграна II

(царствовал с 95-го по 56 г. до н. э.), – одно из свидетельств древней культуры. И вот Древний Рим проник на территорию Армянского государства, а также и на территорию нынешней Грузии. Народы Армении и Грузии оказались меж двух огней – с одной стороны давит могущественная Парфия, с другой – еще более могучий Рим (конец I в.). Два этих народа, как и многие другие, вынуждены были делать выбор.

Церковь Рипсима в Эчмиадзине. 618 г.

Меж двух направлений

Если знать Южную Армению, более развитая в экономическом отношении, к тому же основательно затронутая влиянием эллинизма, тяготела к Западу, то основная масса армянского народа и знатные роды центральных и северных областей Армении ориентировались на Парфию. Дело в том, что два государства, Армения и Парфия, имели немало общих черт как в государственном устройстве, так и в нравах, и в религии. Кроме того, между армянами и соседней страной были довольно распространены смешанные браки, а ничто так не сближает народы, как породнение родов и крови. Во второй половине II в. Армения стала почти независимой. Попытки же армянской знати найти опору в западном колоссе, «мировом гегемоне», успеха не принесли. У римлян в отношении закавказских государств были свои стратегические соображения. Известный римский полководец Помпей хотел заставить обитавшие на южных отрогах Кавказа народы – от Черного до Каспийского моря – признать римское превосходство и верховную власть. Тем самым, с одной стороны, были бы ликвидированы опасности, которые исходили от этих, в то время очень воинственных народов, прежде всего из Армении, с другой стороны –

создавался своего рода защитный вал против мощи Митридата, которая в будущем могла бы усилиться на территориях к северу от Кавказа. Однако все это было лишь одной из промежуточных целей Римской империи. Кавказ интересовал Рим только в одном плане – как плацдарм, с которого можно вести военные действия против серьезных противников. Поэтому римский полководец Помпей и вернулся из Албании назад в Армению. После дипломатических и военных мероприятий, прежде чем сконцентрировать свое внимание на Сирии, Иудее и Аравии, он придал созданным им отношениям официальную форму: позаботился об их долговременной законной силе и несколько помпезным способом преподношений все-таки сумел добиться для армян всеобщей известности и уважения в соответствующих областях. Зимой 65–64 гг. до н. э. он созвал многочисленных князей и царей в Амис и роздал им, насколько они в его глазах того заслужили, дары и почести, были определены и политические компетенции. Однако все эти политические «игры» и маневры ставили перед собой далеко идущие цели – сделать армян проводниками политики Рима в Закавказье и Азии. Когда этого не получилось, римляне показали свое истинное лицо, а именно – захватили царя Армении Валараша II со всей его семьей, заключили в оковы и отправили в Рим. Видимо, армянский царь излишне доверчиво отнесся к заверениям Рима, поверил в честность и благородство западного мира, дав согласие на участие войск в походах армии Рима. Нет ничего опаснее излишней доверчивости.

Гней Помпей Великий

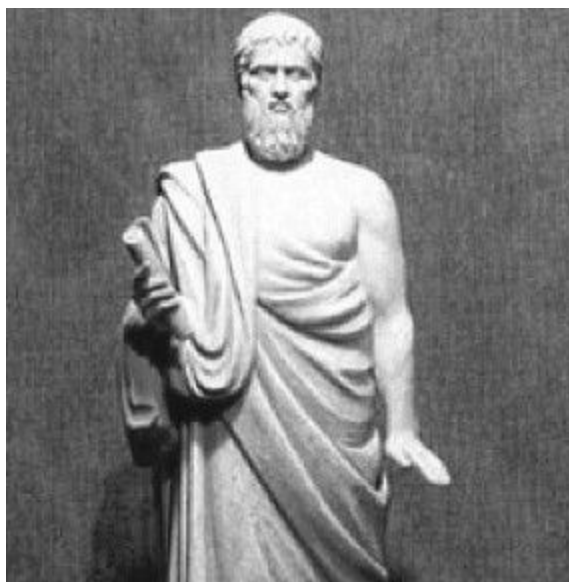
Митридат VI Евпатор. Монета II–I вв. до Р.Х.

Нога римлянина вскоре ступила и в Колхиду, место, куда, по легенде, отправился за золотым руном Ясон. Западная Грузия, ранее вошедшая в состав Понтийского царства, после поражения Митридата VI стала зависимой страной и вошла в состав Римской империи.

Правителей ее назначали в другой стране, народ страдал, налоги стали непосильными, исчезла даже видимость политической свободы. Все делалось по указке Рима, а зарубежные эмиссары и торговцы вели себя в этих странах как подлинные хозяева.

Т. Рейнах в «Митридате Эвпаторе» дает описание этой публики, что вторглась в районы Азии из Рима: «Ниже этого официального мира администраторов и финансистов копошилась целая толпа разного рода дельцов, которые набросились на Азию, явившись туда вместе с завоевателями. В течение 40 лет более 100 000 италиков или римлян устроились в этой несчастной провинции. Если в их числе и были несколько честных купцов и трудолюбивых ремесленников, то сколько было таких, которые рассчитывали разбогатеть лишь при помощи далеко не бескорыстной снисходительности римской администрации! В скольких из них под маской банкира скрывается бессовестный ростовщик, под видом торговца – похититель рабов! А как много среди этих бессовестных спекулянтов было подставных лиц и тайных компаньонов самых выдающихся и знаменитых лиц в столице!» Азия, где правят «ничтожные деспоты», явившая признаки «дегенерации», стала главным источником доходов для Рима. Т. Моммзен заявил: «По многим указаниям, главной опорой римских государственных финансов были доходы из Азии. Вполне правдоподобно утверждение, что остальные провинции в среднем стоили Риму почти столько же, сколько приносили ему». Европа уже пользовалась преференциями в области финансов и налогообложения. Однако Рим не пощадил даже Грецию... Ее пример особенно интересен для нас, так как показывает, что может ожидать страну высокой науки, культуры и образования, если та вдруг по тем или иным причинам окажется неспособной отстоять свою национальную независимость и отдаст себя в руки чужой, вроде бы «цивилизованной» империи. В 146 г. до н. э., когда Рим объявил Грецию римской провинцией, та уже ничем не напоминала Грецию эпохи расцвета и давно катилась вниз, «по наклонной плоскости к общему упадку». Наука и искусства были в забвении, бывшие сухопутные и морские владения отпали, источники богатства иссякли, исчезли кузницы и мастерские. Не стало денег на то, чтобы поддержать армию и флот, а любая страна без этих двух опор государства ничего не стоит. Сначала сократились, а затем и вовсе исчезли подати союзников, и стало ясно, что процветание закончилось.

Некогда цветущий город Афины, метрополия обширной империи, центр торговли, стал захудалым городком, столицей небольшой страны, в 40 квадратных миль. Однако привычки богатой элиты жить красиво, любовь к роскоши, желание блистать и поддерживать былую славу философских школ, атлетических соревнований, уровень былых оргий и наслаждений – все это осталось. Такая частная и публичная роскошь при отсутствии средств заставляла влезать в долги, несла нищету в дома бедняков, заставляла страдать население, губила поля и земледельцев. И вот эту, уже деградирующую и обнищавшую страну в этот период и подчинил процветающий Рим. Казалось, можно было предположить, что великая держава сделает все, чтобы вернуть Греции, ее «духовной матери», если не былую славу, то хотя бы некий достойный ее судьбы уровень жизни и благополучия. Не тут-то было... Рим продемонстрировал все черты Запада, который почувствовал себя победителем.

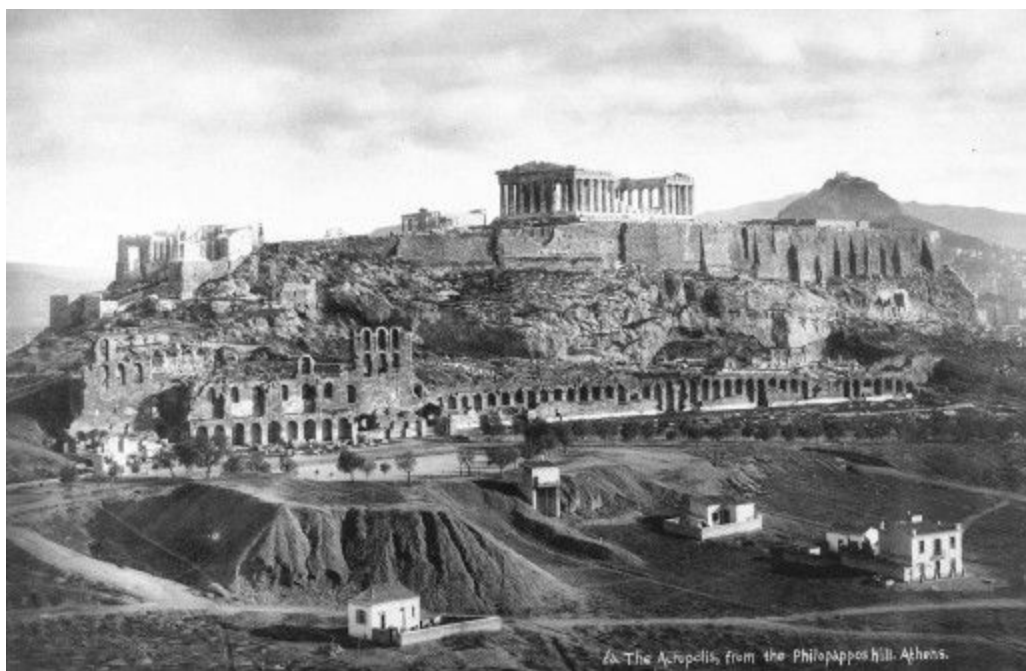
Античный философ

Признаемся, нам очень хочется, чтобы нынешние политики России с особо пристальным вниманием прочли отрывок из работы известного итальянского историка Г. Ферреро «Величие и падение Рима» (1901). Описанное там вполне могло бы случиться и с Россией, если б не те исторические перемены, которые имели место в стране в

начале XX1 века и значение коих в полной мере смогут осознать грядущие поколения. Г. Ферреро писал: «По этому гибельному склону скользила Греция, когда Рим занес над ней свою руку, но не для того, чтобы поддержать ее в момент ее падения, а чтобы еще скорее сбросить в глубину бездны. Если хотят понять, чем была в действительности Римская империя, пусть освободятся от одного из наиболее распространенных и застарелых заблуждений, состоящего в вере, что Рим управлял своими провинциями, придерживаясь широких взглядов, надзирая за общим благом и руководствуясь мудрыми и благодетельными принципами, имевшими в виду главным образом благо подданных. Никогда ни Рим, ни какая другая империя не управляли покоренными странами с такими взглядами; только в очень редких случаях чье-нибудь господство бывает выгодно для подданных; напротив, повелители всегда стараются извлечь наибольшую выгоду с наименьшим риском и усилиями. Рим в действительности оставлял в Греции, как и во всех покоренных странах, положение дел в их естественном течении, безразлично, к добру или злу, до тех пор, пока это не было для него опасно или убыточно. Разрушая Коринф, последний великий торговый и промышленный город Греции, он заставлял эту страну жить умеренными ресурсами своей территории и теми жалкими средствами, к каким прибегают гибнущие народы. Греция принуждена была эксплуатировать свои древности и свои памятники, показывая их иностранцам, и извлекать прибыль из чудесных исцелений Эпидавра. Потом они разделили всю Грецию на бесконечное множество мелких государств, большинство которых охватывало только территорию одного города... поэтому рах Romana не возродил Грецию, он не принес ей даже значительных выгод, ибо то небольшое, что мир сберег, было разграблено Римом. Сперва большая война с Митридатом, потом гражданские войны тридцати последних лет, налоги, грабежи, подати, налагаемые партиями в добавление к обыкновенным контрибуциям и ростовщичеству откупщиков, довели Грецию до смертельного изнеможения, обременяя новыми долгами и так уже обремененную крупную собственность, лишая мужества мелких собственников, уменьшая население, ослабляя уже и так поколебленные правительства и расхищая последние капиталы. К моменту прибытия Августа в Грецию даже сокровищница Храма в Дельфах была пуста. Недавно столь богатая, прекрасная и

могущественная Греция, мать эллинизма, ходила теперь по миру, прося милостыню, в числе других рабов Рима, дряхлая, отвратительная, в лохмотьях, покрытая язвами». Не это ли ожидало и Россию?!

Вместе с тем нельзя не заметить, что «в лохмотьях, покрытое язвами», конечно же, оказалось лишь большинство простого народа Греции. В то же время часть тех господ, кто принадлежал к управленческой элите Греции, те, кто сделал ставку в жизни и карьере на сотрудничество с захватчиками и оккупантами, те, кого назовут коллаборационистами в наше время, не только не прозябали в нищете, но очень даже преуспели... Греки, верные Риму, внесены в число «друзей» римского народа. Единственная мировая империя того времени щедро их вознаграждала, выделяла немалые деньги и всячески поддерживала. Рим активно поддерживал и ту часть греческого бизнеса, что лояльна

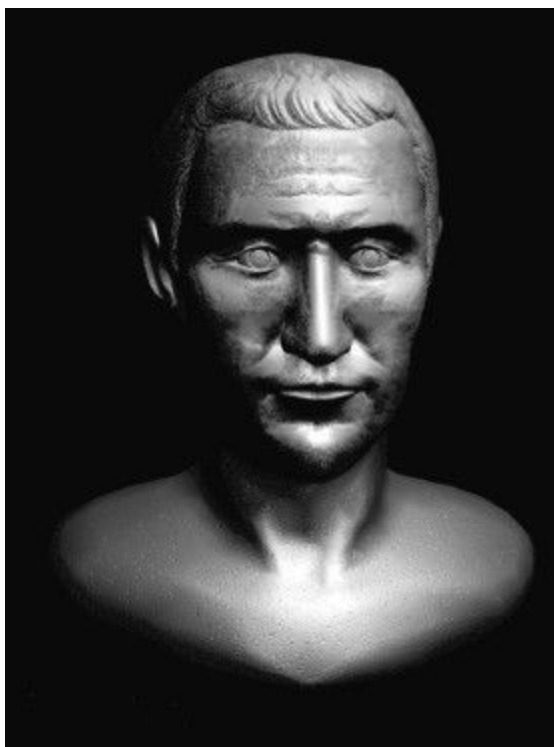

Развалины Греции

Империи. На острове Делос римляне открыли свободную от налогов гавань и отдали ее Афинам. В результате процветание Родоса рухнуло, Афины разбогатели (т. е. близкие к администрации римского правителя греческие коммерсанты). Последовавший торговый бум обогатил не только Рим, но и часть экономического истеблишмента

Греции. Однако предоставим-ка лучше слово блестящему историку Древнего мира Т. Холланду, автору книги «Рубикон. Триумф и трагедия Римской республики». В ней он пишет, говоря о тех колоссальных доходах, что получали высшие слои греческой бюрократии да и богачи от предательства интересов Греции: «Высшие слои афинского общества обратили свои взоры к внешнему миру, концентрируясь на единственной, интересной для них задаче – приобретении миллионных состояний. Конечно, перспектива эта не была открыта перед каждым афинянином. В обществе, управляемом сверхбогачами и действующем в их интересах, чем состоятельнее становится меньшинство граждан, тем сильнее проявляется недовольство большинства. Положение это справедливо для любого общества Древнего мира, но в Афинах – месте рождения демократии – оно было справедливо, как нигде более. Среди афинской бедноты мечты о независимости неизменным образом были связаны с временами, когда власть народа была не только лозунгом. Ничто другое, конечно, не могло в большей степени перепугать крупный бизнес. По мере того, как крепла его власть над правительством, учреждениям, прежде сохранявшим афинскую демократию, позволено было прийти в упадок. Тем не менее они не были отменены полностью, поскольку, помимо всего прочего, были привлекательны с точки зрения туризма. Гостившим в городе римлянам было приятно увидеть спектакль демократии в действии. Иногда Афины предлагали развлечения не столько на уровне музеев, сколько на уровне зоосада». Не считаете ли вы, что эти слова подходят и к другим странам, покорно внимающим «новому Риму»? В прошлом видим черты настоящего.

ЦЕЗАРЬ И НАЧАЛО ЭПОХИ ИМПЕРИИ. «ЗОЛОТОЙ ВЕК» АВГУСТА

И здесь хотелось бы обратить внимание на те черты, которые присущи и России (как империи и как ее наследнице), и великому Древнему Риму. Первое, что надо знать и помнить: Рим создал великую, нет, пожалуй, даже величайшую империю. Создателем этой империи стали великий Гай Юлий Цезарь (101—44 гг. до н. э.) и Август Октавиан (63 г. до н. э. — 14 г.). Перед тем как возникло это впечатляющее сооружение, Рим пережил страшные потрясения, одним из которых были гражданская война и убийство Цезаря. Ранее этому предшествовала схватка за власть между Помпеем и Цезарем. И все это на фоне анархии, жестокой и кровавой гражданской войны. Цезарь пришел к власти в силу ряда обстоятельств: таланты, мотовство, долги, желание выжить. Когда его назначили претором в Испанию, ростовщики не выпускали его из Рима, поскольку долги, в которые он

попал из-за мотовства, во много раз превышали его состояние. Говорят, он сам признавался, что ему требуется 25 миллионов сестерциев, чтобы расплатиться с долгами. Его политическая карьера началась с той минуты, когда он покориł Испанию и Государственное казначейство в итоге получило много денег. Будущие события показали: как бы ни был влиятелен политический деятель-реформатор, он вряд ли сможет рассчитывать на успех без поддержки армии, вооруженных сил, а также без помощи финансов и банков. Это стало ясно в период «союзнических войн», когда война разразилась между различными частями самой Италии (90–88 гг. до н. э.), посчитавшими себя обиженными и восставшими поэтому против центральной власти.

Рукопись «Digesta seu Pandectae». Еврейские банкиры

Аристократия до I в. до н. э. не давала римских гражданских прав италийцам, хотя те способствовали созданию основ будущей империи. Потом началась жестокая схватка двух партий в Риме (Мария и Суллы). Сулла победил «демократов» и расправился с ними самым ужасным образом. Эти события чем-то напоминают нам Гражданскую войну в России (две тысячи лет спустя), когда правящая элита и аристократы вместе с царем так и не решились дать народу те права, которые к тому времени имели уже многие народы. И там, и тут война была ожесточенной, ибо противники прекрасно знали друг друга, были

одинаково вооружены и обучены да и привыкли побеждать в боях. Кроме того, обе стороны были уверены, что «борются они за правое дело, от которого зависит все их будущее – и материальное, и политическое». И действительно, войны были столь кровавы, что их сравнивали с длившимися несколько веков Пуническими войнами. И там, и тут, как пишет М.И. Ростовцев (сам оказавшийся в вынужденной эмиграции в результате гражданской войны в России), «наиболее энергичные, сознательные и культурные италики – самниты и этруски, учителя Рима в области культуры и военной техники, раньше Рима вобравшие в себя эллинскую цивилизацию, – погибли почти целиком и заменены были латинами и усвоившими себе латинский язык и латинский культурный облик жителями Италии». Разве не так же в России наиболее умелые и знающие представители русской культуры и науки погибли, были изгнаны и заменены «латинами», кое-как «усвоившими» русский язык и крохи русского культурного облика?!

Рим эпохи гражданских войн – в потоках крови...

В государстве царила анархия, бывало, людей убивали просто на улице. Все понимали, что в такой ситуации нужна твердая власть – диктатура. И даже сенаторы «полагали, что положение дел требует

диктатуры». Нужно было наводить порядок в государстве, иначе ему грозила гибель. Положение бедняков в Риме в годы гражданской войны было просто отчаянным, хлеба не хватало, начались голодные бунты. Римское правительство вынуждено было облечь г. Помпея расширенной властью. Нужны были деньги, много денег, а их могли дать только военные победы и захваты новых земель и городов. Захват Испании и Галлии дал Цезарю нужные финансовые средства. Аппиан в «Гражданских войнах» определяет истоки могущества государя: «Поэтому Цезарь мог уже все делать, опираясь на большую армию, могущество денег и благодаря любезному отношению ко всем». Среди его друзей были могучие военно-политические фигуры, «тяжеловесы» вроде Гнея Помпея и Красса. Чиновники со страхом взирали на Помпея. Тот, используя свое влияние, «начал процессы против различных злоупотреблений, в особенности против взяточничества и подкупа». Помня, что коррупция погубила империю персов, Помпей считал это главным недугом государства и провел закон, по которому каждый мог требовать отчета от работы магистрата и консула. Судей, чтобы судили честно, он окружил военными – то ли для охраны их от народа, то ли для устрашения, чтобы те видели – и над ними есть закон. Все деятели тех лет получали власть только тогда, когда за ними стояла военная сила (Сулла, Марий, Помпей, Антоний, Цезарь).

Сулла

Однако одной силою и законами империю не создашь, даже при наличии средств. Здесь нужна еще мудрая и гибкая политика. В «Записках» Цезаря вы найдете отрывок, который объясняет многое в том грандиозном успехе, к которому пришел Рим. Он пишет (говоря от третьего лица): «В то время, когда Цезарь зимовал в Галлии, его единственной целью было сохранять дружественные отношения с общинами, ни в одной из них не возбуждать излишних надежд на восстание и не подавать повода к нему. Менее всего хотел бы он быть поставленным в необходимость вести какие бы то ни было военные действия перед самым своим уходом, чтобы не оставлять за собой при выходе своей армии из Галлии такой войны, которую охотно предприняла бы вся Галлия, почувствовав себя свободной от непосредственной опасности. Поэтому он обращался к общинам в лестных выражениях, их князей осыпал наградами, не налагал никаких тяжелых повинностей и вообще старался смягчить для истощенной столькими сражениями Галлии условия подчинения римской власти. Таким путем он без труда поддерживал в ней спокойствие». Конечно, эти слова Цезаря надо воспринимать трезво, с учетом того, кому, собственно, они принадлежат.

Цезарь Гай Юлий

Таким образом, победитель Цезарь сделал главные вещи: он старался сохранить к себе расположение своих солдат и командиров, удерживать вооруженный нейтралитет с богатыми людьми и не вызывать особого возмущения у покоренных народов. Чтобы иметь за плечами прочную опору легионов, им надо платить. Из каких средств? Смешной и даже наивный вопрос. Автор биографии Цезаря, Р. Этьен недвусмысленно указывает на связь власти, богатства и вооруженных сил государства: «Такая восточная роскошь не могла не производить впечатление на народ, так же как его не могли не пьянить триумфальные шествия, во время которых вставляли картины ключевых моментов Цезаревых побед. Солдаты тем более охотно участвовали в этом упоении победой, что они получили в свое распоряжение значительную часть захваченной Цезарем добычи, которую он щедро раздавал. Выплатив солдатам и командирам традиционно причитающуюся им часть награбленного, он в 45 году внес в казну 600 миллионов сестерциев, в 46 году даже расставил в ряд на столах 2822 диадемы, весившие в общей сложности 2414 фунтов золота, и разложил 60 тысяч талантов в звонкой монете. Затем он перешел к раздаче: каждый гражданин получил 10 тысяч модиев (87,50 л) зерна, 10 фунтов (3270 кг) масла и 400 сестерциев. 20 тысяч сестерциев были выданы каждому ветерану, 40 тысяч – каждому центуриону и 80 тысяч – каждому легионному трибуну. И чтобы такая щедрость не покорила армию и плебс?! Теперь можно было рассчитывать на их вечную благодарность и можно было позволить себе все, что угодно. Подобный раздел добычи мог быть принят только без обсуждения. Не желая терпеть ропот некоторых солдат, которые, помимо денежного подарка (*donativum*), требовали раздач, причитавшихся гражданам, Цезарь отдал одного из недовольных в руки палача. Затем он велел умертвить еще двоих на Марсовом поле в присутствии жрецов бога войны и коллегии понтификов. Он велел пригвоздить их головы к стене *Regia*, где обычно вывешивали только череп Октябрьского коня: монарх не мог терпеть ни малейшей попытки оспорить свои решения. «*Credere, obedire*» («Верить и повиноваться»).

Убийство Гая Юлия Цезаря Брутом и заговорщиками

Цезарь предвосхитил будущее *credo* Муссолини». Надо признать, что автор беспощаден к своему герою, но тот именно таков. При всей суровости законов и тяжести правления было в римской модели нечто очень привлекательное, что несла в себе идея империи. Если привести основные положения идей Цезаря к общему знаменателю, то в основе его программы: 1) гибкий централизм при жесткой власти одного руководителя, т. е. самого Цезаря и его партии; 2) построение «бесклассового общества», т. е. общества, в котором гораздо большее внимание уделяется не сенаторам и всадникам, т. е. знатым, богатым, а прежде всего земледельцам, пролетариям, ремесленникам, солдатам, т. е. плебсу (ибо начались восстания должников против ростовщиков, которые опутали долгами весь Рим). Для Цезаря, отмечает историк, «речь в первую очередь шла о том, чтобы возродить плебс за счет своих богатств и завоеваний», и в итоге в результате проводимой им политики долги сократились на четверть; 3) как это ни прозвучит странно, но Цезарь вел политику государства в направлении создания уравнилельной модели общества... Он сблизил положение сенаторов и всадников, нанес удар крупным земельным собственникам, изгнав сенаторов из Кампании и распылив земельный фонд в виде наделов; поприжал откупщиков и ростовщиков; запретил хранить дома более 15 тысяч денариев в звонкой монете; преследовал показную роскошь;

велел изымать на рынках диковинные продукты и запрещенные блюда; желал вернуть Риму гражданскую добродетель как обязательное требование для всех.

Императорский пир

Цезарь решил обратить внимание и на нравы. Дамам разрешил носить жемчуга после 40 лет, а не в 16–25 лет, когда это выглядит непристойно. Эти порядки он намерен был распространить на территории Рима. Р. Этьен пишет: «Цезарь не мог удовлетвориться нивелированием традиционного римского общества. Он мечтал объединить под властью Рима всю ойкумену, где исчезли бы этнические и правовые различия. Он хотел построить империю и, восхищаясь македонским героем, вернулся к идее Александра о всеобщем равенстве: он желал осуществить слияние греко-римской и варварской цивилизаций. В этом он опять же был революционером, и до него в Риме по этому пути не шел никто». Цезарь, сумевший фактически вымостить путь к империи, добившийся множества побед, которые в античную эпоху были опорой успешного правления, ибо приносили в казну средства, на которые можно было содержать армию, поддерживая знать и плебс, победоносный Цезарь был убит Брутом, как считают, его пасынком. Он так и не успел увидеть свое детище – великую Римскую империю.

Наступила эпоха Октавиана – будущего императора Августа. Одна важная деталь. Октавиан пришел к власти на волне страшных событий

гражданской войны, которая разразилась между римлянами и которая вовлекла в свои жернова самых богатых и властных людей государства. Об этих событиях здесь говорить не будем, чтобы не травмировать иных «героев» иного времени, но суть их состояла в том, что многие пострадали «по причине своего выдающегося богатства», а также «из-за своих красивых загородных домов и вилл». Они и угодили в проскрипционные списки (Аппиан). «Безнаказанно убивали друг друга политические противники; другие подвергнуты были изгнанию, у третьих было конфисковано имущество, четвертые были смещены с занимаемых ими постов». Мало того, впервые даже головы консулов, сенаторов и депутатов были повешены на форуме. В назидание потомкам. Понятно, что среди тех, кто устроил охоту за богачами, были прежде всего угнетенные классы (легионеры, рабы, вольноотпущенники и т. п.).

Император Август. Камея из сардоникса в оправе с сапфирами, рубинами и жемчугом

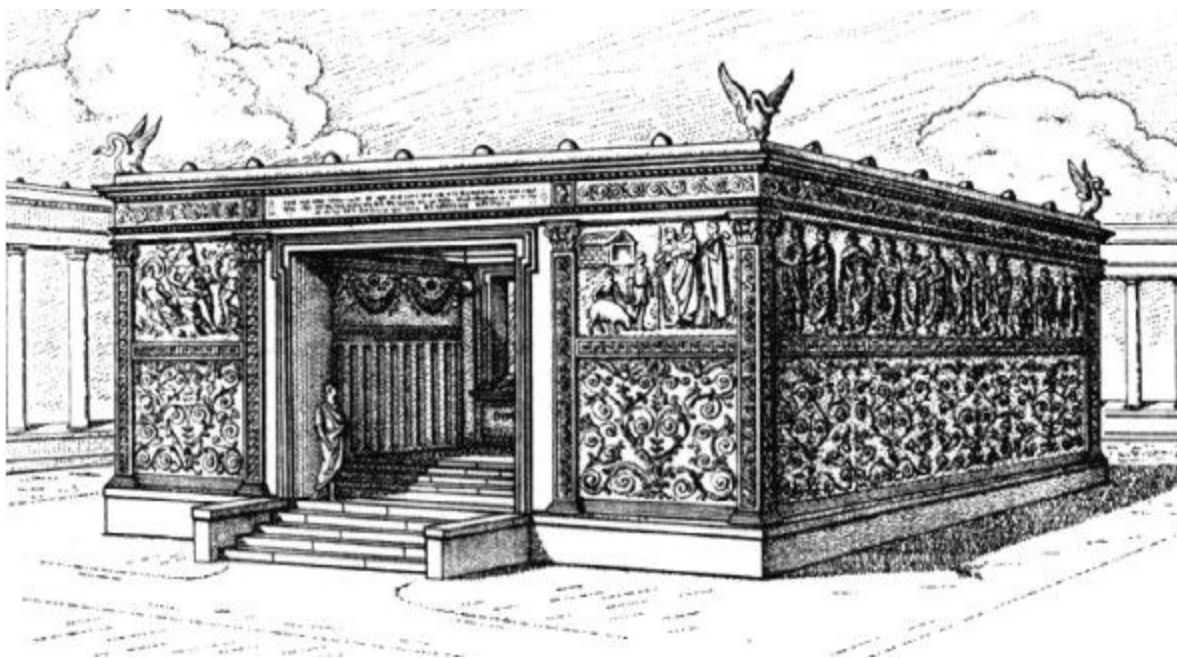
После этого римляне пришли к трудному, но выстраданному решению – более никаких гражданских войн... Лучше диктатор, царь,

принцепс, кто угодно, но власть нужно держать прочно, крепко, умно и, главное, не возмущать свой народ, не держать его в нищете и убожестве. Это станет главной линией власти в Риме. Август (63 г. до н. э. – 14 г.) был сложной фигурой. Оставим в стороне подробности его воцарения, но отметим, что до его воцарения в течение 479 лет (с 509 г. до н. э. по 30 г. до н. э.) Рим был республикой, где власть распределялась между сенатом и народом в лице переизбираемых им магистратов. Август же создал принципат, орган, напоминающий монархию, диктатуру и республику одновременно. Быть может, это самое лучшее государственное деяние Рима... Принцепс – пожизненный проконсул, главнокомандующий, диктатор, в то же время и народный трибун, являющийся выразителем гласа народа.

О нем историк М.И. Ростовцев сказал так: «Редко найдутся в истории люди, относительно которых суждения были и остаются посейчас так разноречивы, как относительно восстановителя Римской империи после хаоса гражданских войн Августа. Впрочем, это – участь всех великих людей. Но редко в ком из великих людей сочеталось столько контрастов, сколько в Августе. Нежный, воспитанный женщинами мальчик, избранный сильным, суровым, истинно мужественным Цезарем своим наследником и преемником. Полный решимости девятнадцатилетний юноша, без колебаний берущий на себя тяжелое наследие Цезаря и сразу же выявляющий себя политиком и вождем первоклассным. Жестокий, неразборчивый в средствах революционный вождь, знающий, чего хочет, и идущий к цели, не стеснясь средствами. Автор проскрипций, конфискаций, политических убийств, руководитель одной из самых беззастенчивых пропаганд, полной лжи и демагогии.

И после всего этого восстановитель государства, заботливый правитель, хранитель традиций, защитник и охранитель морали, великий понтифекс Рима, первый гражданин Рима и пожизненный командир войска; немудрено, что разобраться в этих противоречиях нелегко». К задаткам крупного политика, полководца и управленца добавилась и важная финансовая подпорка: он пришел к власти, имея в наличии деньги, полученные им от отца и Юлия Цезаря. Видя тяжелое положение народа, он сразу же постарался улучшить его жизнь. Первое, что он сделал, это исполнил волю убитого Брутом Цезаря – тотчас передал римскому плебсу (т. е. свободной части

римских граждан в составе 250 тысяч человек) по 300 сестерциев на каждого, что, по оценкам, составило примерно 75 млн сестерциев. Прекрасно понимая, что у народа, солдат зачастую просто нет средств к существованию, в 30 г. он потратил 860 млн сестерциев на приобретение земель в Италии и провинциях для раздачи солдатам. В 24 г. по меньшей мере еще 250 тысяч плебеев получили от него по 400 сестерциев каждый, что в сумме составило примерно 100 миллионов. Такова римская история.

Алтарь мира Августа

Он часто оказывал материальную помощь и из личных средств. В 12 году он выдал 100 млн сестерциев. В 7, 6, 4, 3 и 2 годах он потратил 400 миллионов сестерциев на вознаграждение демобилизованным солдатам. Он выдавал сотни миллионов сестерциев на поддержку бедняков, на создание военных касс, на пополнение государственной казны (а не на изъятие из нее средств налогоплательщиков). В 29 г. он выделил плебеем из военной добычи 220 миллионов сестерциев, в 29–28 гг. внес 80 млн сестерциев на восстановление храмов и возведение памятников. Одним из таких памятников эпохи Августа стал Алтарь мира (13 г. до н. э. – 9 г.). Это целый комплекс сооружений, венцом которого явился мавзолей в виде колоссального холма, увенчанного статуей Правителя, с большим парком для народа, солнечными часами,

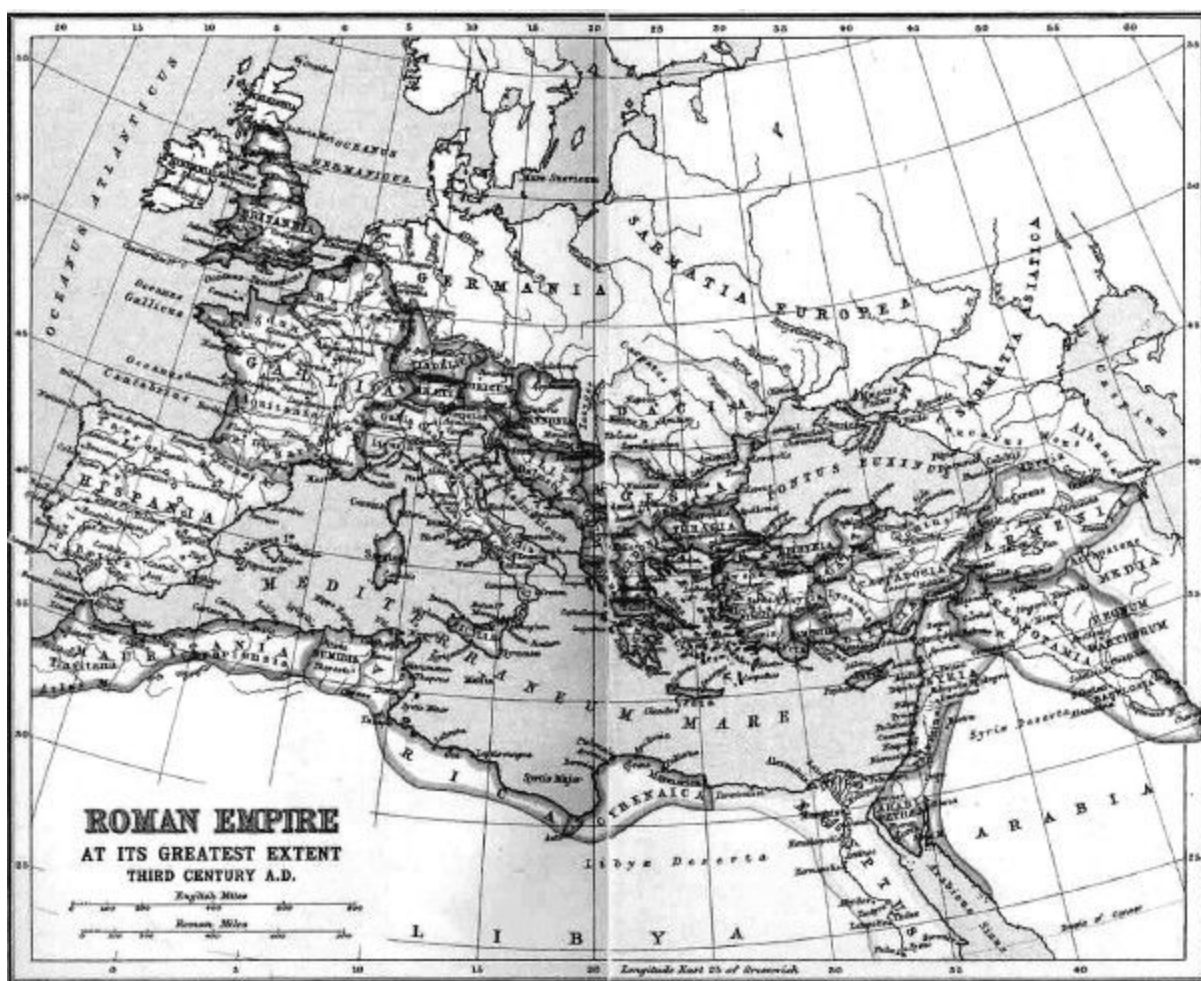
где вместо стрелки был египетский обелиск, указывающий время и сезоны. Парк Победы.

Таким образом, Август в течение жизни истратил на различные общественные нужды более 2 миллиардов сестерциев. Государственный бюджет в те времена составлял 400 млн сестерциев. Чтобы войти в сословие сенаторов, надо было обладать капиталом в 1 млн сестерциев, для вхождения в сословие всадников – капиталом в 400 тысяч сестерциев. Напомним, что из полученного в наследство состояния в 100 млн сестерциев Август 75 млн сразу же выплатил плебеям; он не стремился к безудержному личному обогащению и не присваивал себе не только денег казны, но и добычи. Вот вам и римский император! Не хотелось бы делать героя из человека, сокрушившего Республику, человека, который мечтал получить голову Брута, человека, который погубил «отца» Цицерона, дискредитировал память о Республике и ее достижениях. И тем не менее видим, что римский престол утверждается не только и не столько правдой, как гласит Библия, но и, в первую очередь, деньгами и силой.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ЛИК РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. ВОССТАНИЯ РАБОВ

Римляне создали могущественную империю. Деяния их, с одной стороны, действительно достойны восхищения. Историка Аппиана (II в.) можно понять, когда он начинает свою «Римскую историю» с оды. Мы так воспринимаем следующие строки: «Ни одна держава, вплоть до наших дней, никогда нигде не достигала таких размеров и не имела такого длительного существования. Ведь даже владения эллинов, если кто-либо соединил бы воедино владения афинян, лакедемонян и фиванцев, властвовавших одни за другими, начиная с похода Дария, откуда начался особенно блестящий период их деятельности, вплоть до гегемонии Филиппа над Элладой, не могли бы показаться столь обширными, сколь владения римлян». Он справедливо отмечает, что эллинское могущество нигде не выходило за пределы Эллады.

Историк считает, что если даже сложить время господства ассирийцев, мидян, персов, этих трех величайших империй до Александра, «то не хватило бы времени до тех девятисот лет, сколько до настоящего времени продолжается власть римлян, а если взять размеры владений этих государств и сопоставить их с величиной владений римлян, я полагаю, что они не составят даже половины их». Прав он, и говоря о достоинствах, благодаря которым поднялся Рим к зениту своей славы (доблесть, воля, выдержка, упорство, благоразумие, твердость). Хотя вызывает сожаление то, с каким оскорбительным пренебрежением говорил Аппиан Александрийский об Азии и людях Востока: «Что же касается держав Азии, то ни одна из них в отношении подвигов и доблести не может сравниться даже с самыми малыми странами из европейских ввиду изнеженности и трусости их народов». Однако мы видим, что и Римская империя соткана из противоречий. Ничто так не указывает на внутренние слабости, ущербность Римской империи, как наличие в ней института рабовладения.

Римская империя в III в.

Среди открытий, сделанных римскими юристами, мы знаем известную теорию фикций. Римская фикция, что, по критическому определению немецкого юриста Р. фон Иеринга, была не более чем «кажущимся актом», иными словами, «юридической ложью, освященной необходимостью», служила – и притом хорошо служила – корректировке права, когда какой-то из фундаментальных принципов входил в очевидное противоречие с «доброй совестью» или же «справедливостью». Такая ситуация складывалась, если, например, римский гражданин попадал в плен или становился рабом. Римские юристы нашли выход в том, чтобы признать его «мертвым в момент пленения» и, таким образом, открыть его детям и наследникам путь к легальному обладанию имуществом по правилу, отличающемуся от

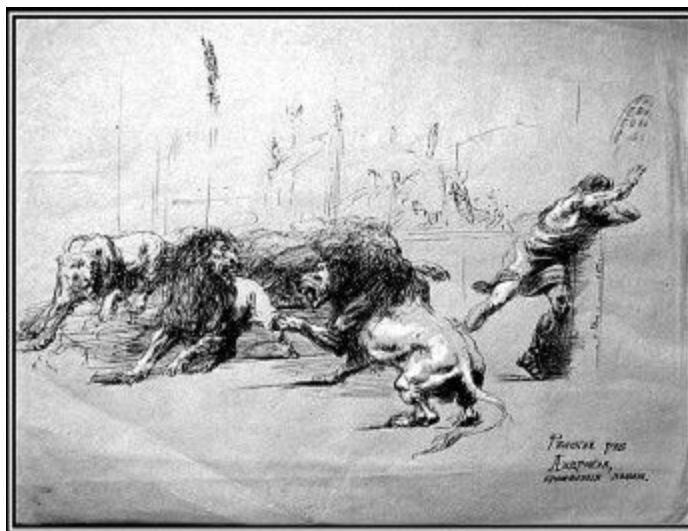
статуса раба. Замеченная и воспринятая римская юридическая фикция жива до сих пор, ее не чуждается и российское право (хотя и трансформирует ее по-своему, неожиданно – в духе наших фикций).

Тьеполо. Призвание Цинцинната к власти диктатора

Можно сказать, что и все разговоры о гражданственности, свободе, римских добродетелях представляются нам такого же рода «теорией фикций». Правда, до Пунических войн римляне еще соответствовали во многом идеалам свободы, демократии, равенства. Долгое время труд свободных шел рука об руку с трудом рабов. Так, Цинциннат обрабатывал свой участок в 2 гектара, когда к нему пришли сенаторы, чтобы приветствовать его как диктатора. Рим соблюдал на практике принцип, согласно которому, глава семьи был действительно хозяином своего поля, размеры которого не должны были превышать возможности его обработать. Так и рассчитывали землю, отдаваемую в собственность. Никому и в голову не пришло бы тогда захватывать

огромные участки земли для спекуляций и продаж. Маний Курий, победитель самнитов, объявил, что такие люди опасны для государства. Эти ненасытные спекулянты станут угрозой для гражданского общества и строя. Стоявший во главе африканского войска Регул, являя пример античной умеренности, требовал своего отозвания, мотивируя это тем, что из-за смерти раба и недобросовестности наемных работников его маленькое поле оказалось заброшенным, в результате чего семья терпит нужду.

Римский раб Андрокон, брошенный пьвам

Эти примеры, приводимые А. Валлоном, показывают, сколь разительно в дальнейшем изменился Рим. Новый дух увлек римлян на путь цивилизации, явил и вкус к роскоши, привычку к безделью и, как следствие, желание иметь больше рабов. То было время с 200 г. до н. э. по II век.

Делакруа. Данте и Вергилий в аду

Путешествие по рабовладельческому Риму напомним нам путь Данте и Вергилия по аду. Повинуясь дикому инстинкту народа, алчного до земли и добычи, римляне времен поздней Республики, тем более Империи, не нуждались в оправдании завоеваний. Ливий считал естественным, что народ, «происходящий от Марса», покорял себе другие народы, и даже советовал им покорно сносить римскую власть. Но уже при Августе Вергилий, напоминая согражданам, что их назначение – владычество над народами (*tu regere imperio populos, Romane, memento*), придавал владычеству моральное назначение – водворять мир и щадить покоренных (*parcere subjectis*). Идея римского мира (*пax romana*) становится девизом римского владычества. Эту идею возвеличивает Плиний, прославляет Плутарх, называя Рим «якорем, который навсегда приютил в гавани мир, долго обуреваемый и блуждавший без кормчего». И греческий моралист, сравнивая власть Рима с цементом, увидел величайшее значение Рима в том, что тот смог организовать человеческое общество среди ожесточенной борьбы людей и народов. Этой же идее «римского мира» дал официальное выражение и император Траян в надписи на Храме, воздвигнутом им на Евфрате, когда до этой реки была вновь отодвинута граница Римской империи.

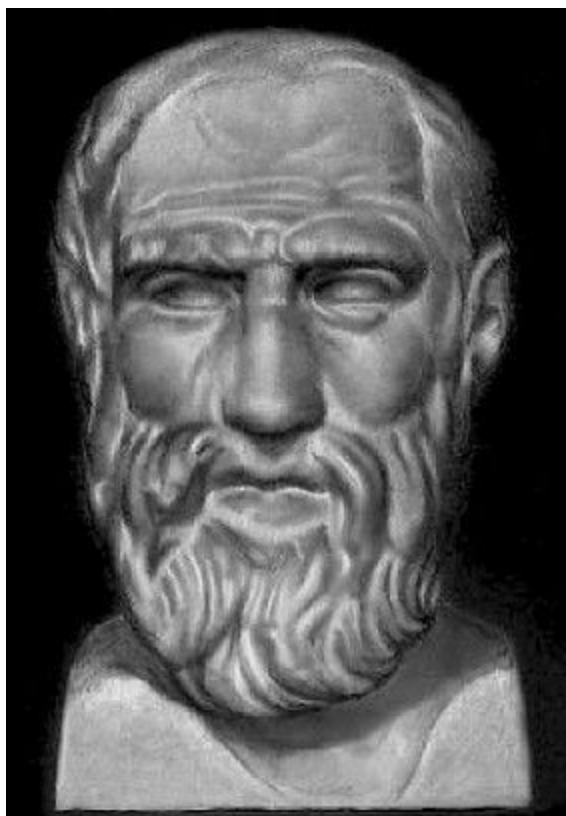
Ранее уже говорилось о том, что рабство было явлением, общим для Древнего мира. Эллинская мысль до IV в. до н. э. не сомневалась в том, что рабство – абсолютно необходимый и законный общественный институт. Аристофан, предлагавший в комедийной форме самую радикальную реформу социально-экономического строя (Ecc1, 651–652), тем не

Рабья и раб пред фараоном

менее считал уместным весь труд земледельцев возложить на рабов. Ксенофонт (De vect., IV, 17) полагал, что лучшим средством для процветания афинского полиса было бы приобретение общественных рабов, числом по три на каждого гражданина. Аристотель, также не оставивший без внимания вопроса о рабах (Polit., I, 2), не выказал тени сомнения в необходимости рабства. Поэты и художники мало уделяли внимания рабам, обычно показывая их лишь как второстепенные, малозначительные фигуры, совершенно лишенные индивидуальной характеристики. Так, например, Аристофан нередко выводит на сцену рабов, но они выступают, чтобы лишь способствовать раскрытию основной идеи автора; иной же раз под маской рабов у Аристофана скрываются даже видные политические деятели Афин. Идеал раба в изображении Еврипида – лишенный индивидуальных черт, хороший слуга, всецело преданный своему господину. Тот же характер имеют и изображения рабов в искусстве периода классики, где совсем нередки фигуры домашних прислужников на надгробных рельефах и краснофигурных вазах. В облике персонажей выступает только их

подчиненное положение, а иногда еще и их плохие манеры. Скажем, так представлен раб-педагог на килике (сосуд для питья вина) вазописца Дуриса со сценой из школьной жизни. В отличие от чинно держащихся учителей и учеников этот раб расселся, скрестив ноги, что, согласно свидетельству Аристофана (Nub., 983), считалось признаком дурного тона.

Аристофан

Позже отношение к рабам заметно меняется. В противовес полисной замкнутости стоики в известной мере вслед за киниками выдвигали идею космополитизма, т. е. общечеловеческого единства. Все это позволило стоикам с более гуманной точки зрения посмотреть на рабов, что было менее свойственно их предшественникам. Если для Аристотеля раб – необходимая рабочая сила и если бы инструменты могли бы действовать сами по данному им приказанию, то не было бы нужды в рабах, то, согласно учению стоиков, ни один человек уже по природе своей не является рабом.

Различного рода труд сам по себе не является признаком рабства, ибо работать при тех или иных обстоятельствах приходится и свободным. Свобода заключается в возможности проявлять самостоятельность, а рабство исключает эту возможность (Diog. Laert., VII, 1, 121). В период эллинизма более доступными для рабов становятся и общественные культы. Рабы ранее допускались к Элевсинским мистериям (религиозное празднество); теперь, когда мистерияльные культы получили широкое распространение, возросло число поклонявшихся им рабов.

Микеланджело. Умирающий раб. Лувр

После разрушения Карфагена «война захватила весь мир» и все театры военных действий стали поставлять рабов. После триумфа победитель предавал пленных смерти, избивал их в лагерях, заставлял

убивать друг друга во взаимных схватках на потеху своим воинам. Остальных меняли или обращали в рабов.

Рим распространил эти суровые меры на весь мир. Невыносимо тяжелой оказалась ноша римского владычества для побежденных. Население Сицилии сократилось в результате войн на 1/10. А. Валлон пишет, что и другие страны (Сардиния, Цизальпинская Галлия, Испания и др.) «заплатили толпами рабов римским легионам, которые выбивались из сил, чтобы их подчинить». Цезарь за один только раз продал в рабство 53 тысячи человек. Если верить Плутарху и Аппиану, он взял в плен свыше миллиона человек. Рим получал рабов из двух источников: рабами рождались или становились. К ним причисляли и детей рабов, хотя мнение юристов, как говорили тогда, «первых лиц в государстве», разделились. Гораций с удовлетворением пишет: «Лежит толпа своих рабов, богатства знак, вокруг божеств сияющих».

Но вскоре стало ясно, раб – это еще и источник опасности и восстаний. Старая пословица гласила: «Сколько рабов, столько врагов». Римский воин нес с собой не столько цивилизацию, право и дороги (до этого дело доходило, но в последнюю очередь), сколь кандалы рабства и позор угнетения, и это было везде, где ступала нога римского завоевателя. «Греция была окончательно покорена, и последние борцы за ее свободу отправились в Рим, чтобы увеличить собой число рабов».

Раб

То же самое происходило и в Азии. Везде и всюду римские войска, уходя, уводили с собой цвет побежденных народов; везде победители, прежде чем поставить все население страны, мужчин и женщин, в одинаковые условия зависимости, собирали еще дань рабами среди наиболее преданных ее защитников. Это было неизбежным следствием всякой битвы и завершением всякого похода. «И если бы мы собрали все тексты древних писателей, то все же не получили бы действительной, реальной картины». Реальная картина была бы ужасной. Т. Моммзен пишет: «Уже в то время слово «мытарь» является у восточных народов синонимом слов «злодей» и «грабитель». Эта повинность больше всех других способствовала тому, что римское имя стало ненавистным, в особенности на Востоке. Когда власть перешла к Гаю Гракху и к той партии, которая называла себя в Риме партией популяров, было открыто объявлено, что политическое владычество дает каждому участнику право на известное количество шеффелей зерна. Гегемония превратилась просто в собственность на землю; не только была введена полная эксплуатация, она была с бесстыдным цинизмом мотивирована, узаконена и программирована. Конечно, не случайно самое тяжелое

бремя легло на самые невоинственные провинции – Сицилию и Азию». Итогом такой политики стало исчезновение многих ярких культур. Восток отдал свою кровь Западу. Вольней писал: «И мне на ум пришла история прошлых времен; я вспомнил древние века, когда в этих краях жили двадцать замечательных народов, [среди которых] Персия, владычествующая от Инда до Средиземного моря, собиравшая подати с сотни народов. Где они, валы Ниневии, стены Вавилона, дворцы Персеполя, храмы Баальбека и Иерусалима?» Над всем этим теперь властвовал Рим.

Экономика Древнего мира не могла жить без рабов. Правящий класс Рима включал сенатское и всадническое сословия, муниципальную и провинциальную знать, имевшую римские гражданские права. Они-то и получали все выгоды от эксплуатации рабов, собственных бедных граждан, грабежа провинций и частых внешних войн. Сформировался тип рабовладельческих отношений, который именуется классическим или античным. Суть его вовсе не в том, как часто считается, что в Греции или в Риме рабы подвергались более жестокой и изощренной эксплуатации, чем в других странах Древнего мира, и потому античное рабство представляло собой более высокую ступень в развитии рабовладельческих отношений. Нет, античное рабство находилось на более высоком уровне развития по сравнению, скажем, с рабством египетским, и, главное, это был совсем иной тип рабовладельческих отношений.

Однако это отличие определялось не развитием рабства как такового, а принципиальным отличием организации греческого и римского общества свободных от египетского общества свободных. В античном мире рабами могли быть, как правило, только чужеземцы, которые в социально-правовом плане приравнивались к вещи по той причине, что гражданские законы и нормы не имели к ним, как к чужеземцам, никакого отношения. Это сравнение рабов с вещью, или, по выражению римского ученого Теренция Варрона, с говорящим орудием труда, так полюбившееся историкам марксистско-ленинской ориентации, возникло не вследствие особой жестокости эксплуатации рабов в античном мире. Рабство для человека античности, будь то философ, юрист, писатель, знатный патриций или даже бедняк плебей, считалось естественным потому, что, будучи чужаком, античный раб в глазах общества, находясь рядом с полноправным гражданином,

считался существом совершенно иного рода. В античности существовала глубокая пропасть между классом свободных граждан и классом лишенных прав рабов...

Рынок рабов

Италия будет оставаться ведущим центром рабства и два столетия после рождения Христа. Главным рынком рабов был остров Делос, на Эгейском море. Географ Страбон утверждал, что в течение дня на острове, главном центре торговли между Западом и Востоком, в торговом обороте участвовали десятки тысяч рабов. Рабы – важнейший предмет дохода и для многочисленных пиратов. Известно, киликийские пираты не только уводили в рабство экипажи и пассажиров судов, но и опустошали целые области побережья Средиземного моря. Эти разбойники могли схватить прохожего где угодно – в городе, в поле, во время путешествия, безотносительно того, свободный то был или раб. Ни о какой морали, в современном смысле слова, речи не было. Если даже сегодня захват людей в плен, рабство, уплата выкупов продолжают жить в отдельных частях мира, то что говорить о том времени. Об уровне морали свободных граждан в эпоху античности говорит и то, что знатные римляне были главными потребителями рабов, а иные участвовали в работорговле. Катон Старший (234–149 гг. до н. э.), большой «ревнитель благочестия и древних добродетелей», тем не менее охотно вкладывал деньги в

работоторговлю. На продаже рабов зарабатывал и сам Рим, получавший с каждого раба ввозной и продажный налоги. В Риме рабство было более развито, чем в Греции. Применение труда рабов в хозяйстве и экономике обосновывали ученые. Наиболее известны труды Катона Старшего и Варрона. В труде «О земледелии» Катон обосновал преимущества сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями экономики, допуская использование нерабского труда, но его идеалом было высокоинтенсивное хозяйство виллы, основанное на рабском труде. Катон обобщал опыт ведения хозяйства и давал ряд «ценных советов» по увеличению доходности, особое внимание уделяя вопросу организации рабского труда. Так, он предлагал применять смешанный метод поощрения – кнута и пряника. Проблемы организации рабского труда рассматривает и Варрон в работе «О сельском хозяйстве» (где он обосновывал преимущества сельского хозяйства и порицал переселение римлян в тесные городские стены). Он был сторонником самообеспечения вилл, а развитию рынка не придавал особого значения.

Распятые рабы

В эпоху Августа численность рабов в Италии и Риме доходила как минимум до 2 млн, что составляло от четверти до трети всего населения страны. По некоторым расчетам, в Италии в эпоху Спартака были 8 миллионов полноправных свободных граждан, 2 миллиона

отпущенников и 4 миллиона рабов. Рабы (цена 400–500 денариев) делились на разряды: 1) государственные рабы (служители при магистратах, военачальниках, храмах, писцы, тюремщики, палачи; их, впрочем, было сравнительно немного); 2) рабы частных лиц: а) привилегированная часть рабов, городская фамилия (домашняя прислуга, чтецы, ораторы, философы, грамматики, архитекторы, секретари, библиотекари, стенографы, комедиографы, актеры и пр.); б) рабы, занятые трудом производительным (ремесленники); в) сельская фамилия (работали в сельском хозяйстве, подвергаясь тяжелой эксплуатации); г) категория осужденных рабов (работали в рудниках, каменоломнях, в окопах на полях, находились в гладиаторских школах и казармах). В I–III вв. труд их находил применение всюду: в сельском хозяйстве, металлургии, строительстве, гончарном ремесле, в рудниках и копях, при производстве предметов широкого потребления и торговле. Среди рабов были не только ремесленники или гладиаторы, но и люди интеллектуального труда, служащие, очень красивые женщины и т. д., и т. п. Наличие многих надписей о вольноотпущенниках – свидетельство широкой практики отпуска рабов на волю. Этого требовали условия все время развивавшегося рабовладельческого общества (о чем и свидетельствует наличие значительного количества отпущенников в наиболее романизованных областях Галлии), и это касалось преимущественно находившихся в сравнительно привилегированных условиях городских рабов, которым и посвящены в первую очередь исследуемые памятники. Как пишет Н.Н. Белова, отпущенные на волю рабы сами при первой возможности становились рабовладельцами, содействуя воспроизводству из поколения в поколение отношений рабства и отпущенничества. Быт сельскохозяйственных рабов в Галлии не отличался, в основном, от условий существования римско-италийских рабов, занятых в той же сфере производства. Случаи освобождения сельских рабов очень редки. Остатки эргастула (частная тюрьма для рабов), обнаруженные при раскопках в одной из сельских вилл, и рабские кандалы – в другой свидетельствуют о применении суровых средств для наказания рабов. Рабы не всегда были покорны. Рабы и отпущенники, ненавидя господ, весьма охотно доносили на патронов во время проскрипций и получали награды. Они вступали в коллегии свободных, принимали участие в отправлении культов восточных богов, слушали и повторяли

опасные пророчества. К ужасу рабовладельцев, рабы пополняли собой вооруженные отряды рабов по всей Италии. Нередки были случаи и убийств господ рабами. В одной из надписей читаем, что 30-летний отпущенник – «скотовод» был убит рабом, который после убийства господина сам покончил с собою, бросившись в реку.

Ж. Жером. Аукцион рабов в Риме

Однако богатые дворцы и состояния, полученные в результате войн и грабежей, торговли и эксплуатации широчайших масс плебса, надо было кому-то обслуживать. Господа после тягот войны с Митридатом, жестокой войны с марианцами и после страха, навеянного примером проскрипций и конфискации, наслаждались роскошью, искусством и науками, обзаводились обширными виллами, громадными домами в Риме с приемными, гостинными, библиотеками, статуями, картинами, посудой, бассейнами, банями, пышными семейными усыпальницами.

Схватка гладиаторов со львами

Состоятельные люди не жалели денег на строительство и украшение своих домов и вилл. Л. Лукулл за имение в Байях уплатил 10 тысяч талантов (талант – 26,2 килограмма серебра), дом Квинта Цицерона в Риме стоил 1 миллион сестерциев, дом Марка Цицерона на Палатине, купленный после отбытия им «исторического» консульства, обошелся ему в 3,5 миллиона сестерциев. Имущество М. Красса оценивалось в 200 миллионов сестерциев. Стремление к роскоши всюду становится главным. «Считается, – негодует поклонник простоты предков, – что нет у тебя и усадьбы, если на нее не насело множество греческих слов, которыми по отдельности называют разные места: процетон, палестра, аподитерий, перистель, орнитон, перистерон, опоротека».

Сработано рабами Рима

В усадьбах и виллах – обширные амбары, погреба, кладовые, цветники, огороды, птичники, пруды, парки, луга, леса, пастбища. Их обслуживали рабы, вольноотпущенники, съемщики, колонны, дворовые слуги. Челядь в городских домах крупных магнатов включала до 150 должностей: лакеи, кондитеры, повара, воспитатели, художники, врачи, секретари, грамматика, философы, переписчики, шуты. В их числе – значительное число иностранцев. А все вне Рима – «нищее захолустье».

Все находились при этом в состоянии конкуренции друг с другом. Аппиан отмечал порчу гражданских нравов (писал он о римлянах 44 г. до н. э., но такое положение отмечалось и ранее): «Исконный римский народ перемешался с иностранцами, вольноотпущенник стал равноправным гражданином, и у раба был тот же вид, что и у господина; ибо, если исключить сенаторскую одежду, все прочее облачение было у них и у рабов одинаково. Кроме того, обычай, имевший место только в Риме, публичные раздачи хлеба неимущим, привлекал в Рим бездельников, попрошаек и плутов из всей Италии». Фактически и бесчисленные стройки Римской империи были «сработаны рабами Рима».

В I в. уже по-настоящему стала ощущаться опасность, которую представляли собой рабы, «легионы рабов», скопившиеся в Риме и Италии. При Тиберии кое-кто предлагал возобновить законы против роскоши, которые должны были, между прочим, ограничить и число рабов в частном владении. О постоянном страхе крупных рабовладельцев говорил Гай Кассий в речи по поводу дела рабов Педания Секунда. Не соответствовавшее размерам события смятение вызвала в Риме попытка Куртизия поднять восстание рабов, быстро подавленное. При Клавдии тетка Нерона Домиция Лепида была осуждена за то, что недостаточно строго держала массы своих рабов в Калабрии и тем нарушала мир в Италии, хотя, по-видимому, никаких данных о готовившемся восстании не было. Против рабов принимались различные меры. В 10 г. сенат принял закон, по которому в случае убийства господина казни предавались не только все находившиеся с ним под одной кровлей рабы, но и отпущенные по завещанию на свободу.

Тинторетто. Апостол Марк освобождает раба

Закон Клавдия, по которому вступившая в связь с чужим рабом женщина становилась рабыней, был направлен на более резкое разграничение рабов и свободных. Плиний Старший считал рабство не выгодным не только в социальном, но и в экономическом отношении, когда рабов становилось слишком много. О развращающем влиянии рабов и о жестокости по отношению к ним писал и Ювенал, который ратовал за патриархальные отношения, царившие в фамилиях «предков», кое-где в Италии еще сохранявшихся. Цицерон считал закономерной участь рабов. Много писал о рабах Сенека. В буржуазной литературе его считают проповедником нового, гуманного отношения к рабам, возобладавшему в период империи. Сенека часто повторял, что раб – такой же человек, как и господин, что только тело, но не душа его находится в рабстве; ему доступно познание добродетели, он может стать благодетелем своего господина, а господин может и должен быть благодетелем раба, обращаться с ним кротко и милостиво, предоставляя ему известную степень свободы. Сенека привел мнение Хрисиппа, называвшего раба вечным наемником. Его человеколюбие было обусловлено чувством самосохранения. «Каждый раб, – пишет он Луцилию, – имеет над тобой право жизни и смерти... я говорю: всякий, кто презирает свою жизнь, становится господином твоей. Учти пример тех, кто погиб в домашней засаде, или от открытой силы, или обманом; ты ведь знаешь, что не меньше [людей] пало жертвой гнева рабов, чем гнева царей». Тот, кто

внушает страх, говорит Сенека, сам живет в постоянном страхе, поэтому мудрый не должен стремиться к тому, чтобы его боялись. Жестокий господин, как и тиран, ненавистен всем, и им постоянно угрожает месть обиженных. Наказывать рабов необходимо, но при этом следует соблюдать умеренность. Характерно письмо Сенеки к Луцилию, посвященное взаимоотношениям с рабами. Он хвалит друга за то, что тот живет в тесном общении (*familiariter*) с рабами, и пишет, что узнает в этом обычную предусмотрительность. «Своей жестокостью и излишествами мы сами делаем рабов врагами, а часто и своими господами. Предки, которые называли господина *pater familias*, а рабов *familiares*, установив праздник, во время которого рабы ели вместе с господами и пользовались домашними почестями, спасали рабов от унижения, а господ – от ненависти. Надо допускать рабов к своему столу в виде награды. Лучше пусть рабы уважают господина – как его клиенты, чем боятся его. Ведь, в конце концов, все люди – рабы: кто страстей, кто тщеславия, кто жадности, и все в равной мере – страха. Но страх и определял во многом отношение к рабам».

Патриций

Здесь четко прослеживается связь между политикой могучего Рима, что направлена на покорение стран и закабаление народов, и теми проявлениями протеста и возмущения, которые принимали формы вооруженных выступлений (открытых военных битв с не желавшими смиряться народами, восстаний рабов и, наконец, гражданских войн). Восстания рабов перерастали в войны, за войнами следовали все новые восстания рабов. Не имевший никаких формальных прав (ни гражданских, ни политических), раб выступал по отношению к свободным гражданам классом-антагонистом, возмутителем спокойствия. Древнегреческий историк Диодор, понимая это, писал: «Когда чрезмерная власть вырождается в зверства и насилия, дух покоренных народов приходит в крайнее отчаяние». Это отчаяние становилось безграничным, ибо Рим не знал предела алчности и жадности, во всяком случае, в отношении побежденных. Историк отмечал прямую связь между богатствами, в основе которых лежало рабовладение, и борьбой рабов. Описывая восстание на Сицилии в 240 г. до н. э., он говорит: «Около шестидесяти лет после того, как Карфаген лишился власти над островом, сицилийцы процветали. Затем разразилось восстание рабов, и вот что было ему причиной: поскольку сицилийцы нажили огромную собственность и собрали колоссальные богатства, они покупали множество рабов. Рабов толпами пригоняли из темниц и сразу же клеймили особыми знаками.

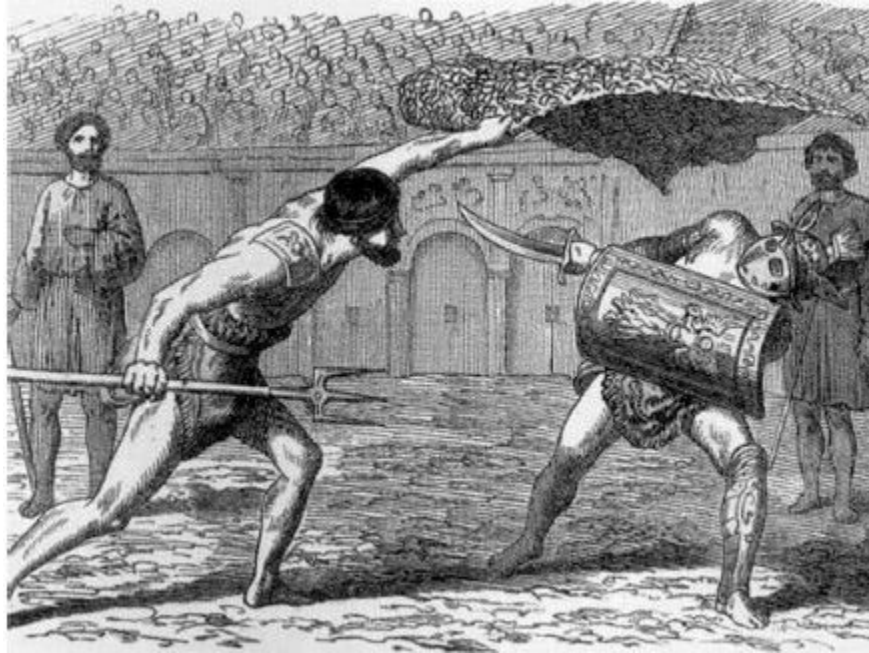
Гладиаторы

Казармы гладиаторов

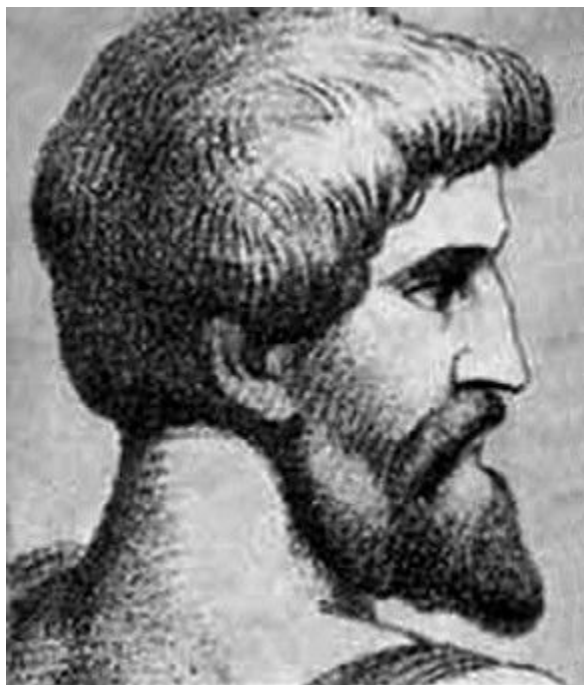
Молодых назначали в скотопасы, остальные получали подходящие занятия. Их труд был очень тяжелым, а одежды и пищи им почти не выдавали. Большинство находили себе пропитание разбоем; всюду происходили убийства, по стране бродили шайки разбойников, так как их хозяева были слишком могущественны. Хозяева в большинстве своем были римскими всадниками, и губернаторы их боялись, так как те были облечены властью судить всех уличенных в преступлениях чиновников. Рабы же не могли больше терпеть своего отчаянного положения и частых беспричинных наказаний; при всякой возможности они собирались и говорили о бунте и наконец, набравшись решимости, перешли к действиям». Численность рабов быстро возрастала. Фабий Максим, захватив Тарент, сделал рабами 30 тысяч свободных граждан этого города (209 г. до н. э.); консул Эмилий Павел, разгромив города Эпира, то же сделал со 150 тысячами свободных эпиротов; Сципион Эмилиан, разрушив Карфаген, обратил в рабов оставшихся в живых жителей. Очутившись в рабстве, все невольники стремились вернуть себе свободу. Если им не удавалось добиться свободы легальным путем, то они становились источником всякого рода интриг, мятежей, войн, разбоя. «Таким образом, рабство жестоко мстило за себя внутренней социальной отравой в лице этого класса тунеядцев, которые требовали еще и развлечений, — *panem et circenses* (лат. — «хлеба и зрелищ!») теперь становится лозунгом черни, для которой строились эти грандиозные театры, цирки».

Об острых классовых противоречиях и борьбе рабов свидетельствуют социальные движения, имевшие место в Галлии в I–II вв., где наряду с другими низшими слоями населения принимали участие и рабы. Рабы из завоеванных провинций, не смирившиеся с рабством, готовы были восстать. Это и немудрено, если учесть, что после галльских войн на рынки попали около полумиллиона рабов. Обращенные в рабство, астуры и кантабры перебили господ и бежали на родину, в Испанию. Тяжелым было положение рабов-рудокопов, рабов-гладиаторов. В 264 г. до н. э. на Коровьем рынке Рима во время поминок по Бруту Пере, устроенных его сыновьями, Марком и Децимом, состоялся поединок трех пар гладиаторов (от латинского слова «gladius» – меч). Но лишь спустя еще почти 50 лет это зрелище получило определенный размах: теперь 22 пары гладиаторов на протяжении 3 дней услаждали взоры жителей на погребальных играх, устроенных в память о консуле Марке Эмилии Лепиде тремя его сыновьями. И только в 105 г. до н. э. для увеселения римской черни гладиаторские бои были введены в число официальных публичных зрелищ. К исходу II века до н. э. бои, длившиеся несколько дней подряд при участии сотен гладиаторов, уже никого не удивляли. Появились и люди, для которых содержание и обучение гладиаторов стало профессией. Массы гладиаторов были одним из главных источников восстаний и мятежей. Тацит говорит о восстании Флора и Сакровира (21 г.), рабов-гладиаторов. Закованные в железо, они были упорными, смелыми бойцами и составляли главную ударную силу восставших (Ann., III, 43–46). Рабы были участниками многих восстаний против Империи, в том числе вспыхнувшего в 173–174 гг., во время войн Марка Аврелия. С большой уверенностью можно говорить об участии рабов и в грандиозном движении Матерна в 186 г., которое античные авторы, а вслед за ними буржуазные историки называли восстанием «дезертиров» и толп рабов. Нашему читателю и зрителю наиболее известно восстание воина-фракийца, легендарного Спартака.

Схватка гладиаторов

В самом деле, образ Спартака донесен до нас не столько историками, сколь литераторами и кинематографистами (роман Р. Джованьоли и т. п.). Его имя ворвалось в европейскую действительность во время событий в революционной Франции. Если же обратиться к свидетельству тех, кто так или иначе знал больше об этой личности, то все отмечают его таланты военачальника, мужество, отвагу, ум. Плутарх писал о нем: «Спартак... человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ждать от человека его племени». И даже Флор, относившийся к рабам с ненавистью и презрением, не мог не отметить, как мужественно принял он смерть в последнем бою: «Спартак, сражаясь храбрейшим образом в первом ряду, был убит и погиб, как подобало бы великому полководцу».

Спартак

Что известно о его биографии? Историки отмечают, что происходил он, вероятно, из племени медов во Фракии (крупное и сильное племя, знакомое с греческой культурой). Родом он был, скорее всего, из аристократической семьи (имя созвучно родовому имени боспорского царского рода Спартокидов). Место и время его рождения – Сандански, Болгария, 71 г. до н. э. Восстание начато группой рабов-гладиаторов из частной гладиаторской школы в Капуе. Около 200 рабов составили заговор, который был раскрыт, но 74 человека бежали и укрылись на Везувии. Восставшие выбрали 3 предводителей, и первым из них был Спартак, бывший наемник, попавший в плен и проданный в гладиаторы. Двое других – Крикс и Эномай, как считается, были галльского или германского происхождения. Упомянутый Флор говорил: «Спартак – это солдат из фракийских наемников, ставший из солдата дезертиром, из дезертира – разбойником, а затем за почитание его физической силы – гладиатором». К восставшим присоединялись рабы со всей округи и «свободные с полей». Посланный для их уничтожения из Капуи римский отряд восставшими был отбит.

Гибель Спартака

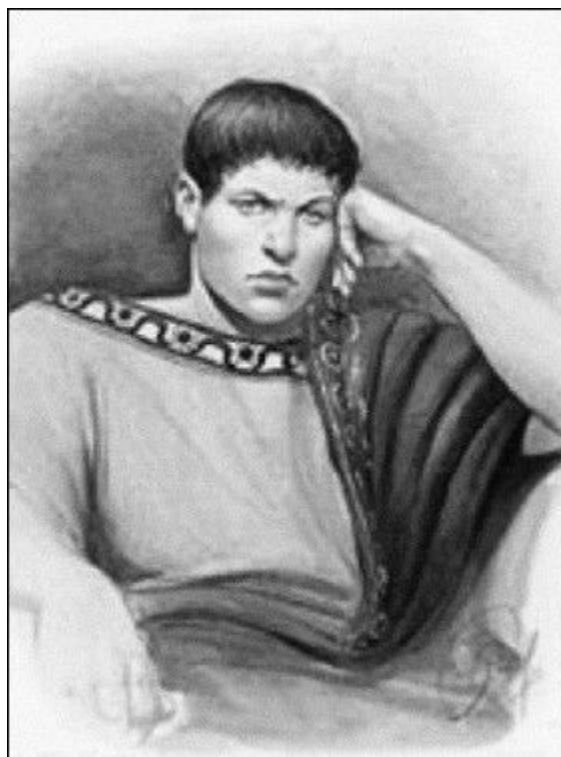
Марк Красс

Нанеся римлянам несколько серьезных поражений, Спартак «стал уже великой и грозной силой, но как здравомыслящий человек, ясно понимал, что ему все же не сломить могущество римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и, таким образом, дать каждому возможность вернуться домой – одним во Фракию, другим в Галлию». Число восставших, по Аппиану, достигало 70 тыс., а затем оно увеличилось до 120 тысяч человек. Восстание началось в удобный для них момент, когда главные армии Рима находились в Испании и Фракии. На руку Спартаку было и глубокое возмущение городских низов и бедных крестьян политикой сената и римской знати. Аристократия и всадники наживались за счет добычи, получаемой от ограбления покоренных стран и народов. «Рыла тех и других чавкали в одном и том же корыте» (Том Холланд). Они сказочно богатели за счет хлебных спекуляций, а производитель хлеба – крестьянин – нищал. Шел процесс захвата земли и разорения мелких производителей. Цицерон писал, что в сей ситуации «вооруженные силы и отряды, осаждающие государство, более многочисленны, чем защищающие его, так как чуть кивнешь дерзким и пропадающим людям – и они уже пришли в движение». Одержав ряд громких побед, Спартак хотел покинуть Италию, не помышляя ни о какой революции, однако сам факт гибели крупных землевладельцев, горящие и разграбленные поместья, потеря собственности заставили Рим осознать всю важность войны со Спартаксом. В итоге герой был разбит Крассом и погиб в бою. Оставшихся в живых пленников римляне распяли.

Сцена из балета «Спартак»

ЦЕЗАРИ И ФИЛОСОФЫ. СЕНЕКА И НЕРОН

Хотя Рим не был символом гражданского порядка, мира и благополучия для всех, были у Рима и моменты величия, и достижения. «Строгое» право (*jus strictum*) римлян под воздействием права иных народов трансформируется. Рим учился властвовать, по словам поэта, «не оружием только, а законами» и даже стал призывать все прочие народы к участию во власти. Греческий оратор Аристид, обращаясь к Марку Аврелию и его товарищу Веру, говорит: «При вас все для всех открыто». Всякий, кто был достоин магистратуры и общественного доверия, уже перестает считаться иностранцем. Само имя римлянина перестает быть отличием одного города, но становится достоянием человеческого рода. «Вы установили управление миром наподобие строя одной семьи». Не мудрено, что в пределах империи возникло представление о Риме как о некоем общем отечестве. Эту идею привносят в Рим выходцы из Испании, давшей Риму и лучших

императоров. Сенека, воспитатель Нерона и во время его малолетства правитель империи, сказал: «Рим – как бы наше общее отечество». В этой связи показательна судьба двух наиболее часто упоминаемых в римской истории лиц – Нерона и Сенеки. Тот же Сенека заметил: «О великих делах следует судить, проникшись их величием, иначе мы рискуем внести в них собственные пороки».

Римский историк Светоний, которому мы обязаны сведениями о Нероновом правлении (54–68 годы), бесстрастно фиксирует его деяния, подробно говоря об убийстве матери, об эксцессах, связанных с его «артистической» деятельностью, в угоду которой он забывал о долге отца отечества, о пожаре Рима. Много места посвящается добрым начинаниям молодого императора. И после смерти Рыжебородого (Агенобарба) некоторые «еще долго украшали его гробницу весенними и летними цветами и выставляли на роstralных трибунах то его статуи в консульской тоге, то эдикты, в которых говорилось, что он жив и скоро вернется на страх своим врагам». Даже крупнейший дипломатический партнер Рима, парфянский царь Вологез просил, чтобы память об императоре оставалась в почете, ведь он был мирно настроен к Востоку, с которым Римская империя воевала и до, и после него. Светоний подтверждает: «И даже двадцать лет спустя, когда я был подростком, явился человек неведомого звания, выдававший себя за Нерона, и имя его имело такой успех у парфян, что они деятельно его поддерживали и лишь с трудом согласились выдать». Говорят, что поначалу юноша Нерон собирался править по «лекалам» Августа, стараясь показать народу щедрость, милость, мягкость и справедливость. Награды донощикам он сократил в четыре раза, народу роздал по четыреста сестерциев на душу, обедневшим патрициям положил ежегодную ренту, а когда ему принесли на подпись указ о казни какого-то преступника, воскликнул: «О, если бы я не умел писать!» Писать Нерон, однако, умел, и неплохо, и вообще был одним из самых образованных людей своего времени; немудрено – воспитывал его сам Сенека.

Нерон. Костюм для пьесы Ж. Расина

Причем воспитывал в скромности, которую философ относил к числу первых добродетелей. Под его влиянием юноша отказался от ставшего уже традиционным для принцепсов титула «отца отечества», а также от ритуальных благодарностей сената: «Я еще должен их заслужить». В этом с ним можно согласиться. Тип Нерона замечателен тем, что он, словно птица Феникс, возрождается в эпохи, когда деньги становятся глашатаями истины. «Для денег и богатств он (Нерон) единственным применением считал мотовство; людей расчетливых называл он грязными скрягами, а беспутных расточителей – молодцами со вкусом и умеющими пожить». Восхищался теми, кто тратил так неумеренно, как это порой мы наблюдаем у «героев» нашего времени. Хотя, как известно, потоки богатства быстрее всего теряются в песках расточительности (П. Буаст). Он якобы был твердо убежден, что на свете честных и целомудренных людей нет вообще. Люди лишь «таят и ловко скрывают свои пороки». Нерон считал, что, демонстрируя пороки, он укрепляет добродетель.

Золотой дом Нерона

Сегодня трудно утверждать, где правда, а где ложь в том, что стало известно о Нероне. Одни восхваляли и превозносили цезаря, другие завидовали и проклинали. Светоний писал о его наглости, скупости, похотливости, распущенности и подкреплял это утверждениями о том, что во время пиров, устраивавшихся в Большом цирке и в иных местах, ему прислуживали проститутки и танцовщицы со всего Рима. Историк утверждает, что «собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли один его член остался неоскверненным». Однако даже не это вызывало особые нарекания римлян, уже привыкших к свободным нравам своей знати, но неумеренные траты, которые в итоге затронули и кошельки богатых. Люди особенно ревностно относятся к богатству и к проявлению неумеренной, дикой роскоши (если они бедны сами). Граждане осудили его расточительность в постройках, и прежде всего при строительстве огромного Золотого дворца, от Палатина до самого Эсквилина. В Золотом доме он приказал возвести собственную статую, превосходившую высотой знаменитый Родосский колосс (высота около 37 метров). В покоях дома все было украшено золотом, драгоценными камнями и жемчужными раковинами. В обеденных залах устроены механические приспособления с поворотными плитами, чтобы во время застолий и празднеств рассыпать цветы и рассеивать ароматы. Главная круглая палата безостановочно

вращалась, днем и ночью вослед небосводу. В банях текли соленые и серные воды. Таковы были вкусы высшей знати императорского Рима, первых лиц империи. Нерон скажет, что теперь он наконец сможет жить по-человечески. Император стал возводить и грандиозную купальню с каналом, чтобы можно было подъезжать туда прямо на судах (канал длиной в 160 миль). Для производства работ он приказал направлять ссыльных со всей Италии, требуя от судов приговаривать уголовных преступников к стройке века. В дальнейшем этот опыт повторят другие императоры.

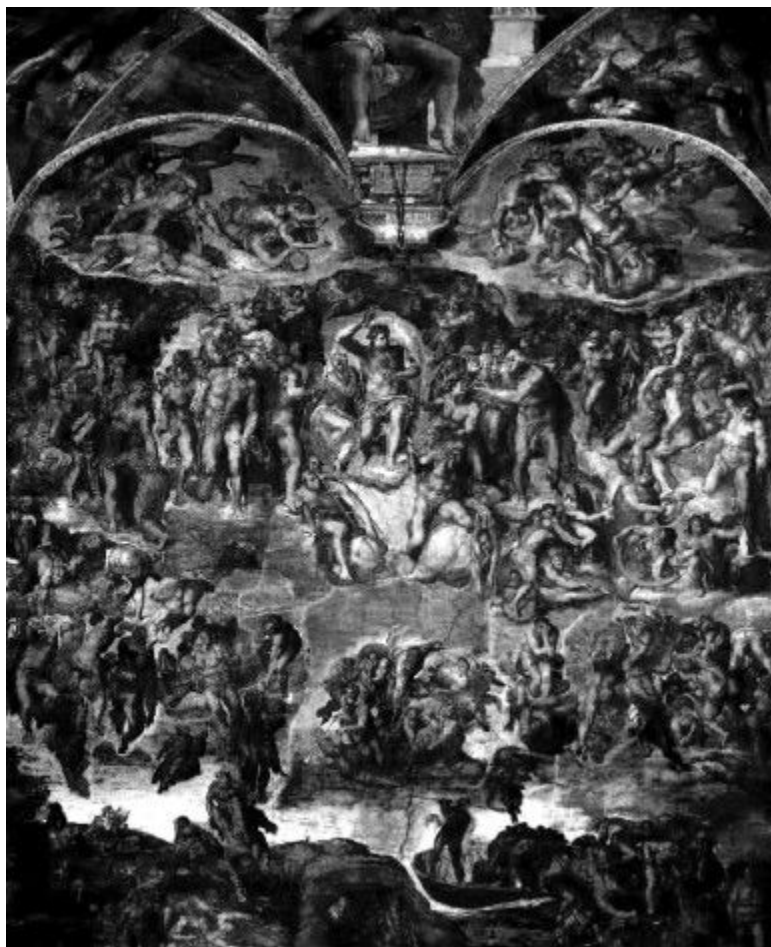
Нерон во время посещения цирка

Утверждают, что на все эти безумные расходы его толкала не только уверенность в неиссякаемых богатствах империи, но и тайное желание отыскать под землей несметные клады. Ходили слухи, что где-то там, под землей, могут быть погребены сокровища древней казны, которую увезла с собой во время бегства из Тира царевна Дидона. Непрерывное строительство и неумеренные траты привели к тому, что Нерон растратил все, что было в казне, и после этого стал отнимать богатства и имущество у богатых граждан, говоря: «Будем действовать так, чтобы ни у кого ничего не осталось».

Нерон среди знати

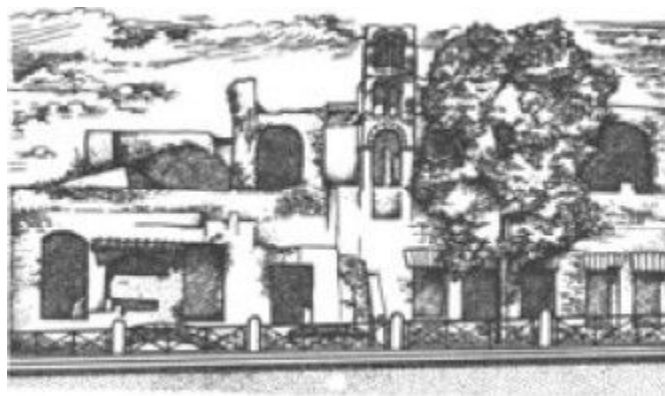
Однако за легендами и слухами нужно попытаться увидеть истинную подоплеку политических и экономических событий. Дело в том, что в силу сложного стечения событий как на внутренней, так и на внешней арене Рим вошел в новую полосу развития, когда Империя становилась фактически неизбежным этапом развития государства. Нерон, воцарившись в Риме, вскоре понял, что власть капитала стала почти безграничной. Рим достаточно давно превратился в город, где вся общественная иерархия строилась на богатстве. В политике государства по отношению к богатству как таковому, как некоему абсолюту, представляющему квинтэссенцию так называемой западной практической философии, и к богачам как ее выразителям отражается весь макрокосм того или иного государства и общества. Рим в этом смысле типичен. Ведь огромные богатства Цезаря и Августа, первых лиц государства, давали им карт-бланш на сохранение статуса и влияния среди знати в Риме. Богатство становилось показателем социального и политического статуса.

Микеланджело. Страшный суд. Фреска

Однако новые завоевания, увеличившие богатства нуворишей, привели к усилению материального неравенства в обществе. Разгорелась острая политическая борьба между сенаторами-землевладельцами и всадниками, владельцами движимого имущества. Но в то время были еще живы и даже находились в расцвете умственных и нравственных сил представители старого, республиканского Рима. Они были воспитаны на традициях предков, основа которых – патриотизм и стоицизм... Эти черты старшего поколения были близки и понятны большей части простого народа, земледельцам и ремесленникам, а также свободным гражданам, не имевшим отношения к ростовщичеству, откупам и т. д. Широкие слои народа не очень приветствовали богатство и богачей, понимая, каковы источники богатств иных их обладателей. Т. Моммзен пишет, что расходы по управлению, ремонту общественных зданий, гражданские расходы ложились на общину, расходы на армию Рим возлагал на

провинции. Это было своего рода аттической данью. В действительности также, как христианство немисливо было без мученика, так Рим был немислив без взятки. Моммзен описал эти «славные» римские порядки: «Наконец, не следует забывать вымогательств, с помощью которых римские должностные лица и откупщики всячески увеличивали налоговое бремя провинций. Если бы считать по закону вымогательством даже каждый подарок, принимаемый наместником, если бы закон даже ограничил право наместника приобретать собственность путем купли, все равно официальная деятельность наместника давала ему при желании множество случаев для злоупотреблений. Постой войск; бесплатные квартиры для чиновников и целой своры адъютантов сенаторского и всаднического ранга, писцов, ликторов, герольдов, лекарей и попов; полагающийся государственными курьерам бесплатный проезд; приемка натуральных сборов, перевозка их, а главное — принудительные продажи и реквизиции — все это давало всем римским должностным лицам возможность привозить из провинций огромные состояния. Воровство все росло по мере того, как исчезал контроль со стороны правительства, а суды из капиталистов стали опасными только для честных людей. Ввиду участвовавших жалоб на вымогательства должностных лиц в провинциях была учреждена в 605 г. постоянная Судебная комиссия для расследования подобных случаев; законы против вымогательства быстро следовали друг за другом и становились все более строгими. Это указывает на постоянно разрастающиеся размеры зла, как гидрометр показывает уровень воды в реке». Это зло в Риме распространялось столь быстро, что грозило разрушить государство.

Доходный дом в Риме

Сенека, который при Нероне был одним из первых лиц, даже, как говорят, «первым министром», в этом вопросе выглядел отнюдь не безупречно. С одной стороны, он сам был одним из богатейших людей Рима и получал ценные дары от императора, что было хорошо известно. Многие считали его ростовщиком, причем весьма циничным, напоминая, как он поступил в отношении британцев («Одолжил британцам сорок миллионов сестерциев в надежде получить высокий процент, но затем настоял на срочной выплате долга, прибегнув к насильственным мерам»). С другой, в «Нравственных письмах к Луцилию» он, казалось, искренне уверяет читателя, что деньги и богатство могут быть источниками зла. Приводя пример, как источником прибыли может быть и святотатство, говорит: «Предположим, что деньги – благо, откуда бы их ни взять...» Но из его рассуждений не понять, то ли он одобряет любой способ обретения золота, то ли отвергает получение золота и прибыли путем святотатства. «Прибыль здесь не рядом со злодеянием, а вперемешку с ним». То ли богатство – благо, то ли зло?! Сенека старается держаться исторической правды, говоря: «Богатство являет некий образ блага, столь правдоподобный, что большинство людей ему верят». В то же время он не рискует пускаться в уточнения относительно острейшего вопроса соотношения богатства и бедности.

Развлечения толпы

В конце письма он откровенно говорит Луцилию: «Представим себе, что нас позвали на сходку народа. Внесен закон об упразднении богатств. Неужто мы будем убеждать или разубеждать толпу такими умозаключениями? Неужели с их помощью добьемся мы того, что римляне вновь устремятся к бедности и восхвалят ее, опору и силу своей державы? Что они устроятся своих богатств, вспомнят, что нашли их у побежденных, откуда и проникли в незапятнанный, славный воздержанностью город подкупы, и раздачи, и мятежи? Что с чрезмерной страстью к роскоши стали они выставлять напоказ добытое у многих племен? Что отнятое одним народом у всех еще легче может быть отнято всеми у одного? Лучше убедить в этом и изгонять страсти, чем определять их. Если нам под силу, будем говорить храбро, если нет, то хоть откровенно. Будь здоров». Отрывок действительно замечателен своей откровенностью. В нем констатируется, что: 1) основа богатств Рима — это богатства, награбленные и захваченные у других народов; 2) город Рим стал средоточием роскоши и богатств, вызывающих подкупы, мятежи и все прочие «прелести свободной страны»; 3) римляне все это прекрасно знают, однако никакие речи, никакая мораль не могут их удержать от желания обогащаться любым способом. Они добровольно не отдадут награбленное у других («Легче может быть отнято всеми у одного?»), а

поэтому напрасно и ожидать, что они «устрашатся своих богатств», что нашли у побежденных и ограбленных, и «устремятся к бедности».

Пир

Как мы говорили, и сам Сенека выступает с «двойной бухгалтерией». В речах он мог себе позволить быть демократом и даже народолобцем (все же философ), но на практике, как государственный деятель и финансист, должен был быть безжалостным и циничным, каковы и были «дети Рима». Он много говорил о благодеяниях, но в одном из отрывков признается, что «благодеяний не следует расточать толпе», что «расточительность вообще не заслуживает похвалы, тем более в благодеяниях». Такова его позиция. При этом, правда, он сравнивает благодеяние с «видом ссуды» и считает, что «записывать благодеяние в расход – постыдное ростовщичество». Все же меры, принятые Нероном при несомненном влиянии Сенеки, скорее, говорят в пользу поддержания разумного равновесия между безудержным богатством олигархов и задачами принцепата, которые и были изложены в «тронной речи» цезаря (иначе говоря, в послании собранию государственных мужей). Вспомним, римский историк Саллюстий предлагал Цезарю снизить влияние власти денег, точнее, их всевластия... В этом же направлении шли и реформы Августа. И как только Сенека стал «министром» у Нерона, он попытался прекратить поборы, которыми обложили народ чиновники в

провинциях, поднял уровень, как мы бы сказали, социальных расходов государства. Нерону принадлежит идея отмены косвенных налогов: он предложил отменить сборы (portoria) и пошлины на двадцатую часть прибыли, хотя это была пятнадцатая часть доходов Рима. Акция по всем показателям очень скромная, но сенаторы тут же возопили о разорении казны государства. Это звучало весьма странно, ибо, как правило, богач вспоминает о государстве в самую последнюю очередь (после забот о любимом псе, вилле, кобыле и любовницах).

Фреска в Помпее

Если вы услышите шум вокруг того или иного юридического акта или решения сената, постарайтесь понять, кому этот закон выгоден или, напротив, крайне невыгоден. П. Грималь, автор книги о Сенеке, приоткрывая завесу над позицией римской верхушки, говорит о том, что негативную реакцию сената на решения Сенеки вызвала прежде всего боязнь увеличения прямых налогов, «отвертеться от которых им вряд ли бы удалось, учитывая природу их богатств». Заботились они о своей шкуре, ибо речь шла о перераспределении налогооблагаемой

базы, т. е. о сверхобложении доходов, получаемых от недвижимости, но уже это несло угрозу «благосостоянию владельцев крупных состояний». В то же время реформа, если бы она удалась (и в этом была ее основная цель), могла снизить роль и значение откупщиков. «Тацит, например, специально подчеркивает, что это предложение было выдвинуто по просьбе «народа» (имея в виду, безусловно, римских граждан, а не чернь), недовольного злоупотреблениями откупщиков.

Откупщик

И даже когда сенаторы одержали верх и институт *vectigalia* (т. е. косвенных податей, которые несет обычно народ. – *Ред.*) сохранился в прежнем виде, в деятельности сообществ откупщиков произошли значительные перемены: отныне текст договоров, заключенных с их представителями, подлежал публичному оглашению. Был предпринят и еще целый ряд предупредительных мер: снижен срок давности, установлено освобождение от налогов для солдат, усилена строгость в отношении пересмотра судебных решений. В Риме за ведение процесса против откупщиков теперь отвечал претор по делам иностранных граждан, а в провинции – наместник в ранге сенатора...»

В последние годы Республики контроль над сообществом откупщиков был возложен на сенат.

При Катоне сенаторы решительно воспротивились требованиям откупщиков снизить заранее установленные нормы их отчислений в казну, но в конце концов те все же добились своего, но уже при Цезаре. «Вполне возможно, что в сенате воцарились настроения возврата к прежним временам и твердость в отношении откупщиков, проявленная, вне сомнения, по инициативе Сенеки, любопытнейшим образом напоминает политику, проводимую Катоном, которого Сенека считал одним из тех римских граждан, которые являют собой пример, достойный подражания». Все это очень напоминает муки, которые претерпел многострадальный закон о прогрессивной шкале налогообложения в России. Закон до сих пор не вошел в *summa idearum* (круг понятий) законодателей и не принят, хотя во всех цивилизованных государствах Европы, Америки и Азии он давно стал краеугольным камнем социально-экономической политики. *Manus manum lavat* (рука руку моет)! Сенека – один из тех мудрецов, которые, согласно воззрениям мыслителей Древней Стои, рождаются раз в 500 лет. Его смерть (он коснулся этого в «Трактате о преждевременной смерти») имела ряд причин, о которых говорить в контексте наших исследований не будем (изгнание, смерть сына и друга и т. д.).

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ, УСЛОВИЯ БЫТА, ЭТИКА И МОРАЛЬ РИМСКОЙ ЗНАТИ

В Риме было столько богатых людей, сколь никогда прежде не было в столицах. И они старались превзойти друг друга в транжирстве. Так, император Вителлий целые ночи проводил в пирах, принимая рвотное и чередуя его с пищей. Для одного из пиров понадобилось 2000 птиц и 6000 деликатесных рыб. Повара его постоянно ломали голову над изобретением новых блюд. Одно из них стоило 100 000 сестерциев, будучи приготовлено из невообразимой смеси: сладкое мясо, печеные птицы, фазаньи и павлиньи мозги, языки попугаев и т. д. Император Гелиогабал, возмнив себя богом, говорили, взял за обыкновение есть зеленый горошек, смешанный с крупицами золота, а рис с жемчугом. Мать Нерона, Агриппина, заплатила огромную сумму за певчего соловья, желая узнать вкус языка этой птицы. С ее легкой руки украшением стола у богатых римлян стал паштет из соловьиных языков. Римские традиции восприняли в России (далеко не лучшая преемственность цивилизаций). На Нижегородской ярмарке в трактире русские купцы обмывали удачную сделку. Один из захмелевших гуляк обратил внимание на поющего в клетке соловья и подозвал хозяина трактира. Тот подбегает к нему, угодливо кланяясь. Купец вопрошает: «Сколько стоит?» – «Сто рублей, вашество!» –

«Зажарь!» Из соловья готовят жаркое и подносят купцу на серебряном блюде. Купец долго размышляет и наконец заявляет: «Отрежь на копейку».

Пир в Риме

Культурно-моральный уровень новой знати оставлял желать лучшего. Правильнее было бы говорить об отсутствии морали. Поэт Марциал писал в эпиграмме:

Серебра всевозможного добыл ты:
У тебя одного Мирон старинный,
У тебя одного Скопас, Пракситель,
Для тебя одного чеканил Фидий,
Да и Ментора вещи у тебя лишь.
Гратий подлинный тоже есть
в избытке,
С позолотою каллаикской блюда
И настольный резной прибор
от предков.
Но среди серебра всего, как странно,
Нет, Харин, никакой чистой посуды.

Правда, были и такие люди, как Рутилий Руф, который хотел ограничить лихоимство властей, обуздать алчные аппетиты откупщиков, добиться того, чтобы и в провинциях установились справедливые порядки. Тиберий Гракх делал все возможное, чтобы обеспечить беднейшим слоям сограждан достойную жизнь. Среди тех, кто осуждал всевластие денег, стоик Сенека, ставший доверенным лицом императора. Он писал: «Эта вещь, которая держит в плену такое множество начальников и судей, которая и делает их начальниками и судьями, эта вещь – деньги. С той поры как деньги стали предметом культа, истинная ценность вещей пришла в забвение; поочередно становясь то торговцами, то товаром, мы интересуемся не тем, что есть та или иная вещь, а тем, сколько она стоит».

Гораций

Похоже, что этим должна переболеть каждая эпоха. Остановить это безудержное наступление богатства было трудно, оно захватывало души людей подобно тому, как дикий и вульгарный вояка захватывал незащищенные города, грабя, насилуя, убивая, растлевая. Победить его могут высокая культура в сочетании с долгом, долгом служения отечеству, высшие принципы и идеалы.

Вероятно, трудно было удержаться перед соблазном, когда богатство плывет само в руки. Гениальный Гораций (65 г. до н. э. — 8 г.), признанный лирик Европы, певец «золотой середины», жизнь которого совпала с важнейшим этапом в истории Рима, т. е. с падением Республики и установлением Империи, сражавшийся в рядах армии Брута, а затем перешедший в стан Октавиана Августа, его победителя, писал так:

*У меня ни золотом,
Ни белой костью потолки не блещут;
Нет из дальней Африки
Колонн, гиметтским мрамором
венчанных;
Не был я наследником
Царей пергамских пышного чертога,
И одежд пурпуровых
Не ткнут мне жены честные клиентов.
Но за то, что лирою
И песнопенья даром я владею, —
Мил я и богатому...*

Он и в самом деле получил от Мecenата, известного богача, одного из столпов идейно-политической программы Августа, маленькое имение среди Апеннин в подарок. И он благословлял империю и ее вождя и, конечно же, имя своего благодетеля — Мecenата, без которого жизнь была бы куда труднее. Он писал: «Славный внук, Мecenат, праотцев царственных, о отрада моя, честь и прибежище!» Ему восторженно вторил и Вергилий, писавший в «Георгиках»: «Будь же со мной и моей начатой сопутствуй работе, о украшение, о часть моей величайшая славы, ты, Мecenат!» Многие говорили вполне искренне. Мы живем в иную эпоху.

Дж. Тьеполо. Меценат представляет Августу свободные искусства. 1742 г.

По рождению Меценат принадлежал к высшему слою римских граждан, к всадникам, объединявшим состоятельную часть римского общества, но и среди всадников он заметно выделялся благородством происхождения и богатством. В период войны против Секста Помпея (36 г. до н. э.) и позднее, в 31 г. до н. э., во время решающего сражения эскадры Октавиана с флотом Антония и Клеопатры у мыса Акциум, Меценат был оставлен императором в Риме и облечен высшими административными полномочиями. Тогда он спокойно и четко, не притязая на какую-либо формальную власть, пресек антиоктавианские заговоры. Когда цезарь отъезжал по делам в провинцию, Меценат замещал его в Риме (фактически выступая в роли 1-го вице-премьера). Не откажешь ему и в смелости. Он всегда готов был прийти на выручку к тому, над кем нависла смертельная угроза расправы. Меценату приписывают слова, коими тот удержал однажды Октавиана от подписания смертных приговоров: «Surge tandem, carnifex!» («Да полно же тебе, мясник!») Чуждый тщеславия, зависти и недоброжелательства, Меценат и в отношениях с цезарем, могущественным правителем, был свободен от низкопоклонства и

заискивания. Важной чертой его было и то, что он находил в себе смелость высказывать суждения, противоположные взглядам первого сенатора – цезаря. Поэты эпохи находили в Меценате внимательного, заботливого, умного, щедрого покровителя. Публий Вергилий Марон, Квинт Гораций Флакк, Секст Проперций – вот круг друзей Мецената. Поддержка им друзей-поэтов в смутные времена гражданских войн пришлась как нельзя кстати. Вергилию он помог вернуть имение, потерянное тем в неразберихе конфискаций, сыну выкупившегося на волю раба, Горацию, не обремененному средствами, подарил собственное поместье в Сабине. В отношениях с талантами Меценат был прост, доступен, честен и благороден. Благотворительность – это рай в сердце. Человек широкой души, он частенько следовал правилу Аристотеля: «Щедрый человек – это тот, кто дает подходящему человеку подходящую вещь в подходящее время».

В кругу богачей, явившихся после победы Суллы, встречаются самые различные люди: знаменитый ученый и писатель М. Теренций Варрон; будущие полководцы, противники Митридата и фракийцев, братья Лукуллы, Луций и Марк; соперник Помпея, упорно делающий миллионы, М. Красс; красноречивейший и алчный Кв. Гортензий; будущие противники Цицерона и мятежники – П. Корнелий, Лентул Сура и Л. Катилина; ищущий славы оратора М. Цицерон. В их круг желали влиться богатые и зажиточные юноши из италийских городов (из провинции), чьи отцы изрядно обогатились на государственных субсидиях и кредитах и теперь приехали в Рим с карманами, полными денег, в надежде заполучить государственные посты и должности. Им нужны модные учителя, философы различных направлений, родовитые и влиятельные римские дамы, сочетающие мастерство шлюхи и интриганки, восточные и греческие красавицы куртизанки. Куртизанки играют в римском обществе большую роль.

Генрих Семирадский. На пиру богов

Число их растет по мере роста богатств. Настоящая куртизанка должна была уметь остроумно говорить, знать философию, любить стихи, уметь танцевать, петь латинские, греческие и египетские песни, играть на музыкальных инструментах, быть грамотной. Эти куртизанки имели множество поклонников из числа победителей, которые менее всего думали о строгой морали предков; не довольствуясь многочисленными наложницами, они в погоне за новыми ощущениями с величайшей охотой соблазняли молоденьких рабынь, хорошеньких отпущенниц и красивых мальчиков, целыми вечерами и ночами пропадали у мимов и кифаристок, в публичных домах и грязных кабаках. Жены знатных господ и олигархов не уступали своим мужьям, охотно снисходя до простонародья, отпущенников, гладиаторов, рабов. Падение нравов было ужасающим. Демократия торжествует. Люди преклонного возраста возмущались, молодежь отмахивалась от «стариков», отделялась шуточками. Катулл писал: «Будем, Лесбия, жить, любя друг друга! Пусть ворчат старики – что нам их ропот?» Популярен афоризм, пущенный неким

италийским острословом: «Развращать и быть развращаемым – значит идти в ногу с веком!» Овидий в эпоху Августа выразил общее настроение разгульной молодежи в следующих стихах, полных иронии и сарказма. В «Науке любви», за которую впоследствии он, как говорят, и пострадал, поэт писал, давая советы охотнику за прекрасным полом:

С.В. Бакалович. Вопрос и ответ. 1894

Первое дело твое, новобранец
Венериной рати,
Встретить желанный предмет,
выбрать, кого полюбить;
Дело второе – добиться любви
у той, кого выбрал;
Третье – надолго суметь эту любовь
уберечь...
Выбери – с кем из девиц заговорить
о любви?
С неба она к тебе не слетит

дуновением ветра —
Чтобы красивую взять, нужно
искать и искать.
Знает хороший ловец, где сети
раскинуть на ланей,
Знает, в какой из ложбин
шумный скрывается вепрь;
Знает кусты птицелов, и знает
привычный удильщик
Омуты, где под водой стаями
рыбы скользят;
Так и ты, искатель любви, сначала
дознайся,
Где у тебя на пути больше
девичьих добыч.
Ах, как жаль мне, как жаль,
у кого не чувствительно к неге
То, что на радость дано
и для мужчин, и для жен!
Но и в обмане своем себя
постарайся не выдать —
Пусть об отраде твердят
и содроганье, и взор,
И вылетающий вздох, и лепет,
свидетель о счастье, —
У наслаждения есть тайных
немало примет.

Большой популярностью в конце I в., при императоре Домициане, пользовался сюжет такого содержания. Молодая женщина, вышедшая замуж за старого глупого ревнивца, влюбилась в красивого юношу. Пройдоха раб устроил влюбленным свидание в том доме, где молодая жена жила с мужем. Все шло благополучно, влюбленные отдались своим чувствам, и вдруг нежданно-негаданно раздался стук в дверь. В замешательстве жена запикивает любовника в сундук. Открыв дверь, она вместо мужа видит соседа, зашедшего обсудить с мужем общие

дела. Однако, вместо того чтобы уйти, сосед остался и решил дожидаться мужа. Женщина чувствует себя, как на иголках, а несчастный любовник начинает задыхаться в сундуке. Наконец гость уходит, и любовник вылезает на свет божий. Но тут появляется муж, бросается с кулаками на неверную, хочет избить и ее и любовника. Жене пришлось пустить в ход все чары, всю силу обаяния, чтобы доказать глупцу, что это не любовник, а ее дальний родственник, почти дедушка, что она безумно любит мужа и ему верна. Все кончается мирной беседой меж мужем и любовником, а затем их дружескими объятиями. Сюжет не раз был повторен с вариациями в мировой литературе – от Апулея «Золотого осла» до «Ночи перед Рождеством» у Гоголя. В руках умелых актеров сюжет превращался в комическое действо, вызывающее восторг у публики, которая могла с легкостью поставить себя на место любого из героев, в зависимости от того, какая из ролей была им уготована судьбой. При Домициане роль злополучного любовника играл великолепный комический актер Латин, о котором Марциал, его современник, писал, что он заставил бы глядеть на себя Катона, а Куриев и Фабрициев (представителей старинной строгости и чистоты нравов) забыть свою суровость. Напарницей Латина на сцене была актриса Фимела, блестяще исполнявшая роль лукавой обманщицы жены, надувшей мужа рогоносца.

Генрих Семирадский. Римская оргия

Кульминацией античной чувственности и римского гетеризма стала эпоха Августа, в которую творили поэты Овидий, Гораций, Тибулл. Нашей темой не являются гетеры сами по себе (желающие могут прочитать «Беседы гетер» Лукиана и другие интересные документы эпохи). Наше внимание привлекает то, что росту в Риме гетеризма и сопутствующих удовольствий предшествовали военные победы Рима и накопления богатств в элите. Рост ее богатств сопровождается ростом ее безнравственности. Рим имеет деньги, очень много денег. А это почему-то чрезвычайно волнует всех женщин мира. Они вообще любят победителей, а еще больше – победителей богатых. Особенно бурный всплеск сей «эпидемии» имел место во времена Суллы. Тогда, в эпоху гражданских войн и проскрипций, в эпоху перераспределения богатств и еще невиданных грабежей, в руках у новой знати оказались сказочные средства. На них можно было купить все что угодно: дома, земли, поместья, рабов и. женщин. Накопление богатств вело к росту комфорта и роскоши. Все словно обезумели, окунувшись в моря наслаждения, вина, пороков. В этом море «любви» представители знати и богачи иной раз выуживали понравившихся им «рыбок», как умелые рыбаки.

П. Батони. Чувственность. 1747

Столь завлекательной была эта мода, что мужчины перестали вступать в брак, женщины перестали рожать, не желая иметь детей, те и другие предпочитали кратковременные связи. Замуж женщины выходили, как гризетки на прогулку. Марциал рассказал о некой женщине, что проделала от шести до семи опытов в замужестве (и все оказались неудачными). Не отличались постоянством, прямо скажем, и мужчины. У некоторых были три жены, как у Августа, Овидия и Плиния Младшего, у иных четыре – как у Цезаря и Антония, а некоторые обзавелись даже пятью – Сулла и Помпей. Разумеется, в расчет не брали прочих пассий и метресс, а дамы при этом стоили недешево. Дело доходило до того, что грозные императоры, сенаторы и генералы просаживали на гетер целые состояния. Сулла так на этом фронте поиздержался, что гетера Никополис, его метресса, даже назначила его своим наследником.

Фр. Лейтон. Рыбак и сирена. 1856–1858

Правда, римские императоры не считали зазорным брать налоги не только с торговцев, ростовщиков, земледельцев или ремесленников, но и с бесчисленных проституток. Налог на промышленность собирался раз в четыре года, но император, следя за нравственностью, брал «очистительный налог» с женского тела. Живший в Риме в I в. до н. э. Катулл в поэтической форме выразил атмосферу Вечного города:

Сцена из Помпей. Фреска

Вижу, вижу, в распутную девчонку
Ты влюбился, и совестно признаться.
Не проводишь ты ночи в одиночку.
Молча спальня твоя вопит об этом,
Вся в цветах и пропахшая бальзамом,
И подушка, помятая изрядно,
И кровати расшатанной, на ножках
Не стоящей, скрипенье и дрожанье
Не помогут молчать и отпираться.
Ты таким не ходил бы утомленным,
Если б втайне страстям
не предавался...

Увлечение любовными похождениями становится в Риме чем-то вроде поклонения богам, своего рода священным ритуалом. Конечно, были и сторонники строгих нравов, но таких моралистов высмеивали поэты и сатирики. Поэт Петроний в «Сатирикионе», защищая свою книгу от нападок моралистов (как он выражается, Катонов), берет в союзники Эпикура: «Правды отец, Эпикур, и сам повелел нам, премудрый, вечно любить, говоря: цель этой жизни – любовь». Однако

даже во время дум о прекрасных женщинах и пылких мужчинах античный муж нет-нет да и заговорит о деньгах, которые все время присутствуют в сюжете почти любого рассказа, любой сцены, любого стиха или истории. Вот, скажем, Петроний дает описание италийского города Кротоны, города древнего, когда-то первого в Италии. Теперь же «частые войны свели на нет его богатство». Город напоминал собой пораженную чумою равнину, на которой нет ничего, кроме терзаемых воронами трупов. Все думы – только о деньгах. Один из персонажей, Эвмолп, замечает, что «ровно ничего не имеет против любого способа обогащения». Аферисты, цель которых получение богатства (все равно, чьего и каким способом), расписали роли. Эвмолп изображал богача, у которого в Африке до сих пор «на тридцать миллионов сестерциев земель и денег, отданных под проценты», ну и огромное число рабов. При этом он должен был и вести себя как настоящий богач – т. е. «говорить только о золоте и серебре, о своих вымышленных имениях», «он обязан был изо дня в день корпеть над счетами и чуть не ежечасно переделывать завещание». Самое главное, что вся эта сцена настолько соответствовала реалиям жизни, что на нее многие клюнули. «Громкая слава о богатствах ослепляла глаза и уши этих несчастных», – делает вывод Петроний. Таковы были римские граждане, которые тут же сбежались в надежде получить наследство. Эти люди стали приносить Эвмолпу деньги, соревнуясь в намерении заручиться его благосклонностью.

Дж. Тьеполо. Зевс и Даная. 1736

Древний Рим все больше напоминал собой коллективный вертеп, где царили жадные и необузданные женщины, многие из которых имели деньги и принадлежали к «сливкам общества». Они стремились найти в этих увеселениях выход своим страстям и своим богатствам, коими их наделяли мужья, любовники и бесчисленные молодые и не очень молодые повесы. Среди дам такого рода гремело имя Клодии, супруги Метелла Целера. Говорят, что в эту Клодию был страстно влюблен поэт Катулл, который и вывел ее под именем Лесбии, в то же время изобразив ее как женщину-вампира. Эта самая Клодия каждый день меняла любовников, а под конец стала откровенно вести жизнь проститутки, при этом деньги ее особо не интересовали. А когда однажды любовник сунул ей в руку вместо серебряной монеты мелкую медную римскую монету, та и не заметила. Видимо, по этой причине за ней закрепилось прозвище Грошовая.

Рядом с ней стоит имя Валерии Мессалины, супруги императора Клавдия (10 г. до н. э. – 54 г.). Римляне говорили, что та уж очень напоминает чиновника: жадна и ненасытна в любви и стремлении к богатству. «Самая похотливая, самая развратная женщина», – сказал о ней Кассий Дио. Она была все же некоторым исключением из римской среды, которая, хоть и отличалась свободными нравами, все же придерживалась неких границ в поведении. Ее особу не обошел

вниманием Плиний Старший, описав ее состязание с проституткой. Такая жизнь римской элиты, скорее, напоминала жизнь сомнамбул или пляски вакханок. Тацит написал: «Мессалина между тем пиновала, более развратная в своей роскоши, чем когда-либо. Так как была уже поздняя осень, в доме подражали сбору винограда. Тиски выжимали, чаны текли, а подле них, опоясанные шкурами, плясали эти женщины, точно приносящие жертвы или бешеные вакханки». Сомнительная слава Мессалины намного пережила ее. Например, Фридрих Великий приобрел каменную, изображающую Мессалину, с надписью «Непобедимая».

Б. Венхвадзе. Мессалина

В. Бугеро. Обиталище нимф. 1878

Правда, в отдельные периоды истории Рим пытался как-то обуздать нравы своей распутной элиты. Вспомним, что император Август был особенно строг к своим детям, в том числе к Юлии, которая, увы, не отличалась строгостью поведения. Не вдаваясь в детали («Окунулась в распутство и разврат, не упустив ничего»), скажем только, что Август не побоялся отправить в ссылку собственную дочь, запретив ей даже в ссылке встречаться с мужчинами и пить вино. Что уж такого натворила дочь (а ей исполнилось тогда 37 лет, говорили, что она уже стала сесть), сказать трудно. Сенека уже после всех событий при Нероне, ее правнучке, называл ее публичной женщиной. Говорили, что она несла с собой «запах лупанара» (публичного дома). Главе государства иметь такую дочь — позор и наказание. Август считал ее поведение бесстыдным (*impudicitia*), так и не простив свою дочь даже после ее смерти.

Такое падение нравов, особенно среди элиты, вызывало гнев у народа. Развратников подвергали судебным преследованиям за «моральное разложение». Август хотел сделать законы в отношении «любителей клубнички» еще строже, но сопротивление со стороны лиц, которые вошли во вкус подобных забав (а это была почти вся римская знать), вынудило его уступить. Последовавший в 9 г. закон Папия и Поппея (они сами были холостяками и не имели детей) внес

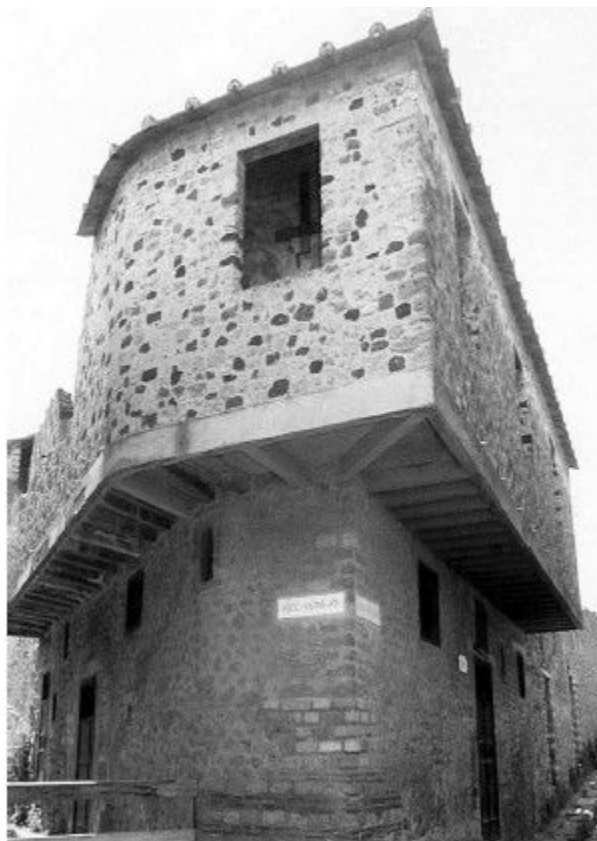
различия между не вступившими в брак и бездетными. Первые лишались права на наследство, бездетные же, но состоявшие в браке могли получить половину наследства. Август сделал так, что за каждого нового, родившегося ребенка родители получали льготы, а lex Papia Poppaea установил дополнительные преимущества для тех, у кого было более трех детей (ius trium liberorum). В 18 г. до н. э. он же издал закон против роскоши – lex Iulia de vestitu et habitu. Тем самым император добивался большей скромности в поведении сограждан. Состояния бездетных пар и богатых развратников поступали в доход государства, а тех, кто особо прославился в прелюбодействе, лишали не «орудия Приапа», а имущества и состояний, что было полезнее для государства и эффективнее. В итоге римская казна заметно пополнилась за счет тех, кто любил тратить сверх меры, роскошествуя дома или же за рубежом.

Италия. Помпеи

Между официальной позицией приверженности старым римским нравам и поведением знати все же была разница. В споре двух начал – богатства и любви – второму нередко отдавали предпочтение. Один из героев сатиры Лукиана «Две любви» говорит: «Неужели же ты, болтая весь этот вздор, потому не будешь считать себя счастливым, что не дал тебе бог в удел ни грязного земледелия, ни скитаний купца, ни

жизни воина, всегда готового к сражению, что занимают тебя лишь блестящие палестры, яркие одежды до пят, крашенные пурпуром, да, кроме того, еще уход за твоими искусно причесанными волосами? Что же до любовных влечений, то тут сами муки приятны нам, и зуб страсти кусает сладко; домогаясь, ты надеешься, а достигнув, получаешь удовольствие, и равное наслаждение несут настоящее и будущее». Нами движут желания и соблазны.

Публичный дом в Помпеях, «Лупанарий»

Чтобы убедиться в том, что римляне не только воевали, торговали и занимались спекуляциями или вымогательством, достаточно было приехать на курорт в Помпеи и увидеть, что итальянцы очень любили щеголять своим богатством, в прямом и переносном смысле, не стесняясь предъявлять их *urbī et orbī* («городу и миру»)… От уплаты налогов не уклонялись, но и смело вывешивали табличку с изображением достоинств над порогом своего дома. Картины и статуи, обнаруженные археологами прошлых веков, были признаны настолько непристойными, что хранились в секретном кабинете Национального

археологического музея города Неаполя. Теперь это все превратилось в передвижную выставку «Эротическое искусство Помпеи», которая с успехом кочует по миру. Ныне публичный дом в Помпеях, «Лупанарий» (название произошло от латинского слова *lupa*, «волчица», жаргонного прозвища проституток), в стенах которого в римскую эпоху развлекались богатые, знатные мужи города и «мэрии», отреставрировали. Правда, открыли его посещение только для туристов.

Ложе в Лупанарии

Альма Тадема Галло. Римские женщины. 1865

В эпоху Империи меняется и само одеяние римлян. Куда делись простые, строгие туники эпохи Республики! Время, когда Рим носил такие одежды, ушло в прошлое. Свобода в нравах, свобода в достижении богатств любым способом, свобода в одеждах, свобода в поведении. При этом мода римлянок все же не идет ни в какое сравнение с безумной, болезненной страстью современных женщин надевать на себя все новые и новые наряды. У римлян и греков всего-то были туника и тога, но женщины ухитрялись даже тунику превратить в орудие соблазна. Так, любовница прорывается к поэту Овидию в одной тунике, надеясь, что тот сорвет с нее оную в порыве страсти, что, впрочем, и происходит... В тунике появляется в романе Апулея прелестная и фривольная Фотида. В Рим и Грецию ввозились с острова Кос потрясающие ткани, прозрачные и легкие, как воздух. Успешно велась торговля и сирийскими тканями.

Рынок – чрево, исторгающее коррупционеров! Работая на полную мощь, он вытрясал из карманов мужчин все, что они добывали трудами, войнами или взятками. Сенека осудил такие обычаи: «Вот сирийские одежды, если только можно назвать их одеждой, в которых

нет ничего такого, чем можно было бы защитить тело или стыдливость. Эти одежды за огромные деньги вывозятся на продажу малоизвестными народами, дабы наши матроны всенародно являлись в том виде, в каком являются в своих опочивальнях». Женская мода стала мощным орудием по добыванию денег. Правда, в эпоху процветания Империи иные мужчины стали одеваться так, что порой их совершенно невозможно было отличить от женщин.

Надгробный рельеф знатных римлян

Если у одежд были ограничения и пределы с точки зрения их стоимости, то вот уж на драгоценностях, золоте и прочих милых забавах жены римских богачей, банкиров, ростовщиков, дочери видных чиновников и военных, жены и дочери торговцев и откупщиков «свое брали». Плиний в «Истории» рассказывает, что супруга императора Калигулы владела жемчугами и изумрудами на огромную сумму – 400 тысяч фунтов. Петроний отмечал, что жена миллионера Тримальхиона носила золотые браслеты весом более 6 фунтов. Особенно ценился дамами жемчуг, который носили в серьгах. Конечно же, тогда еще не было неимоверного разнообразия украшений, предметов роскоши. В

качестве украшений использовались алмазы (лишь в перстнях), опалы, изумруды, бериллы или же полудрагоценные камни – ониксы, горный хрусталь, яшма, халцедон, которые часто вставляли в прелестные камеи. Сенека писал, что женщины иногда «расточали на одни уши по два и по три состояния», насмешливо прибавляя, что «их уши уже приучены к ношению тяжестей». Одним словом, богатство дало повод женщинам возвести свою страсть, свое безумное желание украшать себя до степени искусства. Они увешивали шеи, руки, ноги, голову золотыми цепочками (особенно любили это делать проститутки или вольноотпущенницы). Конечно, очень любили дамы и мужчины бани, омовения и массажи.

Ювенал отмечал, что дамы в стремлении привлечь к себе внимание мужчин золотили себе разные места на теле, особенно груди, красили волосы, использовали для тела духи и благовония. Выход римской цивилизации из грубого состояния, в котором она находилась ранее, вряд ли стоит осуждать. Не стоит осуждать мужчин и женщин, следующих ревностно моде. Что же делать, если у иных нет других средств произвести впечатление... «Когда дурно воспитанный человек неожиданно становится обладателем власти и денег, он и в наши дни окружает себя вызывающей роскошью». Это справедливо и сегодня – цивилизации потребления развивают не умы и таланты, а вещи и инстинкты.

Дамы отдыхают...
В ожидании

В то же время надо понять и римское общество, которое сотни лет жило в условиях спартанской «скромности», хотя мы ранее говорили, что и спартанцы при возникновении определенных условий тоже полюбили деньги. Ливий говорит о римлянах: «Не было никогда государства, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость». Эти слова мы могли бы сказать и в отношении нашего народа, который сотни лет жил в очень похожих условиях (т. е. в бедности и нищете). Но нельзя думать, что все в Риме были в восторге от эпохи рыночного безумия. Ведь неумеренная роскошь убивала душу римского воина, стойка и патриота. Что могло подумать войско, узнав, что их полководец Антоний заплатил 200 сестерциев за двух молодых рабов, а Сеян, фаворит императора Тиберия, отдал 50 млн сестерциев за евнуха, тогда как легионер получал в год всего 900 сестерциев... Подобные

поступки подрывали основы государства, наносили удары по его ценностям, вере, ну и, наконец, по его обороноспособности. Ведь если женщина занята лишь сама собой и не хочет иметь детей, если мужчина проводит дни и ночи в клубах, банях, на скачках и в увеселительных местах, то такое поведение разлагает основы государства. И тогда принимают закон об обязательном браке (*lex de maritandis orbinibus*). Среди широких масс народа – это особенно важно – суровые законы приветствовались, хотя и вызывали недовольство у правящей элиты, которая уже чувствовала себя всемогущей и привыкла к полной безнаказанности. Но народ выиграл от фискальных законов.

В. Бугеро. Рождение Афродиты. 1879

Этот закон касался всех мужчин в возрасте от 25 до 60 лет и женщин от 20 до 50 лет. Все обязаны были состоять в браке, а не выполнившим закон лицам сенаторского и всаднического сословия запрещалось присутствовать на публичных зрелищах. Римская Фемида

преследовала желающих жить для себя, и только, прежде всего экономическими мерами... «Вечные холостяки» не имели права на передачу по завещанию своего имущества, незамужние женщины облагались налогом в размере 1 % стоимости их имущества. Порой у богатых женщин изымали средства на нужды отечества, как это имело место в 42 г. до н. э. Триумвиры потребовали тогда изъять у богатейшей части общества значительные средства, и удар пришелся по женам мужей – чиновников и торговцев, которые своим «непосильным трудом» накопили огромные состояния (1400 богатых женщин). Эти меры затронули только самый высший слой – 400 обладательниц состояний свыше 110 тыс. денариев. Дело в том, что Юлиев закон времен Августа гласил: приданое жены оставалось в ее собственности в случае развода. Август железной рукой заставлял женщин выполнять свой долг перед страной по продолжению рода. По его закону бездетные приравнивались к лицам, не вступившим в брак. Красотки могли остаться голыми, как Афродита – в лучшем из ее платьев. Все эти меры, разумеется, вызывали волну недовольства у богатейшей части элит. Тацит писал, что законы эти «довели многих до разорения». Но реквизиция богатств не лишила мужчин и женщин главных сокровищ.

Любопытно, что, по данным ценза 28 г. до н. э. и 13 г., число римских граждан за 41 год выросло на 1 млн человек, что составляло примерно седьмую часть населения. Многие поддержали действия императора в его политике возвращения «к духу предков». Гораций восторженно писал: «Нрав и обычай обуздали позорное нечестие». Народ, живший трудовой жизнью, приветствовал эти меры, которые были распространены по всей Италии. Только столица с ее пресыщенностью, роскошью, дикими богатствами, похотью думала, что она-то и есть Италия. Но это было не так... И люди охотнее приветствовали глав многодетных семей (вроде Гилара, у которого были 8 детей, 27 внуков, 8 внучек и 18 правнуков).

Траян. Античная мраморная статуя в Национальном музее в Неаполе

Но что нужно для создания могучей, экономически состоятельной и эффективной империи? Об одном слагаемом успеха мы уже говорили, и не раз, это – победы на всех нивах государственного строительства. А второе? Это здоровое и крепкое поколение, воспитанное на основе патриотизма и любви к родине, примирения разных партий и классов, создания сплоченного народа. К этому стремились Цезарь и Август, этого добивался и Траян, который попытался воссоздать единый взгляд на римскую историю, осмыслить пройденный государством путь, уйти от узкопартийных схем с тем, чтобы римляне гордились своей страной. Сплав Республики и Империи, личной свободы граждан и государственной власти должен был породить устойчивый порядок вещей, в котором нет места внутренним распрям, а процветание каждого – успех всех. Вся нация работает на расширение влияния страны и на благополучие каждого. Об этом наглядно свидетельствует и «Панегирик» Плиния Младшего Траяну. В нем, помимо общих похвал в адрес императора, имеются упоминания и о том, «насколько же это хорошо, что все провинции

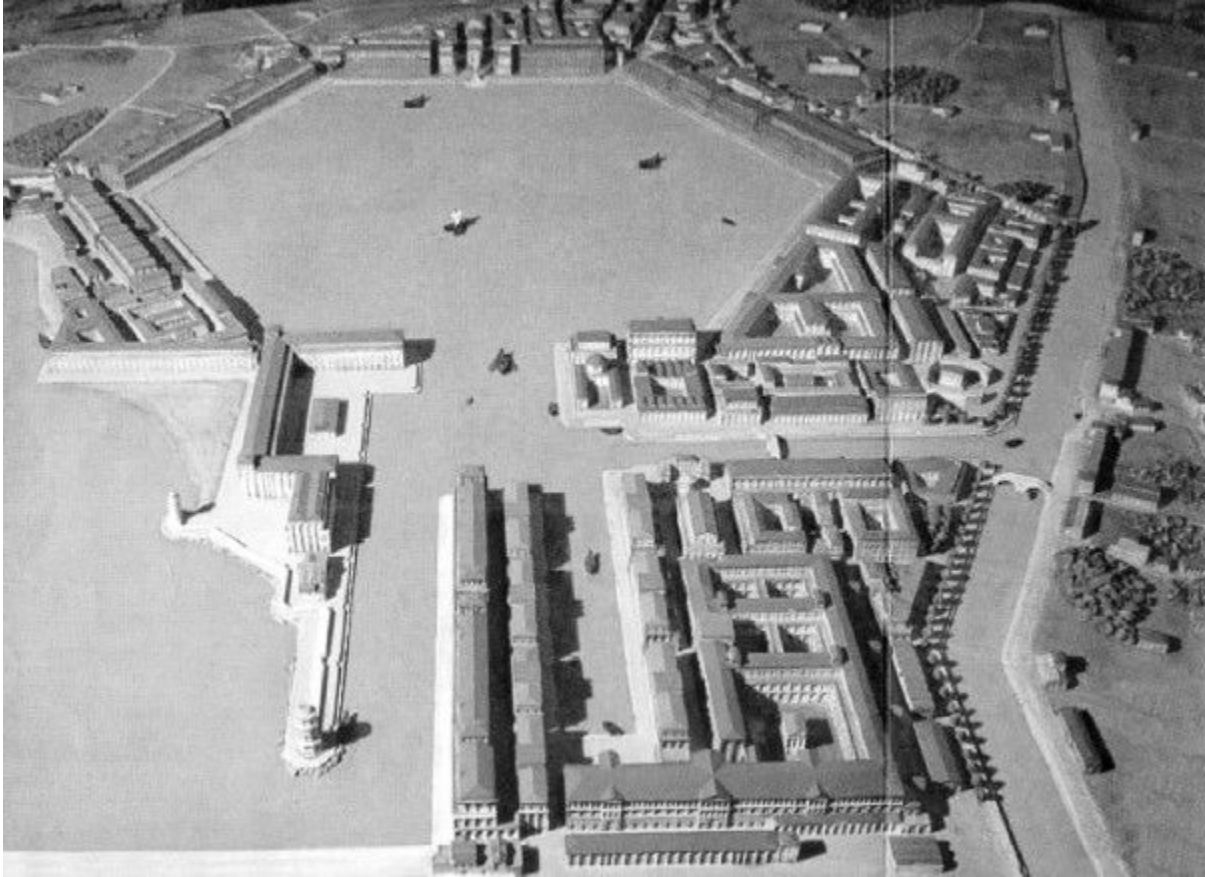
доверяют и подчиняются нам», что римляне видят «триумфальное шествие, нагруженное не награбленным в провинциях и не исторгнутым у союзников золотом», но оружием побежденных врагов. Ну и, наконец, именно при Траяне был достигнут «всеобщий мир». Третий источник благополучия очевиден, и это, конечно, деньги. Понятно, что прежде, чем Империя подойдет к своему «золотому веку», она должна наладить четкую работу финансово-кредитной и денежной систем. В те времена, правда, узкой специализации не было. Если вы – цезарь, будьте любезны стать и финансистом, который успешно борется не только с врагами, но и с инфляцией. Кассий сообщал в 107 г.: «Траян расплавил все изношенные монеты».

Причины реформы достоверно не известны... Только что победоносно закончилась вторая война с Дакией, удалось захватить фантастический по стоимости трофей – личную казну Децебала, тонны и тонны золота и серебра. Вдобавок были захвачены богатейшие серебряные рудники. Началось заселение Дакии колонистами, создавались поселки, города, шло хозяйственное освоение территории. Боевой дух армии был высок, как никогда, а экономика показывала признаки оживления. И тут Траян затеял денежную реформу, желая избавить рынок от старых монет. Видимо, государство, которое несло значительные издержки, решило поступить просто – изъять старые монеты и переплавить их в новые. Государство получало солидный доход, потому что новый денарий облегался на 5 %, и это покрывало издержки реформы. Размышления историка Т. Моммзена по этому вопросу похожи на правду, но, как считают другие,

только из-за желания покрыть дефицит бюджета и «стабилизировать макроэкономические показатели» Траян вряд ли пошел бы на такую масштабную финансовую реформу. Это было не в его характере. Видимо, он хотел аккумулировать средства на инфраструктурные проекты в рамках своей программы, которая коротко была сформулирована им же самим: «Я хочу, чтобы продукт самого дальнего и труднодоступного поселения стал бы достоянием всей Империи, а достояние всей Империи могли разделить жители этого поселения». Именно потому на пике финансовой мощи Империи Траян и пойдет на шаги, еще более усиливающие централизацию финансов. Историк пишет, что масштаб задуманных инфраструктурных проектов превосходил все известное – дороги, порты, речной и морской флот, жилищное строительство и т. д.

Одним из таких национальных проектов Римского государства стал проект создания порта в Остии. Траян понимал: если он действительно хочет сделать Рим великой мировой державой, то надо создавать порты экстра-класса. На иллюстрации приведена современная реконструкция одного из таких проектов – порта Траяна в Остии, что неподалеку от Рима, в устье Тибра. Порт представлял собой огромную чашу в виде шестиугольника, со стороной почти в 400 метров. Порт возводился с расчетом приема огромных грузовых кораблей с зерном и другими товарами, плывущими с востока. Как известно из источников, длина их зачастую превышала 100 метров. Но порт был построен на перспективу – у пирса мог без проблем пришвартоваться «Титаник» (250 м) или даже современный авианосец (310 м). Каждый римлянин, таким образом, мог воочию лицезреть: нет, не разворовали господу чиновники богатств – вот они, результаты реализации национальных проектов. Вот истоки будущей мощи...

Порт в Остии, близ Рима, на реке Тибр

Одним из наиболее эффективных инструментов создания сей единой ойкумены станет и римское право. Если римские легионы до последних дней существования Империи везде и всюду сталкивались с яростным вооруженным сопротивлением и в конце концов пали на поле боя, то римское право лишь укрепляло свои позиции, демонстрируя победоносную поступь в Западном и Восточном Средиземноморье... И даже христианство взяло на вооружение институты римского права. Не только потому, что оно содействовало успеху христианства, но прежде всего потому, что в нем были заключены некие вечные идеи всеобщей справедливости и универсализма. Мудрость Рима и римских юристов состояла в том, что они внимательнейшим образом изучали культуру и юридический опыт всех древних народов и привлекали драгоценные кирпичики местных законов для создания единой системы римского частного права. Римляне осуществляли умелую социальную политику в пределах

Империи. Известно, что на позднем этапе они давали гражданство почти всем жителям необъятной Римской империи, вне зависимости от этнического и религиозного статусов. Древние авторы удивлялись тому обстоятельству, что они даже рабам предоставляли гражданство, в результате чего те и вставали на защиту нового отечества. Хотя тут же вспоминается римская пословица: «Sero sapient Trojani» (лат. – «Троянцы слишком поздно стали умны»).

ЗНАЧЕНИЕ РИМА КАК ФАКТОРА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Империи, как люди: если умнеют, то ближе к закату. Когда Рим столкнулся с угрозой исчезновения, когда над головой Империи засверкали мечи варваров, он стал делать уступки народам, пошел навстречу желаниям своих граждан. Казалось, римская мудрость гласит: *Videas, quid agas!* (Лат. «Думай о том, что делаешь!») Но думали они зачастую уже после того, как делали – так поступал Рим с побежденными этрусками и италиками, так было с греками и испанцами, с галлами и германцами и т. п. Именно после того, как судьба, воля императора или другие обстоятельства забрасывали римлян в этот мир, они проникались неким сочувствием к «варварским народам». К примеру, поэт Овидий, которого император Август за проступок (суть которого неясна до сих пор) удалил из Рима, пребывая в Томи, районе румынской Констанцы, стал вдруг вспоминать в стихах горькую участь бедняков, рабов, землекопов, о которых он и не думал в Риме:

Если я плохо пишу, извини меня,
добрый читатель,
Вспомнив о том, где я жил и почему
я писал.
Был я изгнанником, в песнях искал
я забвенья, не славы,

Я забыться хотел, горькие мысли
прогнать.
Не потому ли поет землекоп,
закованный в цепи,
Песней бесхитростной он хочет
свой труд облегчить,
Песню поет и бурлак, в песке
увязая прибрежном,
Против течения реки плот свой
тяжелый влача.
Легче под песню грести и гребцам,
сидящим на веслах,
Дружно у них взлетают весла
и бьют по воде,
Песней, играя на дудке, пастух
овец собирает,
Сев на камне, держа посох в усталых
руках.
Так же, прядя свою пряжу, поет
за работой служанка,
Время быстрее идет, легче
становится труд...

В поздние времена римляне уже не удивлялись, если их императором становился испанец, сириец, германец или галл. Говоря о вкладе римлян в историю, обратим внимание не столько на искусство учета интересов народов, входивших в сферу их влияния, сколь на их умение конвертировать достоинства других в пользу Империи. Римляне умело впитывали и брали все объективно для них полезное. Вся римская культура – это глубокий и органичный синтез элементов культур самых разных средиземноморских народов. Так, позднеримский автор Симмах, рассуждая о римской культуре, пишет: «Оружие мы заимствовали у самнитов, знаки отличия – у этрусков, а законы – из обители Ликурга и Солона». Порой говорят об эклектизме римлян, их малом вкладе в античную средиземноморскую цивилизацию, но такая оценка не совсем справедлива. Римляне умело

впитывали достижения чужих культур, и это не было признаком слабости, а, скорее, наоборот – признаком силы.

Римский народ, учась у других, обучал и воспитывал подчиненные ему народы. История изображала великие события, право гармонично упорядочивало всю систему экономических и социальных связей в обществе, военная мощь давала возможность сохранять мир и спокойствие, хотя, конечно же, и относительные. «Таковы виды наук, истинно римских, достойные того, чтобы ими занимались римляне, таковы науки граждан. Начало законоведению и истории положили патриции; это они занимались тайнами юридических формул, это они являлись авторами великих летописей». Рим нес народам мир, хотя и в кандалах рабства.

Фемида. Бронзовая статуэтка

Все это позволяло сохранять империю, давало возможность ей расти и усиливаться (до известного предела и до поры до времени), объединяя общими юридическими нормами и законами различные народы. Вот и Цицерон, апеллируя к системности и ясности принципов римского права, говорил, что «понять и изучить это право легко, если овладеть общими началами, на которых строится всякая наука». Российская империя, а затем и советское общество в еще большей степени, нежели Рим, строили содружество народов на неких общих принципах, общем законодательстве, единой системе культуры и образования. Жаль, что в сегодняшней науке и обществе сохраняются недопонимание и недооценка достоинств советского периода истории.

Разве же выражение «Рим – наше общее отечество», которое использовали в положительном смысле римские юристы, не было воплощено, причем в более глубоком смысле в советской стране, которая являлась общей родиной многих народов? Проживающий в Риме (в Москве и Ленинграде) оказывался избранником бога, ибо Рим, Москва и Ленинград – это отечество всех... Конечно, немало было тех, кто к Риму (Москве и др.) испытывал неприязнь, отчуждение, даже страх, но все (из обитателей империи) стремились в его пределы.

Рим – Площадь народов

В том и в другом случае провинциалы, на словах порицая или браня Рим (или Москву), устремлялись туда... Пожалуй, благодарность провинциалов, благословляющих Рим за то, что, говоря словами поэта Пруденция, он «поверг побежденных в братские оковы», в самом деле звучит странно, если не иронично... Однако все прекрасно понимали, что «все дороги ведут в Рим», где больше обращается денег, выше культура, лучшие условия жизни, а следовательно, больше шансов и возможностей устроить жизнь и судьбу, помочь своей семье. Поэтому можно поверить в искренность галла Рутилия, который при прощании с Римом лобызал со слезами на глазах «священные камни» города. Так за что же «полюбили» Рим бывшие варвары и рабы? Видимо, за то, что Рим «создал единое отечество многим народам», за то, что «благом стала для покоренных против их воли римская власть», за то, что именно «Рим превратил мир в стройную общину (*urbem fecisti quod prius orbis erat*) и не только владычествовал, но, что важнее, был достоин владычества», за то, что стал для многих из них общей родиной. С тех пор как, по выражению Тьерри, «маленькая община на берегах Тибра разрослась во вселенскую общину», как расширяется и одухотворяется идея Рима, римский патриотизм принимает моральный и культурный характер – любовь к Риму становится любовью к роду человеческому, его идеалом. Лукан, племянник Сенеки, дал этому чувству поэтическое выражение, говоря о «священной любви к миру» (*sacer orbis amor*), прославляя «гражданина, убежденного в том, что он родился на свет не для себя, а для всего этого света». Это общее осознание культурной связи между римскими гражданами породит понятие *romanitas* в противоположность понятию *barbarus*.

Уничтожение христиан языческим Римом

Вопрос о роли христианства и отношении к нему Рима сложен и выходит за пределы нашей темы. Рим претерпел эволюцию — от отнесения христиан к врагам рода человеческого до вознесения этого учения. С одной стороны христианство объединяло гражданина с рабом, с другой стороны — римлянина с варваром. Соответственно римские юристы раба будут рассматривать иначе, указывая, что он не может быть субъектом договора по гражданскому праву, но за ним признается право на натуральное обязательство, обеспеченное должной защитой. Ульпиан, к примеру, скажет, что рабство противно законам природы, ибо перед последними все люди представляются равными (Д. 44. 7. 14). Другой вопрос, насколько то, что провозглашали поэты, историки, философы, юристы, римские императоры в качестве идеалов, принципов самого Рима, соответствовало в действительности практике обычной жизни. Скажем, такие историки, как Полибий, влюбленные в Рим, склонны были видеть в Империи прежде всего защитника и покровителя. Он писал: «Как люди, одаренные возвышенной душой и благородными чувствами, римляне соболезнают всем несчастным и спешат услужить всякому, кто прибегает к ним за покровительством». При всем нашем уважении к историку не будем переоценивать поступки и поведение

Империи, никогда не отличавшейся ни идеализмом, ни бескорыстием, ни гуманизмом.

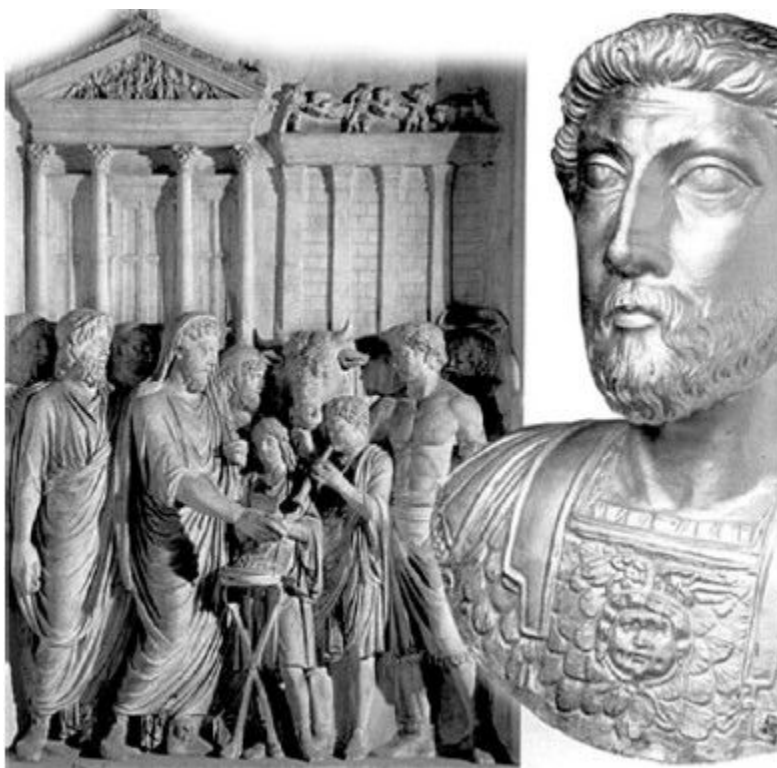

Воинственные варвары – готы

Лучшей эпохой Римской империи признан II век, так называемая эпоха Антонинов, которая определялась личными достоинствами цезарей, царствовавших тогда. То было время, которое можно характеризовать прекрасными словами Тацита, восхваляющего Нерву за то, что он «сумел соединить вещи, прежде (olim) не совместимые (dissociabiles), – принципат и свободу». При Антонине (138–161 гг.), который ранее являлся проконсулом Азии, где заслужил репутацию человека благочестивого и честного (позже ему присвоят имя «Пий», т. е. благочестивый), Рим стал действовать скорее дипломатическими мерами, чем оружием. Его правление многие историки называют эрой «золотого века» Рима. Греческий философ Элий Аристид, наставник юного Марка Аврелия, произнес речь «Панегерик Риму», где сказал, имея в виду все тот же Рим: «Именно ты неопровержимо доказал всеобщую истину, что Земля является всем матерью и общим отечеством. Теперь в самом деле эллины и неэллины, обладающие состоянием или без оно, могут запросто путешествовать повсюду.

Гомер сказал: «Земля для всех общая», – и ты сделал так, чтобы это стало явью... Поистине остается лишь сочувствовать тем, которые

остались — если таковые в самом деле остались — не подвластны тебе, поскольку они лишены этого блаженства». И если даже это было не совсем так или не так вообще, то определенные и весьма важные шаги по унификации системы финансов, законодательств, путей снабжения и т. д. были сделаны. Так, при чеканке ряда монет были использованы названия и символы провинций. Например, Britannia оказалась своего рода прототипом фигуры, которая и поныне присутствует на 50-пенсовых монетах Великобритании. И все же «золотой век» длился не так уж и долго.

Марк Аврелий совершает жертвоприношение у храма Юпитера

«Добрые нравы имеют большее значение, чем хорошие законы», — утверждал Тацит. Поэтому многие и связывают римский «золотой век» с именем Марка Аврелия, императора-философа (121–180 гг.). Этот человек обладал мудростью и внутренним благородством. Только это сочетание в правителе в сумме дает справедливость. Во времена Антонинов ситуация была достаточно гуманной. Ф. Фонтен пишет об

этом времени: «Ведь это действительно тайна. На первый взгляд, случай Марка Аврелия доказывает, что обычный человек в Империи мог достичь вершины власти без наследственных прав и без государственного переворота. Он был избран лучшими как лучший. Такова была по крайней мере теоретически, система передачи власти при Антонинах; Плиний Младший в «Панегерике Траяну» потратил много труда для ее обоснования. Понятно, что реальность была несколько иной. Однако верно, что воцарение Марка Аврелия было достаточно близко к идеалу стоиков и сторонников небывалой имперской республики. Если вообще существует система демократической передачи аристократической власти, то юный Анний Вер был ее совершенным примером». Демократическая передача власти, но главное – достойному человеку, человеку, любившему простоту и мудрость, вот что привлекает нас в Марке Аврелии, а вовсе не то, что в нем была «жилка социалиста». Этот «святой язычник» – видимо, один из достойнейших героев, эрудит, который дал добрый пример европейской классике и современным политикам: *cedant arma togae* (пусть меч уступит тоге).

Артур Хэгес. Он воскрес

Можно согласиться с мнением писателя Ренана об этом философе-императоре: «Поистине, пока мы существуем, все мы будем

носить в сердце траур по Марку Аврелию, словно умер он только вчера. При нем царствовала философия. Благодаря ему на какой-то миг миром управлял лучший и величайший человек своего времени. Это был важный опыт». С.А. Котляревский говорил о роли Марка Аврелия и его вкладе в развитие империи: «Он шел по тому широкому пути правового и морального оздоровления империи, на котором он имел предшественников, подобных Траяну, Адриану и Антонину; им завершился тот поистине не «золотой век» Римской империи, когда ее представители совмещали со старыми, унаследованными от Республики устоями новую универсальную культуру, символически выражающуюся в словах: *рах гомана*. Это была монархия, как нельзя более далекая – несмотря на внешние формы – от азиатской деспотии и едва ли не приближающаяся к типу пожизненной стратегии, описанной в «Политике» Аристотеля. Если верить афоризму, что у всякого народа есть правительство, которое он заслуживает, то населению Империи II века нельзя отказать в весьма высокой исторической оценке. Но как все это было не прочно. Марк Аврелий заканчивал, а не открывал блестящую главу из истории римской монархии.» Монархия плоха тем, что оставляет в дар наследников, которые зачастую по многим качествам уступают главе рода, особенно если он умен, смел, талантлив. Так было и в случае с собственным сыном Марка Аврелия – Коммодом. «За два дня до своей смерти он сказал друзьям (Марк Аврелий. – *Ред.*), что огорчен совсем не тем, что умирает, а тем, что оставляет после себя такого сына: Коммод уже показал себя беспутным и жестоким». Поистине горек жребий родителей, которые не смогли воспитать детей в духе верности предкам (если предки, конечно, достойны того, чтобы отстаивать их идеи и идеалы). Печально видеть крушение надежд.

Пленники Рима

Вспомним о желании Марка Аврелия привести Европу к «финальному решению» да и слова его сына, Коммода, который в речи перед войсками обратился к ним с призывом «...покончить с войной и продвинуть власть Рима до ОКЕАНА». Тогда Марк Аврелий планировал скинуть варваров в Океан, выйти на берега Балтики и таким образом разрешить вопрос об угрозе с севера раз и навсегда. Это заставляет помнить, что Запад при получении стратегического превосходства и военной мощи всегда предпочитает законам и миру меч (*Inter arma silent leges*).

В III в. Рим погрузился в пучину анархии, обусловленной своеволием легионов. В нем развились бюрократическое управление и система Диоклетиана с ее жесткой регламентацией, определением обязанностей каждого (земледельца – к его «глыбе», куриала – к курии, ремесленника – к цеху) стала ее венцом. Эдикты всякому товару указывали цену, возник колонат, переход от рабства к средневековому крепостничеству. Деление людей по разрядам – римские граждане, союзники и провинциалы – заменено делением на социальные классы. Наступил конец античного мира, державшегося двумя понятиями – самостоятельной общины (*polis*) и гражданина. Полис заменен

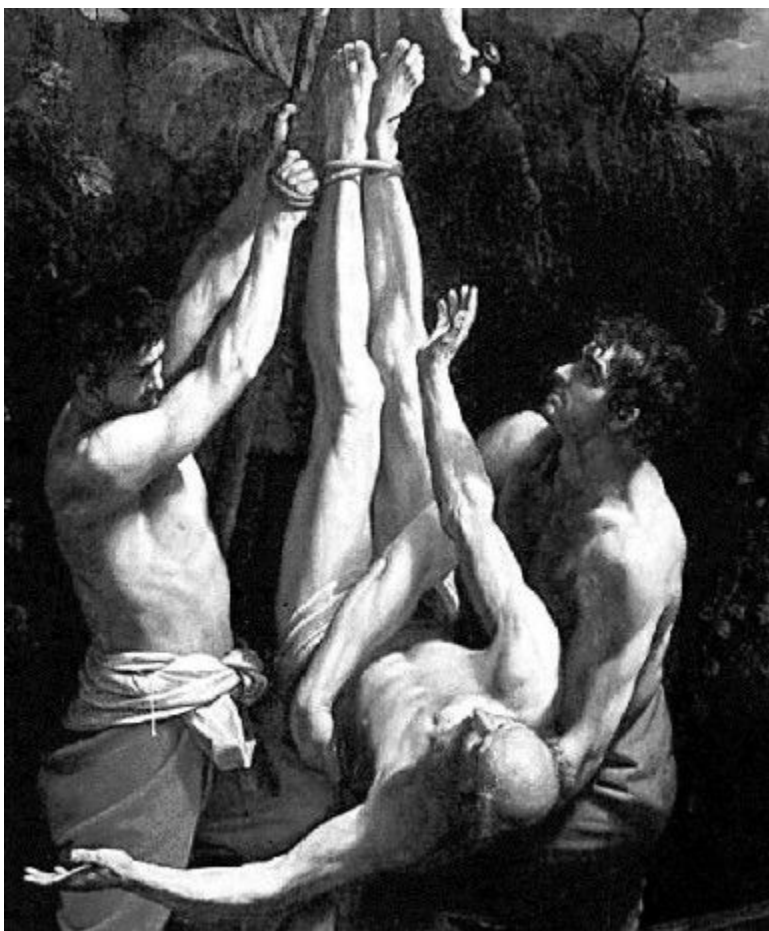
муниципием; почетная должность (*honor*) обратилась в повинность (*munus*); сенатор местной курии, или куриал, стал крепостным человеком города, обязанным до разорения отвечать имуществом за недобор податей. Видоизменяются роль и функция гражданина. Прежде он мог быть магистратом, воином или жрецом. Ныне стал чиновником, солдатом, церковником. Рим, веками державший в руках судьбы мира, дряхлел. Различные народности, входившие в его состав, хотели обрести свободу, независимость. На границах было неспокойно. Варвары приценивались к богатствам Рима. Наступал час великих испытаний.

Диоклетиан, св. Георгий и святая царица Александра

И. Флавий писал: «Как раз в это самое время Рим тоже страдал от тяжелых потрясений. Прибывший из Германии Вителлий привел вслед за своим войском огромную толпу приставшего к нему народа, и так как для их размещения не хватило предназначенных для воинов помещений, он превратил весь Рим в военный лагерь и наполнил каждый дом вооруженными людьми. Те же, не привычные к римскому богатству, ослепленные блеском серебра и золота, едва сдерживали порывы своей алчности и в конце концов обратились к грабежу и

убийству каждого встречного. Таково было положение в Италии». Все это было преддверием куда более грозных дней, ожидавших Рим.

Гвидо Рени. Распятие св. Петра

Между тем в Римской империи произошёл самый важный по своим последствиям переворот – объединение римлян на почве религиозной. Переворот этот подготавливался уже на почве язычества путем соединения богов в общий пантеон или даже путем монотеистических представлений; но окончательно объединение совершилось на почве христианства. Первые христиане из иудеев появились в Риме, вероятно, между 33 и 40 годами. Иудеи в Риме были многочисленны и активны, поддерживая постоянную связь с Иерусалимом. Активность христиан вызвала разногласия в части римских синагог, а затем и волнения... Историк Светоний говорит о волнениях среди иудеев, «находившихся под влиянием Христа (Chrestus)». Не желая терпеть этих возмутителей спокойствия,

император Клавдий в 41 г. подписал указ об изгнании их из Рима. Два видных пророка новой религии, Павел и Петр, вынуждены были принять смерть – Павел обезглавлен в самом Риме, а Петр распят, но распят головою вниз (по его собственной просьбе, чтобы в казни ничем не походил на Христа).

Св. Павел проповедует в Риме

Между иудаизмом и христианством возникло отчуждение, тем более что с 30-х гг. в составе христианских общин появляются и язычники. Римский гражданин Павел твердо стоял на том, чтобы христиане-язычники обратились к вере и стали праведниками не по правилам иудейского закона, а благодаря вере в Христа. Появление этой новой идеологии имело исключительное социально-политическое значение. Дело в том, что Древнему Риму, как и греческому полису, не удалось достичь «социального равенства», несмотря на усилия императоров и стоиков. Аристотель писал, что греческий город «порождает рабов и господ, а не свободных людей». Это же можно было сказать и в адрес рабовладельческого Рима. Конечно, все большее число обитателей империи могло стать римскими гражданами. Однако речи Сенеки и Эпиктета о том, что все люди – дети одного отца, Зевса, и что все – братья, мало кого убеждали. Христианство провозгласило равенство людей перед Богом: «Нет уже ни иудея, нет эллина, нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского, ибо все вы одно во Христе Иисусе». Это поистине революционная социальная модель.

Однако ввиду идейного поворота естественно возник вопрос о том, не было ли христианство причиной падения Римской империи. Рационалист Э. Гиббон, который не был в восторге от нашествия на Рим монахов, отвечал утвердительно. Англичанин писал в книге «История упадка и крушения Римской империи» со ссылкой на античных авторов: ««Монахи» – раса грязных животных, которым Евнаний хо- _ тел бы отказать в названии людей, – были творцами нового богослужения, которое заменило постигаемые умом божества самыми низкими и презренными рабами». Но христианская церковь встала на путь привлечения новых адептов все теми же символами богатства и роскоши – сделанными из золота или серебра глазами, руками и ногами, – а назидательные произведения живописи, которые неизбежно должны были скоро сделать предметами неблагоразумного поклонения, представляли фигуру, атрибуты и чудеса святого. Один и тот же первообразный дух суеверия должен был наводить в самые отдаленные один от другого века и в самых отдаленных одна от другой странах на одни и те же способы обманывать людей легковерных и действовать на чувства толпы. Религия Константина менее чем в одно столетие довершила завоевание всей Римской империи, но сами победители были мало-помалу поработаны коварством своих побежденных соперников».

Император Константин

Правда, христиане, преследуемые языческими императорами, были не расположены к Империи; правда и то, что после своего торжества, преследуя, со своей стороны, язычников и дробясь на враждебные секты, христианство разъединяло население Империи и, призывая людей из мирского царства в Божье, отвлекало от гражданских и политических интересов. Но, сделавшись религией государства, христианство внесло в него новую жизненную силу и стало залогом духовного единства, которого не могло дать распадавшееся язычество. Это подтвердила и история императора Константина, украсившего щиты солдат монограммой Христа и совершившего великий исторический переворот. Христианское предание символизировало в видении креста со словами «Сим победиши» то будущее, в котором Рим, казалось, вновь мог обрести былую мощь, вновь возродиться, но уже в религиозно-мировой форме.

Тимур принимает богатства Рима. Узбекистан. III в.

Произошло то, что рано или поздно должно было произойти. Рим стал слишком большим и неуправляемым монстром. Машина все чаще стала давать сбои. Империю невозможно было удержать, накормить, обустроить да и привести к покорности. Азия и Европа были слишком велики, и маленькая Италия ее бюрократия, уже не могли удержать этих гигантов, которые лишь по случайности не сумели добраться до ворот Рима раньше. В 330 г. император Константин оставил Рим и провозгласил столицей древний греческий город Византий, который со временем стал Константинополем. Единая Римская империя перестала существовать, и на ее базе возникло две империи – Западная Римская и

Восточная Римская империи. Произойдет это в 395 г., хотя номинально имперское единство какое-то время еще продолжало существовать. Столицей по-прежнему считался Рим, а главными императорскими резиденциями в западной части выступали вначале Милан, а затем Равенна. Однако распад Империи продолжался с 395-го по 476 г. Так, Британия, Галлия, Испания, Африка и Паннония были захвачены германскими племенами. После падения Западной Римской империи обозначение Восточной Римской империи (как части общей Империи) потеряло смысл и возникло наименование Византийской империи. Выяснилось, что тогдашняя Европа уже ничего не могла противопоставить гигантской Азии, являясь «карликом» в римских доспехах, хотя и с былыми амбициями. И как бы мы ни оценивали те исторические события, но суть их достаточно очевидна. Народы, заселявшие огромные пространства Центральной и Восточной Европы, при доминирующей и решающей роли Азии вторглись на земли Рима. Это было и неизбежно, и закономерно. Немецкий философ К. Ясперс, говоря о европейских завоеваниях и достижениях культуры, рассуждал об осевом времени, относя первое осевое время к периоду 800–200 гг. до н. э. Падение Рима означало поворот мировой оси, и его также следует отнести к осевому времени. Поворот к универсальности требовал или Азию подчинить Риму, или Рим подчинить Азии. Долгое время Запад был лидером, гегемоном процессов завоеваний и проникновения в другие культурные миры. хвачены германскими племенами. После падения Западной Римской империи обозначение Восточной Римской империи (как части общей Империи) потеряло смысл и возникло наименование Византийской империи. Выяснилось, что тогдашняя Европа уже ничего не могла противопоставить гигантской Азии, являясь «карликом» в римских доспехах, хотя и с былыми амбициями. И как бы мы ни оценивали те исторические события, но суть их достаточно очевидна. Народы, заселявшие огромные пространства Центральной и Восточной Европы, при доминирующей и решающей роли Азии вторглись на земли Рима. Это было и неизбежно, и закономерно. Немецкий философ К. Ясперс, говоря о европейских завоеваниях и достижениях культуры, рассуждал об осевом времени, относя первое осевое время к периоду 800–200 гг. до н. э. Падение Рима означало поворот мировой оси, и его также следует отнести к осевому времени. Поворот к

универсальности требовал или Азию подчинить Риму, или Рим подчинить Азии. Долгое время Запад был лидером, гегемоном процессов завоеваний и проникновения в другие культурные миры.

К. Брюллов. Нашествие на Рим короля вандалов Гензериха

Затем начался процесс покорения Рима и явился «бич Рима» — Атила (433–453), вождь царского происхождения из племени гуннов. Э. Гиббон пишет, что гунны наводили ужас на весь тогдашний мир, ускорив разрушение Римской империи. Наружности Атилы свойственны были черты скифские. Атилу историк античности относит к скифским завоевателям, который возвышался «над грубыми соотечественниками не столько храбростью, сколько своим умом». Э. Гиббон подчеркивает, что из всех завоевателей «древних и новых времен он один соединял под своею властью обширные страны Германии и Скифии».

Рафаэль и ученики. Встреча Льва с Атиллой

С западной стороны его власть простиралась до берегов Дуная и Рейна, он «подчинил своей власти острова океана и Скандинавские государства, окруженные водами Балтийского моря». С восточной стороны трудно, по мнению историка, «установить пределы владычества Атилы над скифскими степями; однако нам положительно известно, что он владычествовал на берегах Волги, что царя гуннов боялись не только как воина, но и как волшебника, что он победил хана грозных геугов и что он отправил послов для ведения с Китайской империей переговоров о союзе на равных с обеих сторон правах». На юге естественными границами его империи были Кавказ, Азовское море, Черное море и Карпаты. Описывая жизнь сокрушителя Рима, говоря о том, что эта граница была «полностью искусственной, выдуманной и даже иллюзорной», исследователь Бувье-Ажан восклицает: «Мания величия! Пустые мечтания больного рассудка! Наглость царька, объявившего себя владельцем пустынь и непроходимых мест, только бы пустить пыль в глаза действительно великим мира сего! Провокация шарлатана! Сколько историков разоблачали «манию Атилы»! Другие же, напротив, видели в этих абсурдных границах фиктивной империи проявление дипломатического гения, поскольку Атила поставил себя в ряд с другими императорами, которые не смогли ему в этом помешать, и

обеспечил себе возможность играть на «незаконном» нарушении границ, как и сами они не раз поступали, когда дело заходило о слабо контролируемых землях». Он разделил всю ойкумену на четыре империи: Западную Римскую, Восточную Римскую, Гуннскую и Китайскую.

Аттила

Хотя напомним, что Рим уже был надломлен после вторжения вестготов Алариха, которые взяли великий город штурмом в 410 г. и разграбили его. Иероним в далеком Вифлееме писал: «...Ужасные новости приходят к нам с Запада. Рим взят штурмом. Люди спасают свои жизни ценой золота. Их ограбили, а теперь травят со всех сторон, так что, расплатившись своим добром, они будут платить теперь самой своей жизнью. Город захвачен, а это значит, что покорен весь мир».

М. Горелик. Потомок гуннов

Одной из причин крушения столь отлаженной за века правления Империи было то, что Атилла, находясь в заложниках у римлян, сумел неплохо изучить сильные и слабые их стороны. Кроме того, создаваемая им Империя обладала притягательной силой как для многих правителей, входящих в Римскую империю, так и для изгоев римско-варварского мира. Многие родственные племена сочли, что лучше быть в родстве и союзе со своими, нежели с грабителями римлянами. Так, готы и гунны заимствовали друг у друга имена, роднились семьями, перенимали обычаи, включая «обычай вождей обниматься и целоваться друг с другом на глазах у всех». Главное, готы переняли у гуннов их жесткое правило, рассматривавшее раскол основного племени (как и племени близких им народов) как тяжелейшее преступление перед страной. Полагаем, что военное могущество гуннов и стало причиной почти мистического страха, который испытывали к ним римляне. Отсюда распространение легенд о них, как о «демонах». Европейцам притязания Атиллы, азиатского царька, казались абсурдными, нелепыми и наглыми. По сути, границы

державы Аттилы напоминают границы современной России. Отважный сын степей был для поработанных народов промыслом Божиим.

Король Теодорих

Империя гуннов просуществовала недолго. После смерти Аттилы не нашлось никого, кто бы мог продолжить дело сплочения германских и скифских (русско-славянских) народов. История гуннов, однако, на том не закончилась. Этот великий народ не мог совершенно исчезнуть с мировой арены, ведь народы не исчезают и не умирают, а передают невыполненные миссии своим наследникам. Скажем, плоды созидательной деятельности Рима достойны похвалы. Они нашли выражение в строительстве городов, виадуков, дорог, обеспечивших могущество Рима, и в существовании римских законов. Дороги связали между собой все части империи, но прочнее дорог связали народы узы римских законов. Эти законы будут регулировать жизнь многих государств и после крушения Рима. Достаточно взглянуть на кодекс германского королевства остготов. Король Теодорих издал около 500 г. кодекс, имевший силу равно для готов и для римлян. Этот кодекс вырастает из римского права, и его статьи напоминают

положения, входящие в кодекс Феодосия или в знаменитый сборник «Приговоры» юриста Павла. И хотя в 154 статьях «Эдикта» короля предусмотрены не все процессуальные случаи, тем не менее он и тогда предлагает обращаться к действующим законам варваров и римлян. Эдикт сохраняет некоторые положения национального права, но достаточно прочесть его с начала и до конца, чтобы убедиться, что от этих положений мало что осталось: так, частное право, уголовное право, процедура изменены в соответствии с римским духом; и документы судебной практики, доступные нам по сборнику Кассиодора «Варии», показывают, отмечает Л. Альфан в работе «Великая империя варваров», что фактически до конца царствования Теодориха на его территории «правило бал почти исключительно римское право».

Варвары

Следует учесть и то, что Рим предстал в глазах многих варваров неким универсальным государством, которое в общем и целом вполне отвечало их жизненным устремлениям, целям и задачам. Эллина не могли дать народам той военной мощи, организации, безопасности, наконец, тех карьерных возможностей, которые давал имперский Рим. Римляне позднего времени были лояльны к другим народам, они уже не демонстрировали своей исключительности, Рим охотно принимал

на службу людей любых национальностей, даже любых религиозных убеждений, любых кровей.

Германские телохранители римского императора. Рельеф на колонне Траяна в Риме

В свою очередь, варвары чувствовали себя все увереннее в рамках Римского государства. Однако (и это не могло не тревожить коренной народ) бурное насыщение институтов державы, как и самой столицы, варварскими элементами меняло облик Рима. Начался процесс, известный как «варваризация Рима». Английский историк А. Тойнби писал: «Таким образом, если варвары неуклонно поднимались по ступеням римской социальной лестницы, то римляне начинали двигаться словно в противоположном направлении. «Германские вожди не только получали теперь высокие командные должности, но и добрались до высших гражданских постов. Во время правления Феодосия консулами были Рихомер, Меробауд и Баудо, а позже появляется по крайней мере еще пять германских имен. Когда канцелярия, гордость императора, перешла в руки варваров, стало ясно, что бывшая исключительность исчезла и германцы завоевали прямой путь в сердце Империи задолго до того, как прогремели их

главные дела», – пишет Диль. Пятый век был эпохой, когда римляне, становившиеся варварами, и варвары, становившиеся римлянами, на какой-то период застыли, взирая друг на друга». Короткая фаза социального паритета стала «периодом неустойчивого равновесия между Варварством и Цивилизацией». Стоит подчеркнуть, что схожие процессы имели место в других великих цивилизациях – в китайской, русской, американской. Но тогда что же привело Римскую империю к катастрофе? Ведь то, о чем мы говорили ранее, т. е. расширение границ Империи, вовлечение в культурный ареал множества варварских племен, усвоение ими норм законов, универсализация систем управления, близость семей или их этническая взаимосвязь, проникновение в правящие слои и на высшие посты в Империи бывших варваров должно было, в принципе, не ослабить, а, напротив, усилить Римское государство. Что этому помешало? Если суммировать все причины и привести их к одному знаменателю, увидим: римский корабль налетел на скалу, имя которой – социально-классовый и племенной мятежи. И причиной стало отсутствие средств существования у подавляющего большинства народа, т. е. у крестьян, ремесленников, пастухов, солдат и т. д. Гауденций писал, что крестьян, умерших от голода или вынужденных принять убежище у церкви, было так много, что ему даже стыдно называть их число. Масса людей стала бандитами в Италии, Испании, в Северной Африке, на Дунае, Галлии и Британии. В итоге в Галлии вспыхнули волнения в 369, 401, 405 гг. В разных частях Империи полыхали войны, мятежи, восстания. Надежды, возникшие в ранний период Империи, так и не реализовались. По выражению римского историка Аммиана, тогда надеялись, что новый строй приведет к тому, что «знатные и бедняки в едином порыве и согласии» пожелают отдать жизнь за свою страну, чтобы обрести спокойную и мирную жизнь на небесах. Наивно идеалистический «золотой век» мечтателей, так и не родившись, уступил место золотому веку обладателей золота.

Обучение гладиаторов

Сальвиан писал о поведении римских богачей и, соответственно, о положении простых людей: «Бедных грабят, вдовы стонут, сирот притесняют, так что многие, получившие либеральное воспитание, ищут совместного с врагами убежища во избежание смерти в условиях всеобщих гонений. Они ищут у варваров прощенья римлянам, поскольку не могут вытерпеть варварское бездушие у римлян.» Римские богачи были безжалостнее варваров по отношению к своему народу, аристократы и сенаторы Рима за годы Империи разбогатели чрезвычайно и были в среднем впятеро богаче, чем на заре Империи. Чтобы понять средний размер богатств этих господ, скажем, что римский писатель Симмах, считавшийся человеком среднего достатка, владел тремя домами в Риме и по меньшей мере 13 домами в различных районах Италии, не считая недвижимости в Сицилии и Африке. При этом, по словам Олимпиодора, каждый из виднейших богачей «имел у себя все то, чем, по-видимому, обладал средних размеров город, – ипподром, форумы, храмы, фонтаны и бесчисленные бани». Таким городом богачей были погибшие в лаве Везувия Помпеи.

К. Брюллов. Гибель Помпеи

Богачи вели жизнь пресыщенно разгульную и паразитическую и не думали вкладывать деньги в производство товаров или в развитие сельского хозяйства. Безудержная алчность заставляла их, как писали христианские моралисты Амвросий и Иоанн Златоуст, покупать «дом за домом, поле за полем, выбрасывая на улицу прежних владельцев и захватывая целые деревни в свои собственные ненасытные руки». Плывая вдоль этрусского побережья, можно видеть безграничные владения новых собственников. Говоря о власти в Риме, путешественник с Востока писал: «В этом городе есть сенат состоятельных людей. Каждый из них должен исполнять свои обязанности на высокой должности. Но они предпочитают этого не делать. Они стоят в сторонке и предпочитают в праздности наслаждаться своим богатством». Они не желали ни облегчить ношу народа, ни участвовать в защите своего государства. Сальвиан справедливо возлагает главную вину за крах Империи на богачей: «Кто может найти слова, чтобы описать гнусность нашей нынешней

ситуации? Теперь, когда Римское государство уже угасает или по крайней мере испускает последнее дыхание в том самом углу, где, казалось, еще теплится жизнь, умирает, скованное путами налогов, как лапами бандитов, остается еще много богатых людей, чье бремя налогов лежит на бедных; иначе – есть очень много богатых людей, чьи налоги убивают бедняков. Я сказал очень много, боюсь, я должен был бы, по правде, сказать все. Богатые становятся богаче за счет уменьшения бремени налогов, которые они и так легко несут, а бедные гибнут от увеличения налогов, которые им всегда было трудно выносить. Так что превозносившееся лекарство чаще всего возвышает одних и так же часто губит других». Безудержное обогащение богатых было на время прервано Валентинианом I (364–375 гг.), дунайским солдатом, «не принадлежавшим к этому магическому кругу и ненавидевшему их самих и их влияние». При нем возник и институт официальных лиц, называемых Защитниками Народа или Защитниками Общества, которые должны были отстаивать интересы бедных слоев и униженных классов. Император, человек из военных, защитник Империи, даже выговаривал префекту Претории Петронию Пробу с явной укоризной: «Мы принимаем необходимые меры для обеспечения простых людей покровителями для защиты их от несправедливости сильных мира сего». Но эти обращения ко всякого рода чиновникам, в том числе и к Пробу, известному угнетателю бедных, были малоэффективны. И когда Валентиниан I умер, богачи и знать вздохнули с облегчением и тут же уничтожили институт защиты бедных, гонимых, униженных.

Упадок Рима

Несмотря на все речи знати и внешнюю лояльность к императору, она была враждебна ему, его окружению и советникам. Тяжело складывались отношения богатых собственников и с армией, поскольку они не хотели делать для укрепления обороноспособности страны ничего. Тревожным сигналом было и то, что средний класс, опора Рима, также нищал: «вся старая цивилизация среднего класса пришла в упадок», так что Риму не на кого было и опереться. Самые «умные» из собственников, так называемые космополиты, что более других имели собственности в других провинциях, боясь краха Рима, который был неминуем (они это, видимо, понимали), успели-таки продать «свою собственность перед приходом варваров» (Алариха, Атили). Некогда великий Рим перед распадом представлял собой лишь тень могучей Империи. Правда, ее поздние правители не были, по словам Ш. Монтескье, лишены некоторой политической мудрости. Они надеялись, что удастся «спасти Италию, которая была некоторым образом головой и сердцем Империи». Поэтому попытки спасти ее были закономерны и разумны. Однако большая протяженность границ, армия, состоящая из наемников чужеземцев, цинизм, продажность, коррумпированность правящих слоев, полнейшее равнодушие богатейших людей страны к нуждам и бедам своего народа, наконец, разделение бывшей Империи на Западную и Восточную (фактически

начавшийся процесс распада) сделали Рим практически беззащитным перед варварами. Они продвигались все ближе к границам Рима, скрывая, однако, свои истинные намерения и заверяя Рим в дружбе (обычная история).

Освальд Шпенглер

Если говорить о финансово-экономической стороне вопроса, то вряд ли будет преувеличением считать одной из причин гибели великой Империи слепое следование целям ее многовековой деятельности, т. е. обретению богатств, денег, земель, рабов. Мощь цивилизации – деньги, дух денег проник «во все исторические формы жизни народов», зачастую вовсе не меняя их и не разрушая (так считал немецкий историк Шпенглер). Но есть и другое мнение. Деньги – важный инструмент, который, однако, не может заменить других, гораздо более важных и основополагающих элементов цивилизации – семьи, любви, армии, крепости устоев, ума, образования, культуры, науки, веры. И когда деньги не как абстрактная, а вполне конкретная величина начинают отрываться от глубинных истоков силы и морального здоровья нации, когда они лишены вдохновения и смысла, они напоминают не «живую воду», возвращающую к жизни, а «воду мертвую», губящую все и вся... Такова правда истории. Шпенглер видел причину гибели Рима, а затем и Запада в чудовищном социальном расслоении. Читаем в его «Закате Европы»: «Я вижу

символы первостепенного порядка в том, что в Риме, где триумвир Красс был всемогущим спекулянтом земельными участками, отведенными под строительство, красующийся на всех надписях римский народ, перед которым даже на расстоянии трепетали галлы, греки, парфяне, сирийцы, в неимоверной нищете ютился в густонаселенных многоэтажных домах неосвященных предместий... что многие благородные семьи родовой аристократии, отпрыски победителей кельтов, самнитов и Ганнибала, вынужденно отказывались от своих родовых поместий и снимали жалкие квартиры, поскольку не участвовали в опустошительной спекуляции; что в то время, как вдоль Via Appia высились удивляющие еще и по сей день надгробные памятники денежных тузов Рима, тела покойников из народа вместе с трупами животных и городским мусором выбрасывались в ужасающую братскую могилу.» Таким образом, вывод напрашивается сам собой: «Нам не надо ставить вопрос, почему Римская империя рухнула, наоборот, мы должны удивляться тому, что она сохранялась так долго». Помимо экономических, военно-политических, материальных причин, были и другие – духовно-нравственные и культурные признаки упадка Рима.

При всем огромном разнообразии взглядов и оценок причин падения Рима удивляет почти всеобщее единодушие ученых, на первое место среди причин гибели поставивших чудовищное социальное расслоение в Римской империи. Одна часть Империи оказалась в тысячи раз богаче другой, и, соответственно, другая часть огромной империи, а именно – беднейшая часть населения, имела все основания испытывать горькие и далеко не дружеские чувства к избранникам судьбы и рода. Видный философ С.Н. Булгаков, выступая сто лет тому назад с публичной лекцией в Москве (22 февраля 1909 г.), говорил, что наш «политико-экономический век стремится даже и Новый Завет, насколько это возможно, перевести на язык политической экономии». КИ это очень правильно, поскольку и наш век наконец-то от создания мифов и легенд перешел к языку политической экономии, ибо язык этот, словно язык давно вымершего племени, был основательно нами подзабыт. Однако и сегодня старые и вечные истины античного строя могут дать нам нужные подсказки и решения. С. Булгаков пишет: «Если отвлечься от этих сравнительно второстепенных деталей и остановить внимание на самых крупных подразделениях общества, то

можно сказать, что в эпоху зарождения христианства социальное неравенство и концентрация имуществ в руках немногих оптиматов (от лат. *optimus* – «наилучший», здесь, в широком значении, «римская знать») при пролетаризации или порабощении остального населения были основной особенностью эпохи. Правда, если сравнить эту концентрацию капитала с теперешней, она кажется слабою; ибо что значат первые богачи древности Рима, какой-нибудь авгур Лентул или вольноотпущенник Нерона Нарцисс с их капиталом миллионов в 35–40, приносящих всего около 1 млн рублей годового дохода, по сравнению с сегодняшними миллиардерами Америки – Рокфеллером, Морганом, Карнеги или же Ротшильдом?

Аппиева дорога – из Капуи в Рим (Via Appia)

Но ведь этому богатству зато противостояли такая бедность и порабощение масс, по сравнению с которыми положение среднего американского или европейского рабочего... кажется недостижимым благополучием. (Впрочем, все такие экономические сближения отдаленных исторических эпох благодаря различию психологий вообще более чем рискованны, и, может быть, правильнее от них совсем воздержаться.)» Однако, несмотря на то что современное общество по части наук, капиталов, технологий и уровней образования лидеров да и трудящихся, их социальных прав и т. п., казалось бы, далеко ушло от эпохи рабовладения, все же подобные сравнения уместны. Прежде всего для некоторых обществ и

стран переходного периода, где как раз психология знати, правящего класса (самовлюбленного Нарцисса, любующегося своим отражением в зеркале Запада), подобна психологии рабовладельца. Сегодня человек даже в демократической стране остается «рабом окружающего внешнего мира» (Н.А. Бердяев). Он в экономическом отношении зачастую поработен не в меньшей степени, чем раб в каменоломнях Сицилии... Уже не говоря о том, что: «Боги назначили на долю свободы почти столько же бедствий, сколько и на долю рабства» (Ш. Монтескье).

Дж. Уторхаус. Нарцисс и эхо

Римское общество трагически раскололось уже не на враждебные классы, это было уже и ранее, а внутри самих классов, на «чужих» и «своих», «наших» и «не наших», на христиан и язычников. Далеко не просто выглядело противостояние христиан и язычников. Идеологи нового мировоззрения готовы были выбросить «в корзину истории» все старые ценности. Как пишет российский и болгарский историк и философ П.М. Бицилли, для них все одинаково «ужасно», «греховно» и «мерзостно» — кровавые цирковые зрелища и «многоплодие язычниц-матерей». Всю культуру старого мира они отвергают как завершившийся, умерший период, как «старый мир». Отметим, что среди этих разрушителей Империи было немало евреев христиан, которые ненавидели римских императоров, имея для этого основания. Клавдий по этой причине изгнал из Рима иудеев, которые подстрекали народ к государственному перевороту.

Якоб Йордане. Изгнание торгующих из храма...

Желая экономически ограничить их влияние, Домициан ввел налог даже на обрезание. Однако чаще и охотнее императоры «обрезали» их кошельки, экономическую власть. Однако дадим слово П.М. Бицилли: «Евреи были рассеяны по всему лицу римского мира – не только на Востоке, но и на Западе. Сальвиан утверждает, что в Галлии – особенно на юге – все города полны «сирийцами». По словам Страбона, нет города (в Римской империи. – *Ред.*), в котором евреи не составляли бы богатой и сильной общины, забиравшей влияние и власть над горожанами. Евреи распространялись не только по городам, но и по селам. Общее число евреев в Империи специалисты принимают в 5–7 миллионов на 54–60 миллионов всего населения. Они пользовались репутацией наиболее беспокойного и хронически революционного элемента. Главную массу иудеев «рассеяния» составляли отпущенные на волю рабы; это был мелкий люд, низший слой городского plebs[^], живший в нищете, случайными заработками. Античное еврейство напоминает современное: крупная буржуазия, негоцианты, финансисты ассимилируются, обособляются от земляков, беднота сохраняет свою особенность, свою национальную

исключительность. В среде этого класса был силен вульгарный иудаизм, поддерживавший умы в состоянии вечного кипения надеждами на близкое царство Мессии, освободителя и мстителя, – воинствующий национализм на несомненной социальной подкладке.» В этих кругах часто упоминали историю гибели «Вавилона» – Рима «с надеждами на истребление «богатых» и скорое торжество «бедных» и с призывами к социальному террору». Все это нашло воплощение в страшном восстании в Иерусалиме в 70 г.

Пытка христиан

Заметим все же, что христианство преобладало среди простонародья. Жизнь христиан была образцом умеренности. Заботясь о внутреннем величии и благородстве и дорожа только духовными сокровищами, они осуждали все связанное с роскошью в преисполненном богатствами Римском государстве, как то: строение пышных зданий, заведение богатейшей мебели – столы из слоновой кости, постели из серебра, обтянутые пурпуровой и вышитой золотом материей, золотая и серебряная посуда, украшенная резьбой и драгоценными камнями (Климент Александрийский. «О воспитании детей»). Христиане жили более чем скромно. В горнице святой Домны, девицы Никомидийской, было несколько предметов: Распятие, книга Деяний Апостолов, рогожа на полу, глиняная кадила, лампада и небольшой деревянный ящичек, в котором хранились Святые Дары для приобщения (Бароний. Деяния муч. Никомидийских). Христиане

не носили одежд яркого цвета; св. Климент Александрийский одобрял белый цвет («О воспитании детей») как знак чистоты, притом сей цвет был в общем употреблении у греков и римлян. Христиане не любили тонких и нежных материй, особенно шелковых, бывших тогда в такой редкости, что про давали их на вес золота; перстней, драгоценных камней, а также завивания волос, опрыскивания себя духами, слишком частого хождения в баню, излишней опрятности, всего, что возбуждает чувственную любовь и пылкое вожделение (Климент Александрийский. «О воспитании детей»; «Постановления апостолов»). Христианский поэт Пруденций видел первый знак принадлежности к христианам в перемене во внешности и оставлении украшений. Аполлоний, древний писатель церкви, делает следующий упрек монтанистам, говоря об их лжепророках: «Скажите мне, пророк напрыскивается ли духами? Любит ли наряды? Играет ли в кости? Отдает ли в рост деньги? Пусть скажут, позволительно ли это или нет? Я докажу, что их пророки то делают» (Евсевий. История...).

Однако если мы устремим взор «с безвременной высоты» сегодня «на тысячелетия мира исторических форм», то окажется, что *Imperium Romanum* видится уже не каким-то уникальным феноменом, но продуктом типичным и даже характерным для современного мира. Во всяком случае, черты Древнего Рима нетрудно уловить в культурах Великобритании, Франции, Германии, Испании, Италии, Скандинавии, Соединенных Штатов Америки... История Рима, как и вся история Запада, – это «Аппиева дорога», где можно видеть наряду с великими сокровищами науки, искусства и культуры, увы, и распятых рабов. Просто цепи стали иные.

Но правомерно ли накладывать «лекала» Рима на современный мир?! Подводя итог сказанному, можно ли утверждать, что Древний Рим был чужд иных идеалов, кроме практических и традиционных (богатство, власть, семья и т. д.)?

На сей вопрос, важный для понимания политики, экономики, морали и современного общества, мы попытаемся ответить. Кирхенгейм, ссылаясь на критерии общественного сознания римлян, утверждал: «Никому не придет в голову искать в истории римского народа, который признавал святость брака более, чем какой-либо другой народ, а понятие о собственности проводил строже и энергичнее других народов, учений, дорогих уму тех, кто любил

питать себя иллюзиями и утопиями». К сходному заключению пришел и Г. Адлер: «В истории Рима в противоположность истории Греции нельзя найти никаких зачатков социализма... (Точнее говоря, социально-утопических идей равенства и общности имуществ.) Не только трезвый и рассудительный ум римлянина, но и его ясно выраженный частнохозяйственный дух наживы помешали ему воспринять идеалы коммунизма». Вывод поддержан немецким философом К. Форлендером: «... философский и вообще литературный осадок социально-критических идей – не говоря уже о социалистических у прозаично трезвого римского народа – гораздо более скуден, чем у богатых фантазией греков». В новых трудах эти оценки национальных качеств римлян формулируются еще категоричнее. В. Найт определяет римлян как грубых и циничных материалистов. Г. Роуз, восхваляя греков за высокую абстрактность мышления, не может удержаться от замечания, что римляне вообще-то были гораздо более «тупоголовым» (slowes-witted) народом. Исходя из подобных тезисов, Г. Фласхар утверждает, что в латинской литературе не было ни понятия, ни предмета утопии, Ф. Полак делает вывод, что «трезвый и практичный Рим не имел ни религиозных, ни светских идеалистических видов на будущее». В западной литературе и по сей день едва ли не общепринятым является мнение о том, что римляне были трезвыми, слишком практичными, «слишком удовлетворенными и слишком самодовольными, чтобы мечтать об идеальных политиях; для них сам Рим был утопией». По крайней мере таковы мнения западных авторов.

Древний Рим

Сходные по существу оценки можно было встретить в отечественной историографии. «Римская социальная теория, – писал, например, российский историк В.П. Волгин, – в значительной степени представляет собою не только аналогию, но и подражание древнегреческим образцам, а иногда и простое их переложение». В книге И.Д. Рожанского находим слова о том, что «теоретическая философия... была чужда римлянам» и что «в области теоретического мышления... мы не найдем ни одного представителя римского этноса. Римляне были, бесспорно, одаренным народом, но их одаренность была проникнута духом практицизма, чуждого греческому гению». В «Культуре Древнего Рима» отмечается, что для римлян был идеальным эталоном сам Рим и поэтому они «не знали утопий»: даже в разгар острейших социальных конфликтов Рим не знал утопий, столь характерных для эллинского и эллинистического политического мышления, и все, с ними связанное, оставалось вне поля зрения римлян. Ю. Чернышев все же заключает: «Римская история не только не является исключением, но и дает весьма убедительное подтверждение этой закономерности». Поиски форм идеального государственного устройства в Риме начинаются, судя по источникам, именно тогда, когда начинают проявляться симптомы углублявшегося

кризиса римской гражданской общины (*civitas*), когда эта замкнутая прежде община в результате обширных завоеваний и быстрого экономического развития, роста богатств одних и нищеты других стремительно перерастает прежние патриархальные, «полисные» рамки, ломая их, превращаясь в столицу огромной средиземноморской державы. Болезненно воспринимаемый обществом процесс ломки традиционных устоев, проявившийся во II в. до н. э., в основном, завершившийся в I в., сопровождался не менее активным развитием политических утопий, чем в соответствующий период «кризиса полиса» в Греции IV в. до н. э. Тем не менее в римской утопии трудно найти проекты идеального государственного устройства, сравнимые по их красоте, стройности и теоретической глубине с теориями Платона и Аристотеля. Для нас, испытывающих сегодня нечто схожее с эпохой перехода от республики к устройству иного типа, представляется чрезвычайно важным понимание «темы Рима».

Утопия

Греция и Рим оставили нам бесценное наследие, которое мы ценим тем в большей мере, чем более узнаем о нем, хотя иногда принято считать, что Рим является только слепком с Греции. Н. Дэвис в своей книге «Европа» говорит о роли Рима в культурной истории человечества. Рим способствовал развитию традиционных римских добродетелей: *gravitas* (чувство ответственности), *pietas* (чувство привязанности к семье и своей стране), *iustitia* (естественное чувство порядка). «Из тех, кто обрабатывает землю, выходят самые сильные люди и самые смелые солдаты», – писал Катон Старший. В наше время историки относятся к Риму очень по-разному: кто преклоняется перед властью, кто восхищается проявлением силы, кого-то больше привлекает римская мощь, чем греческая изысканность. Одни восхищаются размерами Колизея, ставшего символом цивилизации Рима. «Пока стоит Колизей, будет стоять Рим; когда падет Колизей, падет Рим; когда падет Рим, падет весь мир».

Франсуа Буше. Похищение Европы

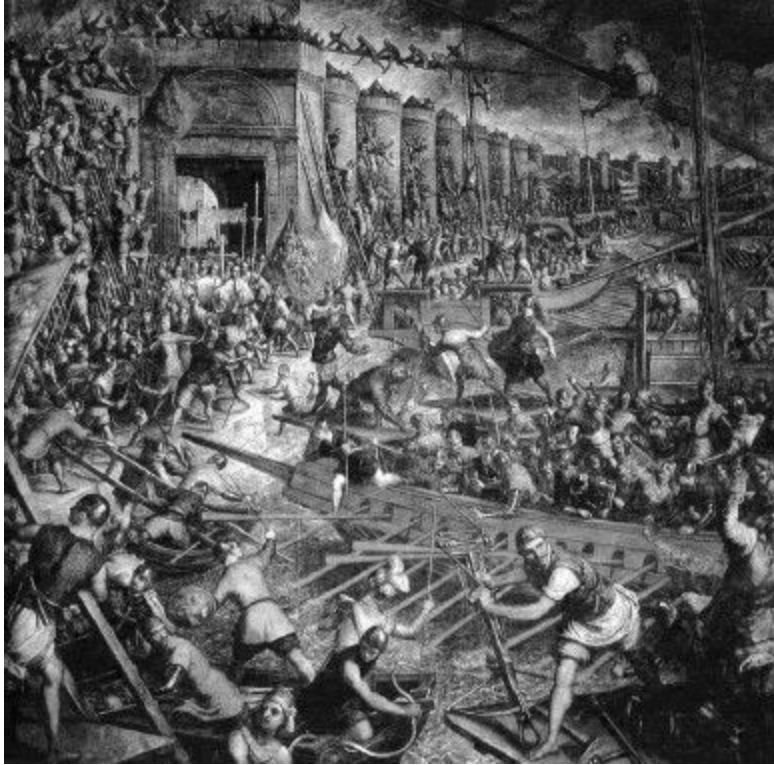
Это высказывание приводят Беда Достопочтенный, Э. Гиббон и многие другие. У греческой цивилизации было качество, у римской – только количество, Греция – оригинальна, Рим – произведен, у Греции

был стиль, у Рима – только деньги, Греция – изобрела, Рим – только изучил и применил. Рим – в лучшем случае подражание и продолжение Греции. Такого же мнения придерживались и римляне интеллектуалы. «Если бы греки так же пренебрегали новаторством, как мы, – писал Гораций, – то какие бы произведения древности сейчас существовали?» Говорят, что римляне вульгаризировали многое из того, что копировали, например, в архитектуре они переняли тяжелый, роскошный поздний коринфский ордер, а не утонченный дорический или ионический. «Самая ткань греческого искусства распадается, – пишет один критик, – когда оно приходит в соприкосновение с таким исключительно практическим народом, как римляне». Конечно, Рим был в долгу перед Грецией. Например, в исключительно важной духовной сфере, в религии, римляне переняли весь олимпийский пантеон, превратив Зевса в Юпитера, Геру в Юнону, Ареса в Марса, Афродиту в Венеру. Они переняли эллинскую философию настолько глубоко, что стоицизм стал типичнее для Рима, чем для Афин. В латинской литературе неизменно образцами были греческие книги, и казалось очевидным, что образованный римлянин должен в совершенстве владеть греческим языком. В спекулятивной философии и науках римляне, в основном, повторяли греков. Цицерон писал: «Красноречием зато мы овладели очень скоро; и ораторы наши сперва были не учеными, а только речистыми, но потом достигли и учености. Учеными, по преданию, были и Гальба, и Африкан, и Лелий. Философия же, напротив, до сих пор была в пренебрежении, так ничем и не блеснув в латинской словесности.» Но полагать, что Рим был чем-то вроде младшего партнера в греко-римской цивилизации, – это ошибка. Римский гений был устремлен в новые сферы – в сферы права, военной организации, администрации и инженерного искусства. Литература Рима – явление самого высокого порядка, не случайно многие выдающиеся римские воины и государственные мужи были и превосходными писателями. Одним словом, Греция и Рим – почти что единокровные братья, хотя один из них и «убил другого», взяв многое из наследия.

Европа-соблазнительница

Даже сокрушив Грецию, Рим перенес дух, идеи греческого духовного господства во второй Рим – Константинополь. Историк и философ Я. Буркхард писал: «Однако Константинополь, где бы он ни располагался, представлял собой не просто императорскую резиденцию, но символ нового положения в государстве, религии и общественной жизни. Основатель его, несомненно, вполне это признавал; ему требовалось место, где новому не мешали бы древние традиции. Заслуженно или нет, но история наделила этот поступок печатью величия; в городе Константина сложились совершенно особый дух, совместивший в себе общественное и религиозное, и совершенно особая культура – культура Византии; любя ее или ненавидя, нельзя отрицать, что это была сила, оказавшая немалое влияние на мир в целом». С Византией связана история и нашей цивилизации. Византия – в каждом камне, слове, законе Руси.

Тинторетто. Осада Константинополя

Пройдут века, прежде чем опыт Римской империи даст возможность Карлу Великому создать Священную Римскую империю. Затем имели место важнейшие в истории цивилизации события – приход на Русь христианства подчеркнем особо – в православной форме, гибель Византии и захват Константинополя, крушение и распад Орды, начало возвышения Московской Руси. Все это – не хронологическое совпадение, но логически связанные события, подтверждение того, что многие народы, в том числе и Русь, вступили на новый и принципиально отличающийся от прежнего этап развития.

Появление на исторической арене мощного Русского государства на фоне потери традиционными оплотами культуры – греками и Римом – их величайшей роли объединителей Европы и Азии имело не только для русских, но и для всего мира огромный историко-философский смысл. В тот период и возник образ русских как «народа богоносного», а о Руси заговорили как о Святой Руси, причиной чего был не столько «золотой век» киевской государственности, сколь, конечно же, московский период – «эра Московии». Период

существования Киевской Руси достаточно сложен и характеризуется многочисленными распрями и раздорами («Брат шел на брата»). Только становление власти Москвы положило начало созданию великой империи, Русского государства, формированию единого Русского народа... Именно в этом контексте следует понимать фразу создателя церковно-политической концепции «Москва – Третий Рим» монаха Филофея: «Два Рима падоша, Четвертому не бывать». Формула подтверждена не раз в битвах с многочисленными претендентами на мировое господство. Исследователь М.П. Кудрявцев выделил три категории символики Третьего Рима. Во-первых, символы, заимствованные у великих древних держав, наследницей которых и осмысляла себя на некоем этапе Москва: Рим, Константинополь, Иерусалим. Во-вторых, символика апокалиптического Града Божия – Небесного Иерусалима, описанного в «Откровении» Иоанна Богослова. В-третьих, символы, связанные с земной Жизнью Господа Иисуса Христа и Святой Земли.

Хотим мы того или нет, но фактически случилось так, что история избрала нас, русских, хранительницей единства христианского мира, хотя иные полагали, что мы должны стать и наследниками Римской империи. Есть некая логика в словах одного из современных авторов: «Поэтому нельзя не признать величайшей нашей национальной ошибкой тот, например, факт, что наши учебники истории начинались и начинаются не *ab Urbe condita* (от основания Рима), а с каких-то мучительно туманных и невнятных поисков «прародины славян» и обозрения «палеолитических стоянок на территории страны». Нормальный курс истории России должен состоять из трех отделов – римской истории, византийской истории, и русской истории, плавно перетекающих один в другой. Конечно «последний Рим» для нас важнее всего, и уделять ему надо совершенно особое место, но в определенном смысловом ряду». В лице Руси Великой возник важнейший субъект новой истории, и Русь была избрана, чтобы послужить преградой всем злым силам.

Москва – Третий Рим!

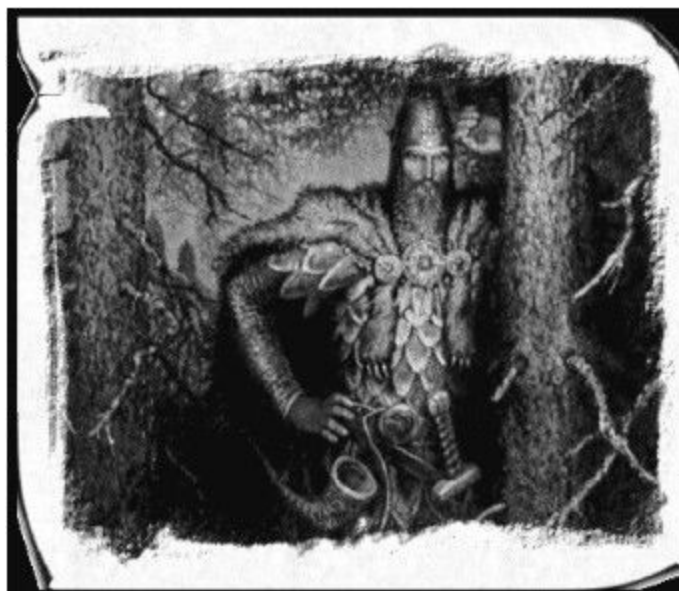
люков, изучавший этот вопрос, характеризует ее как «красивую метафору, заключающую в себе целую историю и судьбоносный оттенок доктрины монаха Филофея – «Четвертому Риму не бывать». Напомним, что формула «Третьего Рима» являлась в разные периоды истории не только в России. Вероятно, идея эта пришла в Москву из Болгарии, где болгарский литератор в середине XIX в. хотел перенести славу «старого Рима» и «старого Царьграда» на «Новый Царьград – Тырнов». Историк П.Н. Мию историческую схему, целую философию всемирной истории». Нет смысла перечислять всех тех, кто так или иначе предлагал России унаследовать роль Третьего Рима. Хотя, скажем, российский философ Н.Ф. Федоров считал: «Между язычествующею Европой и иудействующим исламом Россия может быть посредником. Москва не Третий Рим, не новый Константинополь, а только наместник последнего». Но стоит ли нам играть роль наместника? Возможно, византийское наследие сыграло свою положительную роль, но можно ли было ожидать, что идеалы эти овладеют нами, «когда государственный строй, их воплощавший, терпел крушение, когда византийскому «царству» пришлось выслушать суровый исторический приговор?» (И.Н. Жданов. 1895.)

Если даже признать, что мы некогда многое взяли от Византии, то ее крах, а затем и крах «новой Византии» – СССР – заставляет всех задуматься. У Российской державы – иные идеалы. Конечно, и создание новой России не обошлось без силовых действий. Принцип органической кристаллизации и централизации лежали в ее основе. Вечевые элементы демократии, ранее отступавшие на второй план, в условиях цивилизации и мира обрели новую жизнь. Российский историк В.О. Ключевский как-то заметил: «В России развилась особая привычка к новым эрам в своей жизни, склонность начинать новую жизнь с восходом солнца, забывая, что вчерашний день потонул под неизбежной тенью. Это предрассудок – все от недостатка исторического мышления, от пренебрежения к исторической закономерности».

Находясь, как говаривали римляне, *in sano sensu* (лат. – в здравом уме), рискнем высказать предположение о том, что эти великие задачи если и по плечу кому-то, то объединенной группе народов Евразии и Европы, куда входит мощной составляющей славянская общность, имеющая в своей основе арийское начало. Весьма показательно и то, что до 60 % слов русского современного языка имеют большее или меньшее сходство со словами древнеарийского языка (санскрит). Такой степени сходства нет больше ни в одном из языков арийской языковой семьи. Это объединяет и Евразию!

Однако при этом следует учитывать намерения Запада, не всегда дружелюбные. В предисловии к двухтомнику «Россия и русские» Дж. Хоскинг из Лондонского университета писал: «Россия – одно из самых великих в истории государств, выживших, несмотря ни на что. В той или иной форме она существовала более тысячи лет и часть этого времени была самой обширной по территории державой на земле. Ныне Россия является одной из самых значительных держав Евразии и останется таковой». Подобно волхву он призвал Европу трезво смотреть на положение вещей, не сбрасывая со счетов Россию. Потому что на его взгляд: «Россия не исчезнет, не сойдет с мировой арены – она продолжит играть главную роль в формировании мира XXI в., и, бесспорно, роль отрицательную». Эти необъяснимые страхи, комплекс Эдипа, ослепившего себя, преследуют иных европейцев... Россия в далеком прошлом, увы, не всегда была вне подозрений, но в главном своем предназначении играла и играет в истории в одном случае

важную и спасительную, в другом – оздоровительную роль для всего человечества.

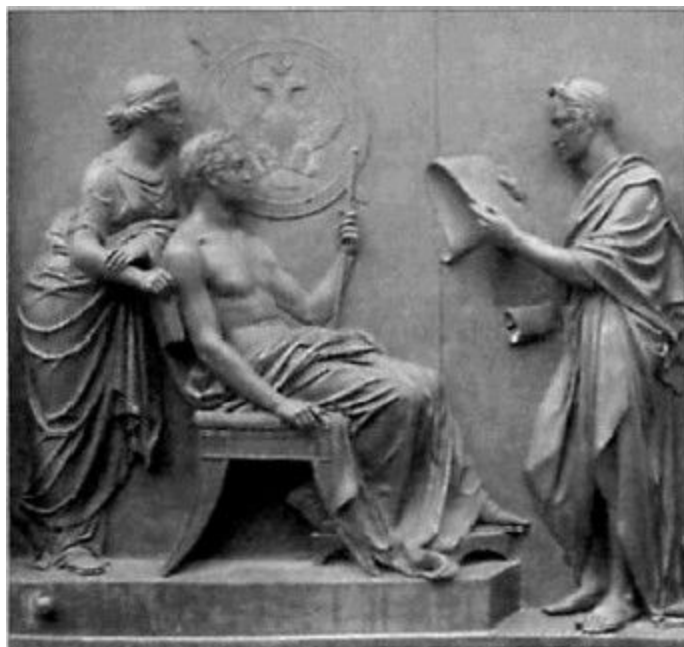
Волхв – персонаж русских былин

Поэтому, не пренебрегая Европой, нужно искать союзников и на Востоке. Когда-то сначала разгром татаро-монгольских владык, а затем союз с мусульманским миром позволили Руси накопить силы, подняться и укрепнуть. Ту же тенденцию видим и в отношении Запада – сначала сокрушение завоевателей, а потом союз с ними. Такой подход может и ныне принести свои плоды. Русская наука могла бы оказать значительную услугу делу политического влияния на Востоке. Пока еще не упущено время, пока другие не завладели принадлежащими России местами на Востоке (впрочем, не в меньшей степени и на Западе, где мы еще не сказали своего слова), необходимо воспользоваться тем медленным, но верным средством, к которому всегда прибегал романо-германский мир в борьбе со славянами.

Взвешенно, трезво, умно оценивая возможности России, будем мостить пути на Запад и Восток– всюду, где есть наши геополитические, экономические, научные, культурные интересы.

Однако тема «битв цивилизаций» не исчерпана... Россия уходит от уравнилельно коммунистической модели развития, и это означает одновременно рост богатств страны, нашей культуры, появление

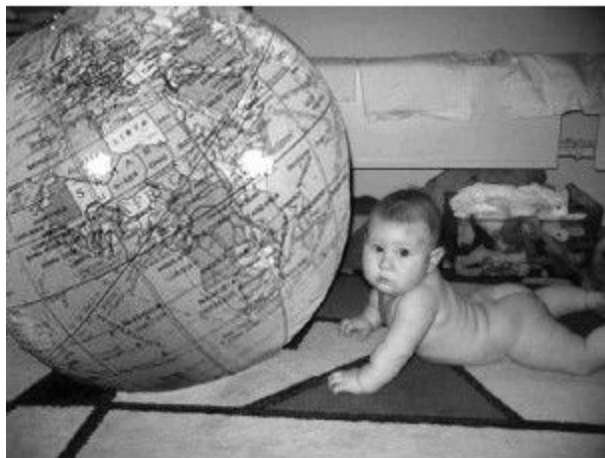
богатых людей, но и возникновение новых противоречий. Если богатства будут добываться тяжелым трудом и талантом, а не войной, грабежом или казнокрадством, то такая Россия может стать примером для многих народов. Но даже тогда она будет встречать глухое сопротивление, недовольство и угрозы, так как условия существования мира – с каждым новым миллиардом все более стареющего населения, истощением недр и запасов ресурсов и воды на Земле, усилением дифференциации среди массы народов – будут подводить «точку кипения в котле» к опасной черте. Владеющая значительной частью полезных ископаемых, Россия вызывает раздражение, зависть и неумное желание подчинить ее воле Запада, а возможно, и поработить... И только мощь России позволит ей расти и крепнуть в этих новых условиях, создаваемых нами самими – экономикой, наукой, культурой. Они и будут способствовать тому, чтобы все народы, культуры, цивилизации, веры воссоединились в мире Разума.

Горельеф на левой стороне пьедестала памятника Н.М. Карамзину

Великий историк Н. Карамзин, приступая к «Истории государства Российского», писал: «Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не русского вообще занимательнее,

представляя более душевной силы и живейшую игру страстей; ибо Греция и Рим были народными Державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних». Не только не менее любопытны, а гораздо более, ибо то, что сделала Россия, не смогли достичь ни Александр Македонский, ни персидские владыки, ни китайские императоры, ни даже цезари Рима, все, вместе взятые, ни самые могущественные народы Европы (немцы, французы, голландцы). Возможно, важным исключением стали испанцы, сумевшие всего за три века своей истории освоить латиноамериканский континент, и англичане с французами – создатели Рах Americana. Вместе с тем надо вспомнить предостережение великого российского ученого, провидца Н.Ф. Федорова. Сто лет тому назад, говоря о призвании России, он писал: «Россия добьется многого, очень многого, если преодолет два порока: несмотря на независимость, та не имеет самостоятельности и служит орудием то одной, то другой европейской партии, а также то, что в политике у нас нет русских. Россия непременно окажется в выигрыше и победит, если осознает ее главное предназначение: быть посредником» и никогда «не противодействовать духовно-умственной и научной силе». В работе «Вопрос о восстановлении всемирного родства. Средства восстановления родства» Н.Ф. Федоров, говоря об объединении христианских церквей, вместе с тем приводит в пример американские племена, населявшие материк. Он говорит: если бы «все эти племена соединились и составили соединенные племена – роды, а не штаты С. Америки», то они, возможно, выжили бы. Однако они «не соединились и потому сделались легкою добычею нынешних европейских американцев, которые – виновные в их вымирании – составляют кладбища и музеи». Также должна соединиться Евразия, и не для того, чтобы держать в страхе и трепете мир, а чтобы сделать его мудрым и добрососедским, более справедливым и разумным.

Хочется надеяться, что Европа с Америкой, крупнейшие центры культуры, знаний и могущества, обретя спасительные равновесие и гармонию, присоединятся к нам в этом стремлении. Возможно, тогда поверим Фукуяме («Конец истории»): «Для большей части постисторической Европы Кубок мира заменил военную конкуренцию в качестве главной отдушины для националистического стремления быть первыми». На этом пиру миролюбивых народов достойнейшее место займет и Россия.

Битвы цивилизаций в виде военных столкновений должны исчезнуть из истории человечества. Цивилизации должны только сотрудничать, достигая при этом высшего уровня общественного развития, развития материальной и духовной культур. Достижимы ли эти великие идеалы?